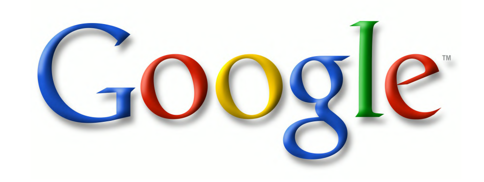

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ

КАКЪ

ВОСПИТАТЕЛЬ И УЧИТЕЛЬ НАРОДА.

И. В. Соколовскаго.

1873.

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ

КАКЪ

ВОСПИТАТЕЛЬ И УЧИТЕЛЬ НАРОДА.

Sokolovskiĭ, I.V.

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ

какъ

ВОСПИТАТЕЛЬ И УЧИТЕЛЬ НАРОДА.

И. В. Соколовскаго.

КАЗАНЬ.
ВЪ ТИПОГРАФІИ УНИВЕРСИТЕТА.
1873.

Перепечатано изъ «Ученыхъ Записокъ» Императорскаго Казанскаго Университета 1873 г. №№ 4 и 5.

Приступая къ изображенію просвѣтительной дѣятельности Петра Великаго, должно указать какъ на тѣ цѣли, которыя онъ преслѣдовалъ въ жизни, такъ и на побужденія, руководившія его дѣйствіями, на интересы, волновавшіе его.

Узкимъ, обыденнымъ пониманіемъ жизни, по которому цѣль ея—счастье—можетъ быть достигнуто при довольствѣ одного только личнаго „я" или семьи, Петръ не довольствовался. Онъ является провозвѣстникомъ другой, болѣе широкой идеи, рѣдкой гостьи русской земли, идеи, по которой личное счастье можетъ быть вполнѣ достигнуто только вмѣстѣ съ общимъ. „Государственная польза", „всенародная польза", „всеобщее благо",—вотъ цѣли, достойныя по взглядамъ Петра лучшихъ, благородныхъ человѣческихъ стремленій. Что же именно должно было по его понятіямъ составить благо народа? Прежде всего доставленіе ему политическаго значенія въ средѣ другихъ націй, силы и умѣнья постоять за себя въ минуты столкновеній, а для предупрежденія послѣднихъ—сближеніе съ другими національностями чрезъ возможно-большее расширеніе мирныхъ сношеній съ ними. Хотя Петръ и полагалъ, что воинское дѣло—первое изъ мірскихъ дѣлъ, хотя онъ хотѣлъ самъ быть и другихъ видѣть солдатами, но онъ всетаки не способенъ былъ отдаться только политическимъ соображеніямъ, а тѣмъ болѣе завоевательнымъ планамъ. Внутреннее спокойное развитіе народа было постоянно предметомъ его желаній. Устранить тяжелое экономическое положеніе государства, народныя бѣд-

ствія, раззоренья всякаго рода, установить болѣе справедливыя отношенія между членами его, изгнать изъ общественной и семейной жизни господство своеволія и самодурства, разсѣять темные призраки, что владычествовали надъ умомъ народа, разрушить темное царство аскетизма и суевѣрія, пробудить заснувшія силы, приучить общество къ болѣе честной самостоятельной жизни,—съ достиженіемъ всего этого, по мнѣнію Петра, неразрывно было связано благо народное. Успѣхъ возможенъ только при введеніи въ возможно большихъ размѣрахъ двухъ могучихъ рычаговъ общественнаго развитія: всепобѣждающаго труда и всепросвѣщающаго знанія. Мало того что научныя знанія собирались по всей Европѣ; пытливой мысли „развѣдчиковъ" предназначалось проникнуть и въ заповѣдныя сибирскія тайги, невѣдомыя степи, горы, заглянуть въ темные закоулки русской жизни, все вытащить на божій свѣтъ, чтобы съ собранными свѣдѣніями,—„когда науки и искуства произойдутъ въ вящій цвѣтъ", истина и трудъ смѣлѣе могли разгуляться по лицу русской земли, разрушая отжившія старыя начала, созидая новыя, реформируя жизнь. На всякаго члена общества для блага цѣлаго должна быть возложена какая нибудь работа, будетъ ли онъ совершать далекіе походы, будетъ ли строить корабли, рыть каналы, пахать землю, отыщетъ ли руду, построитъ ли заводъ, переведетъ ли книгу, будетъ ли завѣдывать распорядкомъ и сбирать денежную казну, только трудъ, непремѣнно трудъ. На знатность рода, на породу не слѣдуетъ обращать вниманія. Чѣмъ больше труда положитъ членъ общества въ свое дѣло, чѣмъ больше знаній и честности покажетъ онъ, тѣмъ высшее мѣсто онъ займетъ въ обществѣ. Вотъ крайній предѣлъ тѣхъ началъ, какія стали вводиться Петромъ въ русскую жизнь, хотя, можетъ быть, и безъ сознанія возможныхъ послѣдствій. Но съ Петромъ случилось то, что нерѣдко бываетъ съ историческими дѣятелями: нельзя не замѣтить, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ поступается своими воззрѣніями, вступаетъ въ компромиссъ съ прошедшимъ, поддается вліянію обстоятельствъ и окружающихъ лицъ, а иногда увлеченіямъ своей натуры—отсюда является непослѣдовательность, противорѣчія во взглядахъ и въ образѣ дѣйствій. Такая смѣсь старыхъ и новыхъ началъ поражаетъ и въ томъ случаѣ, когда дѣло касается отношеній государя къ народу. Съ одной стороны понятія и

пріемы чисто московскихъ царей: то-же представленіе о божественномъ происхожденіи царской власти, объ отвѣтственности за свои дѣйствія только передъ Богомъ, прежніе злые умыслы противъ государева здоровья стали носить имя злыхъ умысловъ противъ персоны его царскаго величества. Московскіе взгляды и привычки тѣмъ крѣпче держались, что находили себѣ оправданіе въ примѣрахъ Западной Европы, въ томъ благовѣйномъ уваженіи, съ которымъ многіе относились въ Европѣ къ творцу Версаля и къ людямъ, умѣвшимъ поражать роскошью и внѣшнимъ блескомъ. Но съ другой стороны уже одно то, что Петръ рядомъ съ собой выставилъ новое „величество", самое обращеніе съ княземъ-касаремъ заставляютъ предполагать, что онъ не чувствовалъ симпатіи къ типу недоступныхъ — владыкъ, въ который выработались московскіе цари. Петръ обставилъ идеалъ государя совершенно новыми условіями, старался подчинить его дѣятельность тѣмъ же началамъ, выполненіе которыхъ онъ признавалъ необходимой обязанностью каждаго члена общества. Такъ государь во имя общаго блага долженъ *служить* государству, народу. Свое служеніе онъ начинаетъ съ нисшихъ ступеней, неся на себѣ служебныя обязанности. Образованіе, трудъ, заслуги, признанныя другими, даютъ ему право подниматься на высшія ступени общественнаго положенія. Петръ допускаетъ вліяніе на него, государя, чужаго мнѣнія; онъ терпѣливо выслушиваетъ споры, дорожитъ общественнымъ мнѣніемъ Европы, сужденіями людей честныхъ, образованныхъ. Во имя безпристрастія онъ отказывается на время отъ своей власти, проситъ совѣта и суда у другихъ въ дѣлѣ съ собственнымъ сыномъ, онъ удѣляетъ довольно значительную долю власти новому учрежденію, сенату, признавая за нимъ возможность замѣнять въ нѣкоторыхъ случаяхъ персону его величества; наслѣдникъ престола не можетъ занять его, если окажется непотребнымъ и можетъ быть замѣненъ другимъ, чужимъ. Для пользы Россіи Петръ готовъ отказаться отъ царской власти на неопредѣленное время, а въ случаѣ смерти поручаетъ избрать въ наслѣдники „достойнѣйшаго". Государь является не прежнимъ помѣщикомъ вотчины, а трудолюбивымъ управляющимъ ея, руководимымъ заботами объ общемъ благѣ, о справедливости, зависимымъ отъ общественнаго мнѣнія.

Съ измѣненіемъ взглядовъ на отношенія государя вообще къ народу произошла перемѣна во взглядахъ на то, какъ долженъ поставить себя государь въ обыденныхъ сношеніяхъ съ разнаго рода людьми. Петръ чувствовалъ отвращеніе къ уединенной замкнутой жизни во дворцѣ; ему казалось, что только дѣтей позволительно оставлять дома, что лишать однихъ царей человѣческаго общества—варварскій и безчеловѣчный обычай. Надо узнать народъ, которымъ управляешь, а чтобъ узнать его, надо прежде всего сблизиться съ нимъ ([1]). Бывшіе холопы становятся рядомъ въ качествѣ участниковъ въ общемъ дѣлѣ служенія родинѣ.

Должны были измѣняться и взгляды на права государя надъ общественными суммами, собираемыми съ народа. Не разъ заявленъ былъ Петромъ взглядъ, что правитель не долженъ тратить чужаго имущества на личныя нужды,—бережливо распоряжаться добытымъ потомъ и кровью. Замѣчательно, что Петръ просилъ назначить ему жалованье по заслугамъ", по достоинству его трудовъ и говорилъ, что трудовыми деньгами можетъ распоряжаться, какъ самъ хочетъ ([2]).

При введеніи въ жизнь этихъ новыхъ началъ, Петръ, какъ извѣстно, не считалъ нужнымъ стѣсняться крутостью, радикальностью средствъ и мѣръ, такъ что на первый взглядъ онѣ кажутся безпощадными, непростительно жестокими. Но въ этомъ случаѣ Петръ является только сыномъ своего суроваго времени. Правда, онъ не заботится въ этомъ случаѣ о распространеніи гуманныхъ началъ, но не думаетъ и о нововведеніяхъ и изобрѣтеніяхъ по части инквизиціонныхъ мѣръ и казней. Онъ даже старается ограничить въ нѣкоторыхъ случаяхъ пытку ([3]). За то замѣчателенъ тотъ фактъ, что Петръ въ своей реформаторской дѣятельности не ограничивается одними предписаніями и требованіями, при-

---

([1]) Голиковъ. Дѣянія П. В. IV, 245. Корбъ, 257. Берхгольца Дневникъ. II, 84.

([2]) Подробныя доказательства будутъ ниже.

([3]) Подробное объясненіе суровости мѣръ Петра и сравненіе ихъ съ допетровскими казнями и съ уцѣлѣвшими въ западно-европейскихъ колесахъ—въ статьяхъ г. Шмыткина «Панегиристы и порицатели П. В.» Рус. Сл. 61 г. Въ петровскомъ законодательствѣ можно найти нѣсколько мѣръ, клонящихся къ ограниченію свободы слова. №№ 2223, 3653, 3775.—29 и 149 арт. Воинскаго устава.

нудительной и карательной стороной мѣръ. Въ разныхъ случаяхъ онъ старается *убѣдить* въ полезности и необходимости предпринятой реформы, задуманнаго дѣла, издаваемаго закона. Для большой убѣдительности въ указахъ, манифестахъ, регламентахъ приводятся въ доказательство не только библейскіе факты, цитаты (что возможно было и въ допетровской Руси), но выписывается длинный рядъ примѣровъ изъ исторіи общей, русской, церковной, предлагается разсудить о томъ или другомъ. Подъ вліяніемъ Петра создается цѣлая литература въ защиту реформы, произносятся проповѣди политическаго характера, пишутся цѣлые трактаты и проч. Не додумался только Петръ до сознанія о пользѣ отъ вполнѣ свободнаго обсужденія его мѣръ и указовъ. Свобода слова казалась слишкомъ страшной. Впрочемъ онъ давалъ довольно видное мѣсто гласности, особенно въ политическихъ преступленіяхъ.

Вотъ общая программа тѣхъ началъ и взглядовъ, о которыхъ Петръ заявлялъ своему народу въ разное время, по разнымъ случаямъ, разными способами. Но это не значитъ, чтобы Петръ былъ способенъ явиться говоруномъ. Онъ сознавалъ, что „воистинну легко писать и указывать, а самому не дѣлать" ([1]). Нѣтъ, онъ стремился осуществить ихъ въ дѣйствительной жизни, онъ самъ, гдѣ можно, первый принимался за работу. Посмотримъ теперь, дѣйствительно ли соотвѣтствовалъ его взглядамъ общій характеръ его дѣятельности.

Сначала обратимъ вниманіе на то, насколько онъ приготовился къ своему дѣлу, какого рода знаніями и въ какомъ количествѣ онъ владѣлъ.—Прежде всего нужно упомянуть о томъ выгодномъ положеніи, которое занялъ Петръ, вырвавшись изъ душной атмосферы царскихъ палатъ;—предъ нимъ раскрылось широкое поприще для умственныхъ и физическихъ трудовъ—Россія и Европа; тутъ онъ могъ лицомъ къ лицу столкнуться съ невѣдомой жизнью, сблизиться съ представителями разныхъ націй, вѣръ, степеней образованія, общественныхъ положеній и проч. Въ тоже время и природа рѣдко награждала кого такой впечатлительностью, наблюдательностью, живымъ, свѣтлымъ умомъ, не просто

([1]) Голиковъ; II, 241.

любознательностью, а сверхъ жаждой знанія, энергіей и тѣлесной крѣпостью, какими одѣлила она Петра Перваго.

Не даромъ дивились ему современники и между прочимъ такой замѣчательный человѣкъ своего времени, какъ Лейбницъ (1). Въ молодости уже обнаружилась въ немъ любовь къ положительнымъ знаніямъ, практически примѣнимымъ и особенно къ касающимся военнаго и морскаго дѣла,—и Петръ 15 лѣтъ поступилъ „въ чинъ учениковъ", не научившись до того твердо и орфографически—правильно писать. Познакомившись съ ариѳметикой, нашедши учителя въ голландцѣ Тиммерманѣ, Петръ началъ подъ его руководствомъ заниматься геометріей, и вслѣдъ за тѣмъ перешелъ къ изученію фортификаціи и артиллеріи. Для этой же цѣли, вѣроятно, перевели по приказанію государя въ 1685 г. съ иностраннаго: „художества огненная и всякія воинскія орудія ко всякимъ городовымъ приступамъ и оборонѣ приличныя". Знанія въ военномъ искуствѣ увеличились еще отъ участія царя въ строевой службѣ (2). Пріобрѣтенное провѣрялось на практикѣ сначала только въ потѣшныхъ, а потомъ и въ азовскихъ походахъ, гдѣ Петръ, какъ извѣстно, принималъ дѣятельное участіе въ качествѣ офицера, инженера и артиллериста. Свои знанія въ артиллеріи Петръ пополнилъ во время перваго путешествія заграницу подъ руководствомъ главнаго инженера прусскихъ крѣпостей Штернфельда, который „ежедневно... Петра Михайлова не только въ теоріи науки, но въ практикѣ частыми работами собственныхъ рукъ его обучалъ и упражнялъ". О знаніяхъ Петра въ артиллеріи говорятъ и уцѣлѣвшія въ его письмахъ и бумагахъ подробныя собственноручныя наставленія и замѣтки о разныхъ составахъ пороха, о калибрѣ орудій, о правилахъ, какъ попадать въ данную точку (3) и проч. Кромѣ того одной изъ

---

(1) Лейбницъ называетъ царя «очень любознательнымъ», а дарованія Петра ingenio—громадными. Въ письмѣ къ Бурге онъ пишетъ: «я не могу довольно надивиться живости и уму этого великаго государя». Герье: «Отношенія Лейбница къ П. В.» Журн. М. Н. П. 1870 г. февр. 515 пр. 377.

(2) Устр. II, 18 и 19 и предисловіе къ морскому регламенту въ I и прил. ко II т.; 120—129. Соловьевъ, XIV, 71; прим. Пек. I, 220

(3) Устр. III, 32—34. Афанасьевъ. Госуд. хоз. при П. В. Совр. 1847 г. книж 36.

главныхъ цѣлей перваго путешествія Петра заграницу было—пріобрѣсти спеціальныя практическія и теоретическія знанія въ любимыхъ имъ до страсти кораблестроеніи и мореплаваніи вмѣсто первоначальныхъ практическихъ свѣдѣній, полученныхъ въ Россіи отъ Бранта и Корта. Въ Голландіи царь бралъ уроки по математикѣ и навигаціи у знатока этихъ наукъ Альбертсона фанъ-Дама и уроки черченья у Адама Сило. Въ тоже время онъ изучилъ въ продолженіи 4½ мѣсяцевъ на остъиндской верфи все, „что доброму плотнику знать надлежитъ". Но такъ какъ относительно кораблестроенія въ Голландіи преобладали практическія знанія, а теоретическія еще слабо развиты, то чтобы еще больше усовершенствоваться въ корабельной архитектурѣ, Петръ поѣхалъ въ Англію и тамъ изучилъ ее въ 4 мѣсяца (¹). Въ его подробныхъ письменныхъ инструкціяхъ и замѣткахъ, касающихся постройки доковъ, кораблей, судовъ, ихъ отдѣлки, оснастки обнаруживается знатокъ корабельнаго дѣла во всѣхъ его частяхъ. Петръ, кажется, зналъ морское дѣло лучше всѣхъ русскихъ. Объ его обширныхъ знаніяхъ въ военномъ и морскомъ дѣлѣ говорятъ также и иностранцы (²).

Кромѣ того Петръ научился еще многимъ ремесламъ. Еще въ 1697 г. ганноверская курфистина писала, что царь знаетъ въ совершенствѣ 14 ремеслъ, не называя впрочемъ какихъ, и откуда она это узнала. Его познанія въ ремеслахъ обнаружились также во время посѣщенія имъ Парижа, когда царь, заходя къ ремесленникамъ, распрашивалъ ихъ о подробностяхъ работы. Петръ былъ искусный плотникъ, токарь, рѣщикъ, кузнецъ, канатный мастеръ, садовникъ, дровосѣкъ, фейерверкеръ, барабанщикъ (³)... Знанія Петра были на столько очевидны и настолько выходили изъ общаго уровня, что память о нихъ до сихъ поръ не можетъ исчез-

---

(¹) Пекарскій 7—8. Устряловъ І-е прил. ко II, 7; III, 73—75; 87 и слѣд. Афан. Ib. 55—56.

(²) Голиковъ II, 169, 206, 208. П. С. З. № 4118. Берхгольцъ I, 119. Нартовъ, анекдоты о П. В. въ Москвитянинѣ за 1842 г. № 110. Устр. IV прил. 66—66. Вебера записки въ Рус. Арх. 1872 г. 1078 стр.

(³) Устр. III, 58, 64. Солов. XVIII. 77. Пекар. I, IV, прил. 6. Берхгольцъ II, 71, I, 170. Нартовъ № 81. Записки Вебера. Рус. Арх. 72, 1159. Афанасьева; 31, 33, 56.

[illegible] предметѣ: „[illegible]. [illegible]", говоритъ про Петра [illegible] (¹).

Все [illegible] въ [illegible] Петръ [illegible] [illegible] [illegible] Петръ въ продолженіе [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] Онъ пріобрѣлъ [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]. Но [illegible] Петръ; онъ [illegible] [illegible] отъ нихъ, слушалъ ихъ лекціи, смотрѣлъ [illegible] скіе, механическіе, анатомическіе [illegible]. [illegible] у Рюйша, извѣстнаго профессора анатоміи, у [illegible] ской академіи, у Жоффруа (²). „Онъ, говоритъ про Петра Лейбницъ, посѣтившій его въ Германіи, со всѣхъ сторонъ собираетъ около себя свѣдущихъ людей, и когда онъ съ ними говоритъ, они совершенно поражены: съ такимъ пониманіемъ ихъ дѣла онъ ведетъ съ ними рѣчь. Онъ освѣдомляется о всѣхъ механическихъ искусствахъ; но главный его интересъ сосредоточивается на всемъ, что относится къ мореплаванію, а потому онъ любитъ также астрономію и географію. Я надѣюсь, что черезъ него мы узнаемъ, соединена-ли Азія съ Америкой" (³). Въ другихъ странахъ Петръ тоже не упускалъ случая побесѣдовать о научныхъ предметахъ съ разными учеными ([illegible], [illegible], [illegible] и проч.). Однихъ просилъ разъяснить слишкомъ малознакомые научные вопросы, съ другими велъ о нихъ переписку, слѣдилъ за изобрѣтеніями, иногда даже, говорятъ,

(¹) Бесѣда за 1872; V. 300.

(²) Встрѣтившись въ 1717 г. съ Рюйшемъ, Петръ [illegible] руку, сказалъ: «ты еще мой старинный учитель». Голик. V, 285. [illegible], № 4. Пекарскій. I, 9, 43 и 44.

(³) Герье. «Отн. Л. къ П. В.» прил. 377.

выносилъ терпѣливо дерзкія выходки людей, открытія которыхъ считалъ для себя полезными. Кромѣ того свои научныя знанія онъ пополнялъ при подробномъ осмотрѣ кабинетовъ по натуральной исторіи, коллекцій, музеумовъ, зоологическаго сада, механическихъ кабинетовъ, лондонской и др. обсерваторій, лабораторій, анатомическихъ театровъ, госпиталей, картинныхъ галлерей и проч. Эти осмотры дѣлались не изъ простаго любопытства; Петра не занимала внѣшняя декоративная сторона предметовъ, какъ это было съ современными ему русскими туристами. Его вниманіе могли напр. привлекать статуи Ришелье и Эразма Роттердамскаго ([1]). Получивъ въ Петербургѣ знаменитый готторпскій глобусъ, Петръ, отозвавшійся объ немъ какъ о самомъ пріятномъ подаркѣ, лучше котораго едва-ли могло найти герцогство голштинское, говорятъ, *по цѣлымъ часамъ* занимался разсматриваніемъ его ([2]).—Но не одни только теоретическія, научныя знанія пополнялъ Петръ. Онъ сталъ лицомъ къ лицу съ самой жизнью, сближался съ людьми, различными по развитію, занятіямъ, общественному положенію; его постоянныя, тщательныя наблюденія надъ своей и чужой жизнью, чуткое вниманіе ко всякому явленію, выдающемуся изъ ряда обыденныхъ, естественно, могли дать ему массу разнообразныхъ практически-полезныхъ свѣдѣній. Не безслѣдными для него, конечно, остались его столкновенія съ государственными людьми Европы, распросы купцовъ о торговлѣ, пословъ о ихъ далекихъ земляхъ, его пытливые вопросы и просьбы объяснить то или другое; не безполезно съ топоромъ въ рукѣ работалъ онъ и дружилъ съ плотниками, „съ кузнецами ковалъ, съ ткачами ткалъ, съ кожевниками кожу строгалъ“ (Голик.). А дома со сколькими людьми приходится сталкиваться Петру! Не даромъ онъ бросаетъ весь боярскій синклитъ, мѣняетъ сотенные стрѣлецкіе караулы на одного двухъ деньщиковъ. Люди бывалые, опытные всегда почти находятъ въ немъ внимательнаго слушателя и собесѣдника. Онъ входитъ въ крестьянскія нужды, толкуетъ съ крестьянами о

([1]) Пекарскій; 7—10, 43, 53, 281, 292. Чистовичъ, Ѳеоф. Прокоп. и его время. 47. Голик. V, 203; II 333; 282—285 Берхгол. I. 72—73, Нартовъ. № 144, 142, 4, 34. Солов. XVII. Устр. Ш.

([2]) «Кабинетъ Петра В.» при изд. Берхгольца. Нартовъ, № 32.

Перепечатано изъ «Ученыхъ Записокъ» Императорскаго Казанскаго Университета 1873 г. №№ 4 и 5.

Приступая къ изображенію просвѣтительной дѣятельности Петра Великаго, должно указать какъ на тѣ цѣли, которыя онъ преслѣдовалъ въ жизни, такъ и на побужденія, руководившія его дѣйствіями, на интересы, волновавшіе его.

Узкимъ, обыденнымъ пониманіемъ жизни, по которому цѣль ея—счастье—можетъ быть достигнуто при довольствѣ одного только личнаго „я" или семьи, Петръ не довольствовался. Онъ является провозвѣстникомъ другой, болѣе широкой идеи, рѣдкой гостьи русской земли, идеи, по которой личное счастье можетъ быть вполнѣ достигнуто только вмѣстѣ съ общимъ. „Государственная польза", „всенародная польза", „всеобщее благо",—вотъ цѣли, достойныя по взглядамъ Петра лучшихъ, благородныхъ человѣческихъ стремленій. Что же именно должно было по его понятіямъ составить благо народа? Прежде всего доставленіе ему политическаго значенія въ средѣ другихъ націй, силы и умѣнья постоять за себя въ минуты столкновеній, а для предупрежденія послѣднихъ—сближеніе съ другими національностями чрезъ возможно-большее расширеніе мирныхъ сношеній съ ними. Хотя Петръ и полагалъ, что воинское дѣло—первое изъ мірскихъ дѣлъ, хотя онъ хотѣлъ самъ быть и другихъ видѣть солдатами, но онъ всетаки не способенъ былъ отдаться только политическимъ соображеніямъ, а тѣмъ болѣе завоевательнымъ планамъ. Внутреннее спокойное развитіе народа было постоянно предметомъ его желаній. Устранить тяжелое экономическое положеніе государства, народныя бѣд-

ствія, раззоренья всякаго рода, установить болѣе справедливыя отношенія между членами его, изгнать изъ общественной и семейной жизни господство своеволія и самодурства, разсѣять темные призраки, что владычествовали надъ умомъ народа, разрушить темное царство аскетизма и суевѣрія, пробудить заснувшія силы, приучить общество къ болѣе честной самостоятельной жизни,—съ достиженіемъ всего этого, по мнѣнію Петра, неразрывно было связано благо народное. Успѣхъ возможенъ только при введеніи въ возможно большихъ размѣрахъ двухъ могучихъ рычаговъ общественнаго развитія: всепобѣждающаго труда и всепросвѣщающаго знанія. Мало того что научныя знанія собирались по всей Европѣ; пытливой мысли „развѣдчиковъ" предназначалось проникнуть и въ заповѣдныя сибирскія тайги, невѣдомыя степи, горы, заглянуть въ темные закоулки русской жизни, все вытащить на божій свѣтъ, чтобы съ собранными свѣдѣніями,—„когда науки и искуства произойдутъ въ вящій цвѣтъ", истина и трудъ смѣлѣе могли разгуляться по лицу русской земли, разрушая отжившія старыя начала, созидая новыя, реформируя жизнь. На всякаго члена общества для блага цѣлаго должна быть возложена какая нибудь работа, будетъ ли онъ совершать далекіе походы, будетъ ли строить корабли, рыть каналы, пахать землю, отыщетъ ли руду, построитъ ли заводъ, переведетъ ли книгу, будетъ ли завѣдывать распорядкомъ и сбирать денежную казну, только трудъ, непремѣнно трудъ. На знатность рода, на породу не слѣдуетъ обращать вниманія. Чѣмъ больше труда положитъ членъ общества въ свое дѣло, чѣмъ больше знаній и честности покажетъ онъ, тѣмъ высшее мѣсто онъ займетъ въ обществѣ. Вотъ крайній предѣлъ тѣхъ началъ, какія стали вводиться Петромъ въ русскую жизнь, хотя, можетъ быть, и безъ сознанія возможныхъ послѣдствій. Но съ Петромъ случилось то, что нерѣдко бываетъ съ историческими дѣятелями: нельзя не замѣтить, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ поступается своими воззрѣніями, вступаетъ въ компромиссъ съ прошедшимъ, поддается вліянію обстоятельствъ и окружающихъ лицъ, а иногда увлеченіямъ своей натуры—отсюда является непослѣдовательность, противорѣчія во взглядахъ и въ образѣ дѣйствій. Такая смѣсь старыхъ и новыхъ началъ поражаетъ и въ томъ случаѣ, когда дѣло касается отношеній государя къ народу. Съ одной стороны понятія и

пріемы чисто московскихъ царей: то-же представленіе о божественномъ происхожденіи царской власти, объ отвѣтственности за свои дѣйствія только передъ Богомъ, прежніе злые умыслы противъ государева здоровья стали носить имя злыхъ умысловъ противъ персоны его царскаго величества. Московскіе взгляды и привычки тѣмъ крѣпче держались, что находили себѣ оправданіе въ примѣрахъ Западной Европы, въ томъ благоговѣйномъ уваженіи, съ которымъ многіе относились въ Европѣ къ творцу Версаля и къ людямъ, умѣвшимъ поражать роскошью и внѣшнимъ блескомъ. Но съ другой стороны уже одно то, что Петръ рядомъ съ собой выставилъ новое „величество", самое обращеніе съ княземъ-касаремъ заставляютъ предполагать, что онъ не чувствовалъ симпатіи къ типу недоступныхъ — владыкъ, въ который выработались московскіе цари. Петръ обставилъ идеалъ государя совершенно новыми условіями, старался подчинить его дѣятельность тѣмъ же началамъ, выполненіе которыхъ онъ признавалъ необходимой обязанностью каждаго члена общества. Такъ государь во имя общаго блага долженъ *служить* государству, народу. Свое служеніе онъ начинаетъ съ низшихъ ступеней, неся на себѣ служебныя обязанности. Образованіе, трудъ, заслуги, признанныя другими, даютъ ему право подниматься на высшія ступени общественнаго положенія. Петръ допускаетъ вліяніе на него, государя, чужаго мнѣнія; онъ терпѣливо выслушиваетъ споры, дорожитъ общественнымъ мнѣніемъ Европы, сужденіями людей честныхъ, образованныхъ. Во имя безпристрастія онъ отказывается на время отъ своей власти, проситъ совѣта и суда у другихъ въ дѣлѣ съ собственнымъ сыномъ, онъ удѣляетъ довольно значительную долю власти новому учрежденію, сенату, признавая за нимъ возможность замѣнять въ нѣкоторыхъ случаяхъ персону его величества; наслѣдникъ престола не можетъ занять его, если окажется непотребнымъ и можетъ быть замѣненъ другимъ, чужимъ. Для пользы Россіи Петръ готовъ отказаться отъ царской власти на неопредѣленное время, а въ случаѣ смерти поручаетъ избрать въ наслѣдники „достойнѣйшаго". Государь является не прежнимъ помѣщикомъ вотчины, а трудолюбивымъ управляющимъ ея, руководимымъ заботами объ общемъ благѣ, о справедливости, зависимымъ отъ общественнаго мнѣнія.

Съ измѣненіемъ взглядовъ на отношенія государя вообще къ народу произошла перемѣна во взглядахъ на то, какъ долженъ поставить себя государь въ обыденныхъ сношеніяхъ съ разнаго рода людьми. Петръ чувствовалъ отвращеніе къ уединенной замкнутой жизни во дворцѣ; ему казалось, что только дѣтей позволительно оставлять дома, что лишать однихъ царей человѣческаго общества—варварскій и безчеловѣчный обычай. Надо узнать народъ, которымъ управляешь, а чтобъ узнать его, надо прежде всего сблизиться съ нимъ ([1]). Вившіе холопы становятся рядомъ въ качествѣ участниковъ въ общемъ дѣлѣ служенія родинѣ.

Должны были измѣняться и взгляды на права государя надъ общественными суммами, собираемыми съ народа. Не разъ заявленъ былъ Петромъ взглядъ, что правитель не долженъ тратить чужаго имущества на личныя нужды,—бережливо распоряжаться добытымъ потомъ и кровью. Замѣчательно, что Петръ просилъ назначить ему жалованье по заслугамъ", по достоинству его трудовъ и говорилъ, что трудовыми деньгами можетъ распоряжаться, какъ самъ хочетъ ([2]).

При введеніи въ жизнь этихъ новыхъ началъ, Петръ, какъ извѣстно, не считалъ нужнымъ стѣсняться крутостью, радикальностью средствъ и мѣръ, такъ что на первый взглядъ онѣ кажутся безпощадными, непростительно жестокими. Но въ этомъ случаѣ Петръ является только сыномъ своего суроваго времени. Правда, онъ не заботится въ этомъ случаѣ о распространеніи гуманныхъ началъ, но не думаетъ и о нововведеніяхъ и изобрѣтеніяхъ по части инквизиціонныхъ мѣръ и казней. Онъ даже старается ограничить въ нѣкоторыхъ случаяхъ пытку ([3]). За то замѣчателенъ тотъ фактъ, что Петръ въ своей реформаторской дѣятельности не ограничивается одними предписаніями и требованіями, при-

---

([1]) Голиковъ. Дѣянія П. В. IV, 245. Корбъ, 257. Берхгольца Дневникъ. II, 84.

([2]) Подробныя доказательства будутъ ниже.

([3]) Подробное объясненіе суровости мѣръ Петра и сравненіе ихъ съ допетровскими казнями и съ уцѣлѣвшими въ западно-европейскихъ кодексахъ—въ статьяхъ г. Шышкина «Панегиристы и порицатели П. В.» Рус. Сл. 61 г. Въ петровскомъ законодательствѣ можно найти нѣсколько мѣръ, клонящихся къ ограниченію свободы слова. №№ 2223, 3653, 3775.—29 и 149 арт. Воинскаго устава.

нудительной и карательной стороной мѣръ. Въ разныхъ случаяхъ онъ старается *убѣдить* въ полезности и необходимости предпринятой реформы, задуманнаго дѣла, издаваемаго закона. Для большой убѣдительности въ указахъ, манифестахъ, регламентахъ приводятся въ доказательство не только библейскіе факты, цитаты (что возможно было и въ допетровской Руси), но выписывается длинный рядъ примѣровъ изъ исторіи общей, русской, церковной, предлагается разсудить о томъ или другомъ. Подъ вліяніемъ Петра создается цѣлая литература въ защиту реформы, произносятся проповѣди политическаго характера, пишутся цѣлые трактаты и проч. Не додумался только Петръ до сознанія о пользѣ отъ вполнѣ свободнаго обсужденія его мѣръ и указовъ. Свобода слова казалась слишкомъ страшной. Впрочемъ онъ давалъ довольно видное мѣсто гласности, особенно въ политическихъ преступленіяхъ.

Вотъ общая программа тѣхъ началъ и взглядовъ, о которыхъ Петръ заявлялъ своему народу въ разное время, по разнымъ случаямъ, разными способами. Но это не значитъ, чтобы Петръ былъ способенъ явиться говоруномъ. Онъ сознавалъ, что „воистинну легко писать и указывать, а самому не дѣлать“ (¹). Нѣтъ, онъ стремился осуществить ихъ въ дѣйствительной жизни, онъ самъ, гдѣ можно, первый принимался за работу. Посмотримъ теперь, дѣйствительно ли соотвѣтствовалъ его взгладамъ общій характеръ его дѣятельности.

Сначала обратимъ вниманіе на то, насколько онъ приготовился къ своему дѣлу, какого рода знаніями и въ какомъ количествѣ онъ владѣлъ.—Прежде всего нужно упомянуть о томъ выгодномъ положеніи, которое занялъ Петръ, вырвавшись изъ душной атмосферы царскихъ палатъ;—предъ нимъ раскрылось широкое поприще для умственныхъ и физическихъ трудовъ—Россія и Европа; тутъ онъ могъ лицомъ къ лицу столкнуться съ невѣдомой жизнью, сблизиться съ представителями разныхъ націй, вѣръ, степеней образованія, общественныхъ положеній и проч. Въ тоже время и природа рѣдко награждала кого такой впечатлительностью, наблюдательностью, живымъ, свѣтлымъ умомъ, не просто

(¹) Голиковъ; II, 241.

любознательностью, а скорѣе жаждой знанія, энергіей и тѣлесной крѣпостью, какими одѣлила она Петра Перваго.

Не даромъ дивились ему современники и между прочимъ такой замѣчательный человѣкъ своего времени, какъ Лейбницъ (1). Въ молодости уже обнаружилась въ немъ любовь къ положительнымъ знаніямъ, практически примѣнимымъ и особенно къ касающимся военнаго и морскаго дѣла,—и Петръ 15 лѣтъ поступилъ „въ чинъ учимыхъ", не научившись до того твердо и орфографически—правильно писать. Познакомившись съ ариѳметикой, нашедши учителя въ голландцѣ Тиммерманѣ, Петръ началъ подъ его руководствомъ заниматься геометріей, и вслѣдъ за тѣмъ перешелъ къ изученію фортификаціи и артиллеріи. Для этой же цѣли, вѣроятно, перевели по приказанію государя въ 1685 г. съ иностраннаго: „художества огненная и всякія воинскія орудія ко всякимъ городовымъ приступамъ и оборонѣ приличныя". Знанія въ военномъ искуствѣ увеличились еще отъ участія царя въ строевой службѣ (2). Пріобрѣтенное провѣрялось на практикѣ сначала только въ потѣшныхъ, а потомъ и въ азовскихъ походахъ, гдѣ Петръ, какъ извѣстно, принималъ дѣятельное участіе въ качествѣ офицера, инженера и артиллериста. Свои знанія въ артиллеріи Петръ пополнилъ во время перваго путешествія заграницу подъ руководствомъ главнаго инженера прусскихъ крѣпостей Штернфельда, который „ежедневно... Петра Михайлова не только въ теоріи науки, но въ практикѣ частыми работами собственныхъ рукъ его обучалъ и упражнялъ". О знаніяхъ Петра въ артиллеріи говорятъ и уцѣлѣвшія въ его письмахъ и бумагахъ подробныя собственноручныя наставленія и замѣтки о разныхъ составахъ пороха, о калибрѣ орудій, о правилахъ, какъ попадать въ данную точку (3) и проч. Кромѣ того одной изъ

---

(1) Лейбницъ называетъ царя «очень любознательнымъ», а дарованія Петра ingentes—громадными. Въ письмѣ къ Бурге онъ пишетъ: «я не могу довольно надивиться живости и уму этого великаго государя». Герье: «Отношенія Лейбница къ П. В.» Журн. М. Н. П. 1870 г. февр. 515 мар. 377.

(2) Устр. II, 18 и 19 и предисловіе къ морскому регламенту въ I и прил. ко II т.; 120—129. Соловьевъ, XIV, 71; прим. Пек. I, 220.

(3) Устр. III, 32—34. Афанасьевъ. Госуд. хоз. при П. В. Совр. 1847 г. Іюль; 36.

главныхъ цѣлей перваго путешествія Петра заграницу было пріобрѣсти спеціальныя практическія и теоретическія знанія въ любимыхъ имъ до страсти кораблестроенія и мореплаваніи вмѣсто первоначальныхъ практическихъ свѣдѣній, полученныхъ въ Россіи отъ Бранта и Корта. Въ Голландіи царь бралъ уроки по математикѣ и навигаціи у знатока этихъ наукъ Альбертсона фанъ-Дама и уроки черченья у Адама Сило. Въ тоже время онъ изучилъ въ продолженіи 4½ мѣсяцвъ на остъиндской верфи все, „что доброму плотнику знать надлежитъ". Но такъ какъ относительно кораблестроенія въ Голландіи преобладали практическія знанія, а теоретическія еще слабо развиты, то чтобы еще больше усовершенствоваться въ корабельной архитектурѣ, Петръ поѣхалъ въ Англію и тамъ изучилъ ее въ 4 мѣсяца (¹). Въ его подробныхъ письменныхъ инструкціяхъ и замѣткахъ, касающихся постройки доковъ, кораблей, судовъ, ихъ отдѣлки, оснастки обнаруживается знатокъ корабельнаго дѣла во всѣхъ его частяхъ. Петръ, кажется, зналъ морское дѣло лучше всѣхъ русскихъ. Объ его обширныхъ знаніяхъ въ военномъ и морскомъ дѣлѣ говорятъ также и иностранцы (²).

Кромѣ того Петръ научился еще многимъ ремесламъ. Еще въ 1697 г. ганноверская курфистина писала, что царь знаетъ въ совершенствѣ 14 ремеслъ, не называя впрочемъ какихъ, и откуда она это узнала. Его познанія въ ремеслахъ обнаружились также во время посѣщенія имъ Парижа, когда царь, заходя къ ремесленникамъ, распрашивалъ ихъ о подробностяхъ работы. Петръ былъ искусный плотникъ, токарь, рѣщикъ, кузнецъ, канатный мастеръ, садовникъ, дровосѣкъ, фейерверкеръ, барабанщикъ (³)... Знанія Петра были на столько очевидны и настолько выходили изъ общаго уровня, что память о нихъ до сихъ поръ не можетъ исчез-

---

(¹) Пекарскій 7—8. Устряловъ І-е прил. ко II, 7; III, 73—75; 87 и слѣд. Афан. Ib. 55—56.

(²) Голиковъ II, 169, 206, 208. П. С. З. № 4118. Берхгольцъ I, 119. Нартовъ, анекдоты о П. В. въ Москвитянинѣ за 1842 г. № 110. Устр. IV прил. 66—66. Вебера записки въ Рус. Арх. 1872 г. 1078 стр.

(³) Устр. III, 58, 64. Солов. XVIII. 77. Пекар. I, IV, прил. 6. Берхгольцъ II, 71, I, 170. Нартовъ № 81. Записки Вебера. Рус. Арх. 72, 1159. Афанасьева; 31, 33, 56.

нуть изъ народныхъ преданій: „росту онъ былъ высокаго, *ученья великаго*“, говоритъ про Петра одно изъ нихъ ([1]).

Все вышеупомянутое въ большинствѣ Петръ зналъ какъ спеціалистъ; но этимъ не ограничивались еще его знанія и практическія свѣдѣнія. Начавши поздно ученье, отвлекаемый государственной дѣятельностью, Петръ, въ продолженіи почти всей жизни, заботился, если не спеціально изучить практически полезныя науки и искуства, то по крайней мѣрѣ познакомиться съ ними, не переставая въ тоже время дополнять и свое общее образованіе. Онъ провѣрялъ приготовляемые къ печати переводы; всѣ почти выходившія на русскомъ языкѣ книги проходили черезъ руки царя. Ему же сообщались статистическія данныя о положеніи различныхъ частей государственнаго управленія. Но не среди только кабинетныхъ занятій образовался Петръ; онъ искалъ случая слышать живую рѣчь самихъ людей науки, научиться отъ нихъ, слушалъ ихъ лекціи, смотрѣлъ опыты химическіе, механическіе, анатомическія вскрытія, какъ напр. у Рюйма, извѣстнаго профессора анатоміи, у членовъ парижской академіи, у Жофруа ([2]). „Онъ, говоритъ про Петра Лейбницъ, видѣвшій его въ Германіи, со всѣхъ сторонъ собираетъ около себя свѣдущихъ людей, и когда онъ съ ними говоритъ, они совершенно поражены: съ такимъ пониманіемъ ихъ дѣла онъ ведетъ съ ними рѣчь. Онъ освѣдомляется о всѣхъ механическихъ искусствахъ; но главный его интересъ сосредоточивается на всемъ, что относится къ мореплаванію, а поэтому онъ любитъ также астрономію и географію. Я надѣюсь, что черезъ него мы узнаемъ, соединена-ли Азія съ Америкой“ ([3])... Въ другихъ странахъ Петръ тоже не упускалъ случая побесѣдовать о научныхъ предметахъ съ разными учеными (Витзеномъ, Шейнфойтомъ, Демелемъ и проч.). Однихъ просилъ разъяснить словесно малознакомые научные вопросы, съ другими велъ о нихъ переписку, слѣдилъ за изобрѣтеніями, иногда даже, говорятъ,

---

([1]) Бесѣда за 1872; V, 300.

([2]) Встрѣтившись въ 1717 г. съ Рюйшемъ, Петръ. подавая руку, сказалъ: «ты еще мой старинный учитель». Голик. V, 285. Нартовъ, № 4. Пекарскій. I, 9, 43 и 44.

([3]) Герье. «Отн. Л. къ П. В.» март. 377.

выносилъ терпѣливо дерзкія выходки людей, открытія которыхъ считалъ для себя полезными. Кромѣ того свои научныя знанія онъ пополнялъ при подробномъ осмотрѣ кабинетовъ по натуральной исторіи, коллекцій, музеумовъ, зоологическаго сада, механическихъ кабинетовъ, лондонской и др. обсерваторій, лабораторій, анатомическихъ театровъ, госпиталей, картинныхъ галлерей и проч. Эти осмотры дѣлались не изъ простаго любопытства; Петра не занимала внѣшняя декоративная сторона предметовъ, какъ это было съ современными ему русскими туристами. Его вниманіе могли напр. привлекать статуи Ришелье и Эразма Роттердамскаго [1]. Получивъ въ Петербургѣ знаменитый готторпскій глобусъ, Петръ, отозвавшійся объ немъ какъ о самомъ пріятномъ подаркѣ, лучше котораго едва-ли могло найти герцогство голштинское, говорятъ, *по цѣлымъ часамъ* занимался разсматриваніемъ его [2].—Но не одни только теоретическія, научныя знанія пополнялъ Петръ. Онъ сталъ лицомъ къ лицу съ самой жизнью, сближался съ людьми, различными по развитію, занятіямъ, общественному положенію; его постоянныя, тщательныя наблюденія надъ своей и чужой жизнью, чуткое вниманіе ко всякому явленію, выдающемуся изъ ряда обыденныхъ, естественно, могли дать ему массу разнообразныхъ практически-полезныхъ свѣдѣній. Не безслѣдными для него, конечно, остались его столкновенія съ государственными людьми Европы, распросы купцовъ о торговлѣ, пословъ о ихъ далекихъ земляхъ, его пытливые вопросы и просьбы объяснить то или другое; не безполезно съ топоромъ въ рукѣ работалъ онъ и дружилъ съ плотниками, „съ кузнецами ковалъ, съ ткачами ткалъ, съ кожевниками кожу строгалъ" (Голик.). А дома со сколькими людьми приходится сталкиваться Петру! Не даромъ онъ бросаетъ весь боярскій синклитъ, мѣняетъ сотенные стрѣлецкіе караулы на одного двухъ деньщиковъ. Люди бывалые, опытные всегда почти находятъ въ немъ внимательнаго слушателя и собесѣдника. Онъ входитъ въ крестьянскія нужды, толкуетъ съ крестьянами о

---

(1) Пекарскій; 7—10, 43, 53, 281, 292. Чистовичъ, Өеоф. Прокоп. и его время. 47. Голик. V, 203; II 333; 282—285 Берхгол. I. 72—73, Нартовъ. № 144, 142, 4, 34. Солов. XVII. Устр. Ш.

(2) «Кабинетъ Петра В.» при изд. Берхгольца. Нартовъ, № 32.

нуть изъ народныхъ преданій: „росту онъ былъ высокаго, *ученья великаго*“, говоритъ про Петра одно изъ нихъ (1).

Все вышеупомянутое въ большинствѣ Петръ зналъ какъ спеціалистъ; но этимъ не ограничивались еще его знанія и практическія свѣдѣнія. Начавши поздно ученье, отвлекаемый государственной дѣятельностью, Петръ, въ продолженіи почти всей жизни, заботился, если не спеціально изучить практически полезныя науки и искуства, то по крайней мѣрѣ познакомиться съ ними, не переставая въ тоже время дополнять и свое общее образованіе. Онъ провѣрялъ приготовляемые къ печати переводы; всѣ почти выходившія на русскомъ языкѣ книги проходили черезъ руки царя. Ему же сообщались статистическія данныя о положеніи различныхъ частей государственнаго управленія. Но не среди только кабинетныхъ занятій образовался Петръ; онъ искалъ случая слышать живую рѣчь самихъ людей науки, научиться отъ нихъ, слушалъ ихъ лекціи, смотрѣлъ опыты химическіе, механическіе, анатомическія вскрытія, какъ напр. у Рюйма, извѣстнаго профессора анатоміи, у членовъ парижской академіи, у Жофруа (2). „Онъ, говоритъ про Петра Лейбницъ, видѣвшій его въ Германіи, со всѣхъ сторонъ собираетъ около себя свѣдущихъ людей, и когда онъ съ ними говоритъ, они совершенно поражены: съ такимъ пониманіемъ ихъ дѣла онъ ведетъ съ ними рѣчь. Онъ освѣдомляется о всѣхъ механическихъ искусствахъ; но главный его интересъ сосредоточивается на всемъ, что относится къ мореплаванію, а поэтому онъ любитъ также астрономію и географію. Я надѣюсь, что черезъ него мы узнаемъ, соединена-ли Азія съ Америкой“ (3)... Въ другихъ странахъ Петръ тоже не упускалъ случая побесѣдовать о научныхъ предметахъ съ разными учеными (Витзеномъ, Шейнфойтомъ, Демелемъ и проч.). Однихъ просилъ разъяснить словесно малознакомые научные вопросы, съ другими велъ о нихъ переписку, слѣдилъ за изобрѣтеніями, иногда даже, говорятъ,

---

(1) Бесѣда за 1872; V, 300.

(2) Встрѣтившись въ 1717 г. съ Рюйшемъ, Петръ, подавая руку, сказалъ: «ты еще мой старинный учитель». Голик. V, 285. Нартовъ, № 4. Пекарскій. I, 9, 43 и 44.

(3) Герье. «Отн. Л. къ П. В.» март. 377.

выносилъ терпѣливо дерзкія выходки людей, открытія которыхъ считалъ для себя полезными. Кромѣ того свои научныя знанія онъ пополнялъ при подробномъ осмотрѣ кабинетовъ по натуральной исторіи, коллекцій, музеумовъ, зоологическаго сада, механическихъ кабинетовъ, лондонской и др. обсерваторій, лабораторій, анатомическихъ театровъ, госпиталей, картинныхъ галлерей и проч. Эти осмотры дѣлались не изъ простаго любопытства; Петра не занимала внѣшняя декоративная сторона предметовъ, какъ это было съ современными ему русскими туристами. Его вниманіе могли напр. привлекать статуи Ришелье и Эразма Роттердамскаго ([1]). Получивъ въ Петербургѣ знаменитый готторпскій глобусъ, Петръ, отозвавшійся объ немъ какъ о самомъ пріятномъ подаркѣ, лучше котораго едва-ли могло найти герцогство голштинское, говорятъ, *по цѣлымъ часамъ* занимался разсматриваніемъ его ([2]).—Но не одни только теоретическія, научныя знанія пополнялъ Петръ. Онъ сталъ лицомъ къ лицу съ самой жизнью, сближался съ людьми, различными по развитію, занятіямъ, общественному положенію; его постоянныя, тщательныя наблюденія надъ своей и чужой жизнью, чуткое вниманіе ко всякому явленію, выдающемуся изъ ряда обыденныхъ, естественно, могли дать ему массу разнообразныхъ практически-полезныхъ свѣдѣній. Не безслѣдными для него, конечно, остались его столкновенія съ государственными людьми Европы, распросы купцовъ о торговлѣ, пословъ о ихъ далекихъ земляхъ, его пытливые вопросы и просьбы объяснить то или другое; не безполезно съ топоромъ въ рукѣ работалъ онъ и дружилъ съ плотниками, „съ кузнецами ковалъ, съ ткачами ткалъ, съ кожевниками кожу строгалъ“ (Голик.). А дома со сколькими людьми приходится сталкиваться Петру! Не даромъ онъ бросаетъ весь боярскій синклитъ, мѣняетъ сотенные стрѣлецкіе караулы на одного двухъ деньщиковъ. Люди бывалые, опытные всегда почти находятъ въ немъ внимательнаго слушателя и собесѣдника. Онъ входитъ въ крестьянскія нужды, толкуетъ съ крестьянами о

([1]) Пекарскій; 7—10, 43, 53, 281, 292. Чистовичъ, Θеоф. Прокоп. и его время. 47. Голик. V, 203; II 333; 282—285 Берхгол. I. 72—73, Нартовъ. № 144, 142, 4, 34. Солов. XVII. Устр. III.

([2]) «Кабинетъ Петра В.» при изд. Берхгольца. Нартовъ, № 32.

подробностяхъ ихъ жизни; съ однимъ изъ нихъ „объ руку идетъ“, другаго „призываетъ къ себѣ на думу“,—передаютъ народныя преданія,—спрашиваетъ „каково-ла вы, крестьяна поживаете, и за какой же у васъ промыселъ есть“? (1). При отсутствіи у насъ въ то время газетъ, журналистики, почти всякой литературы, эти бесѣды давали ему много практически полезныхъ свѣдѣній о природѣ и жизни.—Наконецъ, не мало добыто имъ и собственными наблюденіями. Въ чужихъ краяхъ онъ посмотрѣлъ на невѣдомую цивилизацію, побывалъ въ столицахъ и деревняхъ, въ дворцахъ и рудокопняхъ, на полевыхъ работахъ и на фабрикахъ и проч., запоминалъ, записывалъ (2). Многое, многое открывалъ зоркій глазъ Петра и по разнымъ концамъ Россіи среди ея безбрежныхъ степей и непроходимыхъ болотъ и лѣсовъ. „Отъ его глаза, писалъ про Петра къ Лейбницу Гюнсеин., ничего не ускользаетъ, объ всемъ онъ справляется“ (3). Потому-то въ его именныхъ указахъ и собственноручныхъ письмахъ разсыпаны критически-полезныя наставленія и замѣтки относящіися къ разнымъ облостямъ человѣческой дѣятельности (4). Отсюда въ его разговорахъ то „знаніе дѣла и вѣрное сужденіе“, о которыхъ говорилъ Лейбницъ. Эту сторону въ разговорѣ Петра подмѣтилъ и Берхгольцъ при помещеніи Петромъ голштинскаго герцога: первый „говоритъ между прочимъ говоритъ очень умно и съ знаніемъ дѣла о разныхъ предметахъ. Въ особенности онъ такъ наивно и хорошо описывалъ свойства своихъ подданныхъ, что любо было слушать (5).“

Не привлекала только Петра тогдашняя схоластическая мудрость; повидимому, въ риторикѣ и піитикѣ онъ былъ совер-

(1) Берхгольцъ I, 122, II 83. Нартовъ №№ 62, 98, 109, 119, 125. Де-Бруина и путешествіе «въ Московію». въ Чтеніяхъ О. И и Др. 1872. Голиковъ IV, 100, II, 114, 78 V, 98. Максимовъ, годъ на сѣверѣ. 317, 315, 541. Сборникъ Тихомірова 351.

(2) Голиковъ, IV, 93, V, 244, 281. Афанасьевъ, Іюль. 90. Нартовъ, № 126.

(3) Герье. Февр. 352.

(4) Онѣ касаются и лѣсоводства Гол. V, 102 и хирургіи. Нартовъ, №№ 82, 101. Берхг. III, 14, 85. и соленья рыбы № 3668, и сушки пороха. Гол. II, 395 и литья пушекъ 3061.

(5) Берх. II, 83.

шенно несвѣдущъ. Странно только видѣть въ этомъ разносторонне образованномъ человѣкѣ вѣру въ астрологическія гаданія; не менѣе странными кажутся въ воинскомъ уставѣ угрозы жестокихъ наказаній занимающимся волшебствомъ, чернокнижіемъ.

Съ такимъ-то запасомъ знаній можно было смѣлѣе приступить къ дѣлу служенія родинѣ; знаніе укрѣпляло, поддерживало, давало новыя силы на трудъ и борьбу, а труда предстояла не мало, и Петръ въ полномъ смыслѣ слова не былъ „бѣлоручкой“,—онъ былъ и чернорабочимъ богатыремъ-работникомъ. Стукъ его топора раздавался и на Переяславскомъ озерѣ, и на Воронежѣ, и на Волгѣ, и на Невѣ, и въ далекихъ Сардамѣ и Амстердамѣ. Съ ранняго утра, послѣдуя слову Божію, бывшему къ Адаму, Петръ ужь трудится въ потѣ лица гдѣнибудь на верфи, въ адмиралтействѣ. Застроиваютъ корабль, и Петръ собственноручно закладываетъ; спускаютъ корабль, и царь „прилежно трудится надъ приготовленіями къ спуску“, работаетъ усерднѣе всѣхъ, собственноручно дѣлаетъ первый ударъ при отнятіи подмостковъ (1). Не въ адмиралтействѣ,—такъ на одноколкѣ разъѣзжаетъ по работамъ въ своей новой столицѣ и ея окрестностяхъ, участвуетъ при проведеніи новыхъ улицъ, при постройкѣ новыхъ зданій (2), самъ своими руками строитъ себѣ „скромный домикъ“. Нужно засыпать болото, прорубить просѣку, аллею и царь своими руками помогаетъ работающимъ, нужно розвести рощу, садъ, и Петръ берется за кирку; нужно прорыть рѣчку, и онъ, открывая работы, первый прикладываетъ къ землѣ заступъ; закладывается гавань и государь вмѣстѣ съ другими таскаетъ камни. Раздается тревожный звукъ набата, и царь съ величайшей поспѣшностью является на пожаръ: здѣсь онъ способствуетъ тушенью огня не только своими распоряженіями, но не щадитъ даже своихъ рукъ, работаетъ тамъ, какъ самый простой работникъ. Домъ обрушивается, а государь тогда работаетъ сре-

(1) Его руки были жестки отъ работы. Сол. XIV. 254 а также 228, 258. Гол. II, 370. Берхгольцъ, I, 119, 120, 178. II, 61.

(2) Нартовъ, № 80; на это указываютъ и резолюціи, касающіяся построекъ. 2955, 3019, 3530.

ди его развалинъ ([1]). Не мало занятій у него и дома: бывали случаи, говорятъ, что онъ самъ носилъ себѣ дрова, топилъ печь и готовилъ кушанье. То дѣлаетъ онъ для себя мебель, то готовитъ модели кораблей, крѣпостей, то точитъ на станкѣ; но это скорѣе отдыхъ. Обыкновенно же дома принимались доклады, прочитывались полученныя письма, донесенія, представленные проекты, давались отвѣты, резолюціи ([2]), указы, инструкціи, составлялись и поправлялись уставы, или регламенты, генеральный воинскій, морской и проч.—а то Петръ самъ отправляется въ сенатъ, коллегіи, приказы заниматься текущими дѣлами. Предпринималось посерьезнѣй дѣло, гдѣ нибудь подальше: затѣвалась война, морская кампанія, задумывали взять важную крѣпость и проч.—и Петръ спѣшилъ лично принять участіе, ѣхалъ съ одного конца Россіи на другой, переносилъ всѣ невзгоды походной жизни „въ марсовомъ ярмѣ непрестанно трудился", являлся всюду и вездѣ, и въ траншеяхъ и въ подкопахъ „самъ ружьемъ солдатскимъ правилъ, самъ и пушки заряжалъ" ... И другой великій труженикъ,—русскій народъ не забылъ своего богатыря - работника,—на дальнемъ сѣверѣ разказываетъ онъ, то о томъ, какъ Петръ и войско „верстъ двѣсти безъ маленькаго днемъ и ночью двигались по зыбямъ, трясовинамъ, по горамъ, по водамъ, по мхамъ дыбучимъ и лѣсамъ дремучимъ; лѣсъ рубили, клади клали, плоты дѣлали", то о томъ, какъ царь, задумывая новый каналъ, 10 дней бродитъ по лѣсамъ и болотамъ, осматривая мѣстность, отдыхаетъ отъ усталости въ простомъ шалашѣ изъ древесныхъ вѣтвей. „Часто ѣздилъ въ нашу лѣсную сторону (къ Петрозаводску) Петръ I-й ... приде, скажутъ, въ заводъ своима царскама рукама

([1]) Голик. II, 308. Берхгольцъ I, 58, 149, II, 49, Ш, 161. Корбъ 124—125. Веберъ, Рус. Арх. 72, 1159. Бесѣда 1872 г. V, 300. Сол. XIV, 245.

([2]) Представлялись докладные пункты и давались резолюціи самаго разнообразнаго характера, причемъ Петръ доходилъ до мелочей, не теряясь впрочемъ въ нихъ. Такъ напр. въ докладныхъ пунктахъ Менщикова 1708 г. 21 марта спрашивается и о дровахъ во дворецъ и по какой цѣнѣ продавать черкасскій табакъ,—или докладной пунктъ такого рода: «имъ же (нарвскимъ священникамъ) ладонъ, воскъ, вино церковное, на просфоры муку откуда давать и почему?» Рез. «Давать изъ гарнизона кромѣ воску, которой сбирать изъ малыхъ свѣчъ, которыя ставятся предъ образомъ, а чтобъ предъ всякимъ образомъ одна большая свѣча была, а малыхъ не употреблять». № 2194 а также №№ 1817, 2164, 3569, и др.

врицы (мѣхи)? дуетъ, а бояра уголья носятъ; въ молотобойню завернетъ,—и молотъ въ руки, и желѣзо куетъ... *Вотъ оно царь, такъ царь, даромъ хлѣба не ѣлъ; лучше бурлака работалъ* (1)." Со всѣмъ пыломъ горячей натуры онъ отдавался своему дѣлу, во имя его трудился до изнеможенія, не жалѣлъ силъ и здоровья, шелъ на встрѣчу опасностямъ, не щадилъ своей жизни въ борьбѣ съ бурями и непогодами, въ пылу сраженій, на сушѣ и на морѣ.—Потому-то такъ близко къ сердцу принималъ всякій успѣхъ въ своихъ начинаніяхъ, всякій шагъ впередъ, видя, что сѣмена, посѣянныя имъ, даютъ уже плодъ. Онъ былъ счастливъ при видѣ искусно построеннаго русскими корабля; праздникомъ былъ для него спускъ новаго корабля—„роднаго дѣтища", начиналась шумная попойка (а въ то время въ этомъ выражалось веселье). Одерживалась побѣда, заключался выгодный для страны миръ, и тогда не было предѣловъ веселью: раздавался въ новой столицѣ звукъ трубъ и литавръ, развѣвались флаги, палили изъ пушекъ, зажигали иллюминаціи. Особенно веселился Петръ послѣ заключенія ништадскаго мира: во время празднествъ царя видѣли въ отличномъ расположеніи духа, онъ даже плясалъ по столамъ и пѣлъ пѣсни, слѣдовала амнистія, прощенье недоимокъ: „пусть веселится и радуется со мной Россія! (2)"

Успѣхъ дѣла часто бываетъ тѣсно связанъ съ матеріальными средствами, а ихъ не мало сосредоточивалось въ рукахъ Петра. Посмотримъ на сколько взгляды свои на этотъ предметъ осуществлялъ онъ въ дѣйствительности. Извѣстно, что вообще Петръ былъ очень бережливъ тамъ, гдѣ дѣло шло объ общественныхъ деньгахъ; онъ заботливо отыскиваетъ новые источники государственныхъ богатствъ, стремится расширить область государственнаго хозяйства (3). Но нельзя не замѣтить, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ вступаетъ въ компромиссъ не столько съ прошедшимъ, сколько съ своимъ време-

---

(1) Бесѣда, 1872. V, 299—301.

(2) Берхгольцъ I, 178. Пертовъ № 77, 83 Это торжество по случаю побѣдъ было *въ ту пору* признакомъ новаго времени: это были *государственные* праздники, смѣнившіе прежніе празднества, происходившія по поводу семейно-религіозныхъ событій.

(3) О его бережливости можно судить по нѣкоторымъ распоряженіямъ, какъ напр. №№ 2798, 2913, 3149, 3057, 3620, 3967 въ П. С. З.

немъ, тѣмъ временемъ, когда милліоны ливровъ бросались на постройку Версаля, что онъ дѣлалъ уступку вкусамъ прибывавшихъ къ нему разнаго рода пословъ и придворныхъ, герцоговъ голштинскихъ и тому подобныхъ поклонниковъ роскоши и увеселеній. Мы видимъ постройку увеселительныхъ дворцовъ, дачъ, разведеніе садовъ съ дорогими фонтанами, учрежденіе штата при дворѣ Екатерины, придворную роскошь и пышность, проглядывавшія въ раскошныхъ одеждахъ, въ назначеніи караблей для дворцовыхъ принадлежностей, въ назначеніяхъ 50 т. рублей на содержаніе придворнаго штата принцессы или 200 т. въ приданое. „Признаюсь, говоритъ Берхольцъ, я вовсе не ожидалъ, что здѣшній дворъ такъ великолѣпенъ . . . дворъ царицы такъ хорошъ, блестящъ, какъ почти всѣ дворы германскіе". Про петергофскія же увеселительныя постройки, фонтаны и проч. Берхгольцъ вмѣстѣ съ Веберомъ отзываются съ великимъ удивленіемъ, ожидая, по затраченнымъ суммамъ и массѣ убитаго труда, чего то въ родѣ „новаго Версаля" (¹).—При всѣмъ томъ про современника Фридриха прусскаго Петръ говорилъ: „онъ таковъ какъ и я,—роскоши и мотовства не любитъ (²),—и былъ правъ, но преимущественно относительно частной, обыденной жизни. Тутъ уже въ Петрѣ замѣтны другія, рѣдкія для того времени, черты. Простота его образа жизни, невзыскательность въ пищѣ, одеждѣ, обстановкѣ, удивляли и удивляютъ многихъ; до сихъ поръ еще „домикъ" Петра характеризуетъ вкусы бывшаго хозяина. Этотъ хозяинъ говорилъ въ Сардамѣ (³): „мы не знатные господа, а простые люди; намъ довольно и нашей коморки".

Петръ не гнался и за роскошнымъ обѣдомъ; за обыкновеннымъ столомъ подавались большею частію простыя блюда въ родѣ щей, каши, студени, солонины; многочисленной прислуги не терпѣлъ Петръ Великій, говоритъ его деньщикъ Нартовъ, не любилъ никакой пышности, великолѣпія и многихъ прислужниковъ. Публичные столы отправлялъ у кн. Меньщикова, куда званы были и иностранные министры. У себя же за обыкновеннымъ столомъ не приказано было служить придворнымъ ла-

---

(¹) Берхгольцъ, I 91—93, 135, 137. Веберъ Р. Арх. 72 г. 1104 стр. Про дворецъ Екатерины. ч. I, 24, 36, 54, 70, 96; царица любитъ великолѣпіе I, 96 а также 56 и №№ 2272, 2354, 2798.

(²) Нартовъ, № 84.

(³) Соловьевъ, XIV, 256.

кеямъ (1)". Вотъ напр. какіе факты передаетъ Берхгольцъ про дворъ царя,—„онъ чрезвычайно простъ; почти вся его свѣта состоитъ изъ нѣсколькихъ деньщиковъ, изъ которыхъ только немногіе хорошихъ фамилій, большая же часть незнатнаго происхожденія". Про преображенскій дворецъ въ Москвѣ, гдѣ любилъ останавливаться Петръ, тотъ же Берхгольцъ записалъ: „мы не мало удивились, когда, подъѣхавъ къ дому императора, узнали отъ нашего кучера, что мы предъ императорскимъ дворцомъ: это старинный, маленкій и плохой деревянный домъ, за который, судя по его наружности и мѣстоположенію, нельзя дать и сто талеровъ. Глядя на него снаружи, нельзя не принять его за жилище простаго человѣка (2)...—Костюмъ Петра, какъ извѣстно, обыкновенно состоялъ изъ зеленаго или сѣраго кафтана, иногда изъ самодѣльнаго русскаго сукна, остальныя принадлежности были также очень просты; напр., въ день полтавской битвы, на немъ была старая, очень простая шляпа, простая портупея и старые изношенные башмаки (3).

Въ отношеніяхъ къ окружающимъ въ правителѣ государства произошла болѣе рѣзкая, радикальная перемѣна. Петръ дорожитъ главнымъ образомъ людьми полезными для общественныхъ, а не личныхъ и семейныхъ цѣлей,—кто бы они ни были, свои или иностранцы, матросы-ли вновь прибывшаго корабля, солдаты или генералы, мастера, переводчики, купцы или члены коллегій и сената; люди, полезные для страны, составляютъ предметъ его особенныхъ заботъ, пользуются его любовью и внимательностью. Впрочемъ и съ окружающими вообще Петръ былъ простъ въ обращеніи. Всѣмъ извѣстно, какъ онъ избѣгалъ разнаго рода церемоній, торже-

---

(1) Нартовъ, №№ 129, 79; въ запискахъ Неплюева упоминается, какъ Петръ расхваливалъ пирогъ съ морковью Берхг. II, 211—212.

(2) Берхг. I, 56, II, 11, 43.

(3) Ѣздилъ Петръ на одноколкѣ или верхомъ; зимой въ очень плохихъ саняхъ, нѣсколько болѣе обыкновенныхъ, Берхг. II, 49 по водѣ,—въ простой шлюпкѣ, 117. Вино пилъ изъ стакановъ, изъ кубковъ,—рѣдко; «глупо возиться понапрасну съ такою тяжелою посудиною» говорилъ онъ 123); иногда, говорятъ, пилъ прямо изъ деревяннаго ковша; ѣлъ деревянной ложкой. Другія подробности можно найти въ статьѣ Корниловича въ сборникѣ Тихомирова 1872.

ственныхъ аудіенцій, не терпѣлъ боярской спѣси и чванства, былъ доступенъ для всѣхъ, если обращались къ нему съ какимъ нибудь серьезнымъ дѣломъ, угощалъ иногда самыхъ простыхъ людей, самъ бывалъ у нихъ на семейныхъ праздникахъ, крестинахъ, свадьбахъ, пріѣзжалъ славить и проч. наконецъ выбралъ себѣ подругой безвѣстную плѣнницу (1). О близости Петра къ народу можно бы привести не мало свидѣтельствъ, но едва ли не лучше всего разсказываютъ о томъ два-три преданія уцѣлѣвшія на сѣверѣ. Проѣздомъ въ Архангельскъ Петръ остановился у деревни Шестовой. „Крестьяне изъ окольныхъ мѣстъ собрались во множествѣ, видимо-невидимо . . . Намѣстный староста на встрѣчу съ хлѣбомъ-солью, какъ водится, по рускому обычаю. Выступилъ Петръ I-й изъ коляски; росту онъ высокаго, ученья великаго; хлѣбъ соль принялъ и съ крестьянами разговоръ держитъ: каково да вы крестьяна, поживаете и за какой же у васъ промыслъ есть? Тутъ крестьяне пословечно ему стали высказавать“. Здѣсь Петру внушена была народомъ мысль о необходимости устройства маріинскаго канала. Около тѣхъ же мѣстъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія сѣдой, какъ лунь, старикъ Пахомъ въ качествѣ очевица расказывалъ о пребываніи Петра въ ихъ захолустьѣ. Изъ этихъ разсказовъ, проникнутыхъ благовѣніемъ къ великому царю, особенно замѣчательны слова: „*Надежа-государь не гнушался нашего житья-бытья, кушивалъ нашу хлѣбъ-соль*“ (2).—Ближе всѣхъ сошелся онъ съ кружкомъ избранныхъ имъ людей, съ своей „дружиной“, какъ выражается г. Соловьевъ. Въ большинствѣ это были люди „нужные“, сотрудники его по реформѣ. Къ нимъ Петръ старался стать на дружескую ногу, дѣлилъ труды, радости и горе; тутъ были его „товарищи“, „друзья“, „пріятели“. Въ бесѣдахъ онъ, по словамъ Нартова, „бывалъ веселъ, разговорчивъ, обходителенъ въ просторѣ безъ церемоній и вычуровъ . . . онъ и гости его забавлялись равно; не примѣтно было въ немъ того, что онъ былъ самодержавный

---

(1) Онъ угощалъ матросовъ, гвардію, корабельныхъ мастеровъ, шкиперовъ, работниковъ. Фактовъ много у Берхг. въ I II и III 77., Нартова. Въ Бесѣдѣ за 1872, V, есть народное преданье, живо представляющее крестины у крестьянина. Петръ не гнушался самыми невзыскательными блюдами на крестинахъ у гренадера. Берхг. II, 212.

(2) Бесѣда за 1872 г. V, 300—302, 303—304.

государь, но, казалось, былъ простымъ гражданиномъ и пріятелемъ. Я многажды бывалъ съ императоромъ въ такихъ бесѣдахъ, и такому обхожденію его былъ свидѣтель". Другой очевидецъ, Берхгольцъ, самъ убѣдился въ томъ, что когда государь бываетъ въ веселомъ настроеніи духа, то приближенные бываютъ свободны съ нимъ, „какъ съ товарищемъ" (¹). Этимъ дружескимъ, полушутливымъ тономъ проникнуты и многія письма Петра. „Меинъ либете камарадъ!" „меинъ бесте фриндъ"! „меинъ брудеръ",—такъ начинается не одно письмо къ Менщикову. Вотъ нѣсколько отрывковъ отъ нихъ; 8 мая 1705 г. изъ Москвы)—„гей, сколько отъ болѣзни, а паче отъ печали, что время пропадаетъ, тако-жъ разлученіи съ вами... Дай, дай, дай, Господи, Боже, видѣть васъ въ радости, пожалуй поклонись отъ меня нашимъ пріятелямъ и знаемымъ". 14 мая... „въ которой болѣзни не меньше тоска разлученія съ вами, что я многажды въ себѣ терпѣлъ, но нынѣ же вящше не могу: извольте ко мнѣ быть скорѣй"... 2 окт. 1706 г. „предая васъ въ сохраненіе божіе, пребываю неотступно хотя не тѣломъ, но душою и мыслію" и много въ этомъ родѣ. Въ письмѣ Петра къ адмиралу Апраксину встрѣчаемъ... „вамъ, яко другу, объявляю" (²).—Смерть друзей - сотрудниковъ всегда тяжело дѣйствовала на Петра. Получивъ извѣстіе о смерти Лефорта, Петръ, по словамъ Корба, заливался слезами и рыдалъ, какъ будто извѣщали о смерти отца. На слѣдующій день при встрѣчѣ съ родственникомъ умершаго, царь отъ горести и слезъ не могъ выговорить ни слова. Онъ долго не забывалъ посѣченныхъ смертью друзей и не рѣдко съ грустью вспоминалъ о нихъ (³). Задушевныя отношенія къ кружку не означали впрочемъ того, что Петръ сквозь пальцы смотрѣлъ на несправедливости и проступки своихъ любимцевъ. Пресловутая дубинка, ходившая по спинамъ ослушниковъ, и наконецъ казнь Шафирова, достаточно подтверждаютъ это. Только крайняя нужда въ людяхъ полезныхъ и свѣдущихъ заставляла терпѣть нѣкоторые проступки до поры до времени (⁴).

(¹) Нартовъ, анекдоты № 80. Берхгольцъ I, 178 а также факты въ I, 117, 176. 57. Соловьевъ XIV, 291.

(²) Устряловъ IV часть 2. №№ 99, 100, 103, 105, 106, 108, 169 и др.; №№ 125, 126, 164, 98.

(³) Голиковъ II, 355. Корбъ 155—156. Нартовъ №№ 85, 106, 162.

(⁴) Нартовъ. №№ 74, 80, 101.

Разбирая поступки окружающихъ лицъ, всматриваясь вообще въ рускую жизнь, сравнивая ее съ западно-европейской, Петръ не могъ не замѣтить, что, не смотря на всѣ упорные труды, пожертвованія и добытые результаты, новыя начала и реформы слабо прививались въ русской жизни, что не велико число его искреннихъ приверженцевъ. Мучительныя сомнѣнія наводили тоску и горе на душу великаго дѣятеля, доводили его чуть не до отчанія: его дѣло не прочно, сведи его болѣзни въ могилу и разсыпятся прахомъ всѣ начинанія! Но эти опасенья и сомнѣнья не могли поколебать его, не могли ослабить энергіи этого человѣка, они пробуждали только въ немъ силы на новую дѣятельность на новую борьбу съ препятствіями, на битвы съ врагами его дѣла.—А враговъ тайныхъ и явныхъ было не мало съ самаго начала его дѣятельности. Допетровская Русь выставила противъ него спѣсивую, суевѣрную толпу тунеядцевъ и невѣждъ, которымъ такъ привольно жилось въ старину, и которые при Петрѣ уже „не въ авантажѣ обрѣтались“. Противникъ былъ—опасный если не искуствомъ, такъ массой, искренно ненавидѣшій Петра и его дѣло, неразборчивый въ средствахъ. Петръ видѣлъ, что враги „дѣютъ ему пакости демонскія“. Не разъ грозила ему опасность. Останься врагъ побѣдителемъ, и не пощадилъ бы онъ антихриста и реформатора, его незнатныхъ друзей и всѣ „новшества“, и дѣло обновленія Россіи отсрочилось, можетъ быть, на долго. Во имя тѣхъ благъ, которыя онъ хотѣлъ ввести въ русскую жизнь, для спасенія всего новаго, посѣяннаго на русской землѣ, Петръ вступилъ въ борьбу на жизнь и смерть съ „ненавистниками его дѣлъ“, „раззорителями“. Наслѣдникъ престола грозилъ посадить на колъ приверженцевъ реформы, и Петръ, какъ древній Брутъ, не пожалѣвшій сына для спасенія республики, не пощадилъ и роднаго дѣтища. Правда, Петръ, увлекся борьбой; рядомъ съ врагами умирали и мучились въ застѣнкахъ люди безвредные; правда, въ пылу раздраженія онъ предавалъ поруганію даже знамена противной партіи,—большія бороды и длиннополыя ферязи и облаченья; но не забудемъ и того, что онъ родился въ Московіи, въ XVII в., а предъ нашими глазами происходила кровавая, братоубійственная борьба передъ Парижемъ и въ немъ самомъ.

Такимъ образомъ принципы, провозглашенные Петромъ, нашли прежде всего ревностнаго послѣдователя въ самомъ

проповѣдникѣ ихъ. Петръ былъ натура цѣльная во многихъ отношеніяхъ.

Такого-то рода личность явилась въ началѣ XVIII вѣка во главѣ правительства. Теперь перейдемъ къ способамъ, средствамъ и случаямъ, которыми пользовался Петръ для проведенія и распространенія въ народѣ своихъ убѣжденій и взглядовъ и для обученія его новымъ знаніямъ.

Всматриваясь въ характерныя черты этой исторической личности, нельзя не сомнѣваться въ томъ, чтобы она могла пройти безслѣдно въ умственно-нравственной жизни народа, не оставивъ никакого сильнаго впечатлѣнія въ народномъ представленіи. Много самыхъ разнообразныхъ вліяній отъ разнаго рода личностей испытывалъ народъ, смотря по характеру самихъ дѣятелей и по условіямъ, при которыхъ они дѣйствовали; но такого рѣзко-выдающагося, не похожаго на все, то, что народъ привыкъ соединять въ своемъ представленіи съ понятіемъ о царяхъ, боярахъ и всякаго рода воеводахъ и владыкахъ, явленія, какимъ былъ Петръ Великій, не случалось еще видѣть. Его внѣшность, простота въ обращеніи, его образованіе, соединенное съ практической опытностью, цѣльность натуры и несокрушимая богатырская энергія въ трудахъ и борьбѣ должны были сильно поражать народъ (не даромъ враги прозвали его антихристомъ). Конечно, впечатлѣніе отъ этой личности было тѣмъ сильнѣе, чѣмъ ближе стояли къ Петру люди, испытывавшіе это впечатлѣніе, чѣмъ чаще привлекала ихъ вниманіе эта необыкновенная натура, и наконецъ чѣмъ свѣжѣе и воспріимчивѣе была натура самихъ близкихъ къ Петру людей, чѣмъ меньше затвердѣла она въ прадѣдовскихъ понятіяхъ и привычкахъ. Нартовы, Неплюевы, Татищевы, Макаровы, Менщиковы легче поддавались вліянію своего воспитателя, чѣмъ Долгорукіе, Ромадановскіе, Голицыны. На этихъ близкихъ къ нему ученикахъ-сотрудникахъ благотворно отзывалось и важное въ воспитательномъ отношеніи отсутствіе начальническаго тона, дружеская задушевность, установившаяся во взаимныхъ отношеніяхъ между главой и членами кружка. Съ этими людьми чаще чѣмъ съ другими, велась откровенная бесѣда, предъ ними больше и смѣлѣе, чѣмъ предъ кѣмъ нибудь, развивалъ онъ свои убѣжденія и взгляды, знакомилъ съ тайными и явными намѣреніями и планами, имъ больше другихъ передавалъ онъ свои наблюденія и знанія. Этихъ лю-

дей вполнѣ можно назвать наперсниками, апостолами его идей. Непосредственное вліяніе личности Петра не ограничивалось, конечно, этимъ тѣснымъ кружкомъ; оно далеко переходило за его предѣлы. Впечатлѣнія, болѣе или менѣе сильныя, должны были оставаться всюду, гдѣ ни появлялся этотъ человѣкъ: „на Бѣломъ, и на Черномъ морѣ, на Финскомъ заливѣ и на Каспійскомъ морѣ; на Волгѣ и на Ворсклѣ, въ городахъ и деревняхъ, на верфяхъ, фабрикахъ, заводахъ, въ палатахъ и палаткахъ, въ крестьянскихъ избахъ. Его дѣятельность видѣли, его рѣчи слышали—и бояринъ, и крестьянинъ, и купецъ, и работникъ, раскольникъ и солдатъ, а стоустая молва разносила дальше по народу разсказы о царѣ, плотникѣ, кузнецѣ и бомбардирѣ. Только чуть не всѣ скрыты тѣ рѣчи и разсказы отъ исторіи; развѣ намекнетъ на нихъ какая нибудь пѣсня да народное преданье, да пожалуй попадутъ они въ обезображенномъ видѣ въ какой нибудь сборникъ анекдотовъ. И невольно историкъ долженъ перейти къ тому, что сохранили уцѣлѣвшіе письменные памятники: указы, регламенты, письма. Тамъ, среди груды канцелярскихъ предписаній и дѣловыхъ требованій и наставленій, Петръ мимоходомъ выскажетъ свой общій взглядъ на то или другое, а не то разразится обличеніемъ общественныхъ золъ и велитъ при этомъ распубликовать свой указъ въ народѣ, напечатать, прибить во всѣхъ общественныхъ мѣстахъ, по городамъ и селамъ, читать служащимъ въ присутственныхъ мѣстахъ, а народу въ церкви, по нѣскольку разъ въ годъ.

Повидимому, такимъ способомъ распространяемые, письменно изложенные мысли и взгляды должны бы усвоиться значительнымъ числомъ чтецовъ и слушателей; но если припомнимъ, что требованія не всегда исполняются, какъ это и случалось съ петровскими распоряженіями о публикаціи, если представимъ себѣ низкій уровень народнаго развитія, тяжелый слогъ и языкъ петровскихъ указовъ и наконецъ массу постороннихъ вопросовъ юридическаго или полицейскаго характера, скрывающихъ одиноко закравшійся взглядъ, то придется сознаться, что тогдашніе письма и указы, за немногими исключеніями, далеко несовершенное орудіе для популяризаціи идей и не могли производить такого впечатлѣнія на слушателя, какъ живая рѣчь, подкрѣпляемая живымъ, сознательнымъ примѣромъ.

Свой основный взглядъ, что общее благо должно составлять постоянную, высокую цѣль человѣческой дѣятельности, Петръ проводилъ въ разговорахъ съ окружающими людьми, въ перепискѣ и наконецъ во многихъ законодательныхъ памятникахъ, не только общихъ регламентахъ, наказахъ, но и по поводу частныхъ случаевъ. Едва-ли когда нибудь среди обыденной жизни такъ часто раздавался на Руси призывъ послужить общимъ, всенароднымъ интересамъ. Открыто заявляя, что у него „всѣ старанія и намѣренія клонились къ тому, какъ бы симъ государствомъ управлять такимъ образомъ, чтобы всѣ наши подданные, попеченіемъ нашимъ о всеобщемъ благѣ болѣе и болѣе приходили въ лучшее и благополучнѣйшее состояніе", что для счастья Россіи онъ не жалѣлъ здоровья и жизни (1). Петръ убѣждаетъ сенатъ и народъ: „надлежитъ трудиться о пользѣ и прибыткѣ общемъ, который Богъ намъ предъ очьми кладетъ, какъ внутрь, такъ и внѣ, отъ чего облегченъ будетъ народъ"... „о должности сената едино сказать,—всегда сенату имѣть о монаршеской и государственной пользѣ неусыпное попеченіе, доброе бы простирать, а все, чтò вредно можетъ быть, всемѣрно отвращать" (2). При заведеніи новыхъ учрежденій, при какомъ нибудь новомъ предпріятіи, а и иной разъ даже по поводу обыденнаго факта, Петръ не упускаетъ случая указать на ту цѣль, которую слѣдуетъ неуклонно преслѣдовать, напомнить о существованіи другихъ интересовъ въ жизни, кромѣ личныхъ, „партикулярныхъ", объ интересахъ государственныхъ, общественныхъ. Петръ объясняетъ, что онъ предпринимаетъ то или другое дѣло въ виду общенародной пользы. Устраивая напр. главный магистратъ, онъ указываетъ этому учрежденію на его важное общественное значеніе,—что своими заботами и усердіемъ онъ можетъ повліять на благосостояніе многихъ городовъ, на массу народа. При вновь заводимыхъ учрежденіяхъ нужно поступать „съ осмотрѣніемъ, чтобы оныя были ко общенародной пользѣ". Петръ

(1) № 1910. Въ печатномъ манифестѣ о лишеніи Алексѣя Петровича престола, Петръ объявляетъ, что нельзя терпѣть такого сына, «который испровергъ бы славу и честь народа россійскаго, для котораго я здоровье свое истратилъ, не жалѣя въ нѣкоторыхъ случаяхъ и живота своего» Уст. VI, 440, № 3840 П. С. З.

(2) П. С. З. №№ 3264, 3978, 9 п.

убѣждаетъ разузнавать, не будетъ ли отъ чего нибудь „нашимъ людямъ польза“, „смотрѣть и описывать въ чемъ интересъ государства и вообще во всемъ „тщательно остерегать“, вездѣ и во всякихъ случаяхъ „охранять со тщаніемъ и ревностью интересъ государства“ (¹), при столкновеніи интересовъ государственныхъ съ частными отдавать предпочтеніе первымъ. Изъ всего этого естественно вытекало, что „все то, что вредъ и убытокъ государству приключить можетъ, — суть преступленія“, и притомъ болѣе тяжелыя, чѣмъ частныя прегрѣшенія, а потому нужно и строже преслѣдовать „все, что во вредъ государственному интересу быть можетъ, какого бъ оное имени ни были“:... „враговъ общенародной пользы“, „повредителей интересовъ государственныхъ“, государственныхъ татей“ и проч. (²). Чтобы провести эти взгляды въ народъ, Петръ поручалъ другимъ разъяснять ихъ. „Надобно, гласитъ одинъ указъ, изъяснить именно интересы государственные для вразумленія людямъ“. Дѣлая распоряженія, касающіяся размноженія льнянаго и пеньковаго промысловъ, Петръ велитъ при этомъ объявить въ народѣ, что это дѣлается „для всенародной пользы и имъ поживленія“ (³).

Петръ однако не хотѣлъ въ этомъ вопросѣ оставаться въ области общихъ взглядовъ; онъ старался въ подробности развить передъ народомъ свои понятія о томъ, что разумѣетъ онъ подъ народнымъ благомъ и государственной пользой.

Для блага Россіи, по мнѣнію Петра, необходимы были, какъ и прежде было сказано, главнымъ образомъ слѣдующія условія: безопасность отъ внѣшнихъ враговъ, или иначе политическая сила, тѣсно связанная съ матеріальнымъ благосостояніемъ, возможнымъ въ свою очередь при развитіи добывающей, обработывающей промышленности и торговли, и наконецъ болѣе справедливыя и самостоятельно—свободныя общественныя отношенія, уваженіе къ труду и распростра-

---

(¹) П. С. З. № 3708, XXV или гл. I. Уст. гл. Маг. № 3318, 23 п. 6. Генерал. регл. LVI. Морск. Уставъ гл. I кн. I. и присяга. Воинскій Уставъ арт. LXIV. №№ 2503, 2915, 2994, 5 п., 3294, 4 и 46 п., 3436, 8 п., 3711, 3870, 47. Нартовъ № 101.

(²) П. С. З. 3304, 25; 2871, 3464 послѣ 11 п., 3870, 2707, 3304.

(³) П. С. З. № 2966, 3673.

неніе знаній.—Въ генеральномъ регламентѣ онъ объявилъ, что охраненіе народа отъ внѣшнихъ враговъ, и слѣд. содержаніе морскихъ и сухопутныхъ войскъ въ добромъ состояніи, коммерція, художества и мануфактуры, горное дѣло, исправное опредѣленіе и исчисленіе приходовъ, устройство юстиціи и администраціи составляютъ „государственны нужды", о которыхъ необходимо позаботиться и Россіи, подобно другимъ государствамъ (1). Кромѣ того Петръ указывалъ на значеніе каждой изъ упомянутыхъ государственныхъ потребностей въ частности. Такъ онъ убѣждалъ сына въ томъ, что „оборона" есть одно изъ необходимыхъ дѣлъ правленія, а военное дѣло—первое изъ мірскихъ дѣлъ, назначающихся для обороны отечества. „Не хочу многихъ примѣровъ писать, но точію равномѣрныхъ намъ Грековъ: не отъ сего ли пропали, что оружіе оставили и единымъ миролюбіемъ побѣждены, и, желая жить въ покоѣ, всегда уступали непріятелю, который ихъ покой въ некончаемую работу тиранамъ отдалъ?" Благодаря войнѣ, русскій народъ добился моря и могъ вступить въ сношенія со всѣмъ свѣтомъ; при помощи военнаго искуства „мы отъ тьмы къ свѣту вышли, и которыхъ не знали—въ свѣтѣ нынѣ почитаютъ"... „Хотя и мирное время, говорилъ Петръ сенату послѣ сѣверной войны, не надлежитъ (однако) ослабѣвать въ воинскомъ дѣлѣ, чтобы съ нами не такъ сталось, какъ съ монархіей греческой" (2). Слова эти были впослѣдствіи приведены въ печатномъ указѣ. Въ манифестѣ о призывѣ иностранцевъ Петръ доводитъ до общаго свѣдѣнія, что онъ думаетъ, заботится о разныхъ способахъ „какъ бы обезопасить предѣлы наши отъ нападенія непріятельскаго и сохранить право и преимущество нашего государства и всеобщее спокойствіе въ христіанствѣ, какъ то̀ христіанскому монарху слѣдуетъ. Для достиженія сихъ благихъ цѣлей, мы наипаче старались о наилучшемъ учрежденіи военнаго штата, яко опоры нашего государства, дабы войска наши не токмо состояли изъ хорошо обученныхъ людей, но и жили въ добромъ порядкѣ и дисциплинѣ" (3). Изъ приведенныхъ фактовъ отчасти видно, что Петръ не одобрялъ

---

(1) П. С. З. № 3534.
(2) Соловьевъ XVII, 164—163. П. С. З. № 3840.
(3) П. С. З. 1910.

войны для войны, для безцѣльныхъ завоеваній, войны изъ за пустяковъ. Еще болѣе подтверждаютъ это постоянныя заботы Петра скорѣе покончить сѣверную войну, устранить дипломатическимъ путемъ частыя попытки Турокъ вступить въ войну съ Россіей. Въ томъ же письмѣ къ сыну, гдѣ Петръ толковалъ о необходимости для государства военныхъ силъ, онъ замѣчаетъ: „а не научаю, чтобъ охочь былъ воевать безъ законныя причины". Въ манифестѣ же о призывѣ иностранцевъ между между прочимъ тоже сказано: „мы весьма старались сохранить внутреннее спокойствіе", а въ другомъ, касающемся малороссійскихъ дѣлъ, что, послѣ изгнанія непріятеля, малороссіяне „по прежнему, при правахъ и вольностяхъ своихъ, вѣчно въ покоѣ и тишинѣ жительствовать могутъ", что слѣдовательно война временное зло, которое потому нужно по возможности устранять; наконецъ, въ манифестѣ о войнѣ съ турками, Петръ высказываетъ свое удивленіе относительно поведенія султана, со стороны котораго „послѣ подтвержденія... постановленнаго и отъ насъ по се число ненарушимо содержаннаго мира вмѣсто показательства всякаго рода пріязни произошли многія противности... къ разрушенію *святаго* покоя" (1). Замѣчательны въ этомъ отношеніи разговоры, которые влагаетъ Нартовъ въ уста Петра, разговоры невѣрные, можетъ быть, въ подробностяхъ, но за то проникнутые одной общей мыслью,—осужденіемъ безтолковыхъ завоеваній, героевъ-завоевателей. Разговорившись разъ за столомъ объ Александрѣ Македонскомъ, Петръ сказалъ: „какой тотъ великій герой, который воюетъ ради собственной только славы, а не для обороны отечества, желая быть обладателемъ вселенныя! Александръ не Юлій Цезарь. Сей былъ разумный вождь, а тотъ хотѣлъ быть великаномъ всего свѣта; послѣдователямъ его неудачный ус-

---

(1) Соловьевъ; XVII, 166. П. С. З. №№ 1910, 2224, 2322.

При заключеніи Головинымъ договора при посредствѣ Флеминга, послѣдній просилъ объяснить слухи, появившіеся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, «будто бы его ц. в. нѣкоторое намѣреніе имѣетъ на восточное цесарство, также и въ томъ стараться, дабы Рѣчь—Посполитую совсѣмъ разорить и разлучить?». Головинъ отвѣтилъ, «его ц. в. свято засвидѣтельствовалъ и обнадеживаетъ чрезъ сіе паки, что оный ни на то, ни на другое изъ предъявленныхъ намѣреній ни малый рефлексъ не сочиняетъ и впредь сочинять не будетъ» № 2363.

пѣхъ". Когда Карлъ на предложеніе со стороны русскихъ о мирѣ хвастливо отвѣтилъ, что предпишетъ его въ Москвѣ, Петръ иронически замѣтилъ: „Карлъ все мечтаетъ быть Александромъ". Услыхавъ потомъ о полученной Карломъ ранѣ онъ съ сожалѣніемъ отозвался о его безцѣльно героическомъ подвигѣ: „Карлъ, проливъ много крови человѣческой, льетъ нынѣ собственную свою кровь для одной мечты быть властелиномъ чужихъ царствъ!" Разсуждая съ министрами о мирѣ съ Швеціей, Петръ ясно высказалъ имъ мысль, что онъ дорожитъ спокойствіемъ страны: „я къ миру всегда былъ склоненъ; но того непріятель слышать не хотѣлъ" (1).

Но указывая на необходимость спокойствія для страны, Петръ не говорилъ этимъ, чтобы народъ отдался безмятежному мертвящему покою:—миръ нуженъ для развитія явныхъ и пробужденія скрытно дремлющихъ силъ народа, отвлеченныхъ внѣшней борьбой. Петръ заявилъ, что онъ ждалъ только того, какъ бы управиться, что вовсе не желалъ пренебречь „земнаго справедливаго правленія", но „трудится и сіе въ такой же добрый порядокъ привесть, какъ и воинское дѣло". До Петра у насъ мало обращали вниманія на то, что благо народа и государства тѣсно связано съ экономическимъ развитіемъ страны. Петръ шагнулъ дальше нашего прошлаго по этому пути, но не дальше своего вѣка вообще. Согласно съ понятіями, господствовавшими въ умахъ современныхъ ему государственныхъ людей Европы, Петръ началъ проводить взгляды о необходимости развитія торговли, мануфактуръ (понимая подъ послѣдними не только фабричную и заводную промышленность, но и ремесла) и наконецъ добывающей промышленности. Манифестъ 1702 года заявилъ, что правительство признало необходимымъ для того чтобы народъ приходилъ „въ лучшее и благополучнѣйшее состояніе", —заботиться между прочимъ „всячески улучшить и распространить торговлю. Для сей цѣли мы побуждены были въ самомъ правленіи учинить нѣкоторыя нужныя и ко благу земли нашей служащія перемѣны, дабы наши подданные могли тѣмъ болѣе и удобнѣе научиться по нынѣ имъ неизвѣстнымъ познаніямъ и тѣмъ искуснѣе становиться во всѣхъ торговыхъ дѣлахъ. Чего ради мы всѣ наипаче къ споспѣшествованію торговли съ иноземцами необходимыя при-

(1) Нартовъ №№ 99, 116, 120, 92.

казанія, распоряженія и учрежденія всемилостивѣйше учинили и впредь чинить намѣрены". Учреждая коммерцъ-коллегію, Петръ высказалъ въ уставѣ ея общія обязанности: „надлежитъ все, что купечество (торговлю) споспѣшествовать и въ доброе состояніе привесть можетъ, не только въ довольномъ смотрѣніи имѣть, но и трудиться, чтобъ такое сокровище утрачено не было" (¹). Вопросъ о русской торговлѣ былъ, конечно, не разъ предметомъ бесѣдъ съ сотрудниками. Такъ кн. Черкасскій предлагалъ: „послать посла до шаха персидскаго отъ лица вашего (т. е. Петра) *для интересовъ государственныхъ, какъ я отъ вашего в. слышалъ, что желаете расширить купечество*". „Такъ какъ богатство каждаго города, говорится въ уставѣ главнаго магистрата, отъ корабельнаго морскаго хода, такожъ отъ свободнаго и безобиднаго во всемъ вездѣ купечества и искуснаго рукодѣлья собственную свою имѣетъ силу и умножательное дѣйство", то нужно заботиться проводить, по возможности, все это, полезное для всего государства, въ лучшее состояніе (²). При заведеніи новыхъ фабрикъ, заводовъ Петръ иной разъ указывалъ на побужденія, которыми онъ при этомъ руководился: „мы прилежное стараніе всегда имѣемъ о распространеніи въ государствахъ нашихъ и пользы общаго блага и пожитку подданныхъ нашихъ, купечества и всякихъ художниковъ и рукодѣлій, которыми всѣ прочія благоустроенныя государства и процвѣтаютъ и богатятся"; потому то и разрѣшается „дѣлать и размножать нѣкоторые рукодѣльныхъ художествъ заводы" (²). Заботы о другихъ важныхъ отрасляхъ государственнаго хозяйства, о скотоводствѣ, земледѣліи и рыболовствѣ, Петръ призналъ нужнымъ возложить на особое учрежденіе: комеръ-коллегію. На важное значеніе горнаго дѣла указываетъ народу указъ объ учрежденіи бергъ-коллегіи: „мы усмотрѣли, что отъ рудокопныхъ заводовъ и прилежнаго устроенія оныхъ земля обогатѣетъ и процвѣтаетъ; также пустыя и безплодныя мѣста многолюдствомъ населятся, яко же и искуство въ различнымъ земляхъ довольно показуетъ. Наше россійское государство предъ многими землями преизобилуетъ, и потребными металлами и минераллами благословенно есть, которыя до

(¹) П. С. З. №№ 1910 и 3318.
(²) П. С. З. №№ 2815 и 3708, XI. 2, 3089 и 3180.

нынѣшняго времени безъ всекаго прилежанія исканы; паче же не такъ употреблены были, какъ принадлежитъ, тако что многая польза и прибытокъ, который бы намъ и подданнымъ нашимъ изъ онаго произойти могъ, пренебреженъ". Кромѣ того Петръ высказывалъ мысль о необходимости развитія экономической жизни государства по поводу и другихъ болѣе частныхъ случаевъ (1).

Не покидали его заботы о народномъ благостояніи и при устройствѣ финансовъ. Поставляя въ обязанность и сенату и воеводамъ „непрестанно смотрѣть", изыскивать новые источники для государственныхъ доходовъ, онъ постоянно напоминалъ при этомъ, чтобы сборы не были обременительны для народа (2). Мало этого. Издаются и публикуются особые указы, гдѣ царь вооружается противъ жестокихъ способовъ собиранія государственныхъ доходовъ, „правежей" и разныхъ несправедливостей, возникающихъ при этомъ, слухи о которыхъ доходили до правительства. Петръ признавалъ даже необходимымъ уравнять государственныя повинности между разными классами общества; считая несправедливымъ возлагать всѣ тягости на простой народъ. Сдѣлалось извѣстнымъ, что „возрастаютъ на тягость всенародную и умножаются для лукавыхъ пріобрѣтеній и похищеній государственныхъ интересовъ великія неправды и грабительства, и тѣмъ многіе всякихъ чиновъ люди, а наипаче крестьяне, приходятъ въ раззореніе и бѣдность",—и Петръ всенародно объявляетъ, что ревностное желаніе его—„искоренить неправедныя бѣдственныя всенародныя тягости и похищеніи лукавыя государственныя казны" (3) во всякаго города государственныхъ сборахъ и повинностяхъ. Или вотъ на что Петръ указываетъ сенату: „какъ я слышу по постороннимъ вѣдомостямъ, въ губерніяхъ несносные правежи чинятся, въ чемъ мнѣ за такою дальностью, а въ своемъ государствѣ будучи, за сею тяжкою войною усмотрѣть не возможно, отъ чего не точію раззореніе государству, но отъ Бога не безъ гнѣва, что я на совѣсти своей не могъ оставить вамъ сіе писать,

(1) П. С. З №№ 3466, 3464; 3590, 3711, 3774, 3472.

(2) П. С. З. №№ 1822, 42 п., 2097, 10 п. 2135, 14—16 пп. 2328, 2330, 3 п., 2469 I, 10 п. 2707.

(3) № 2707.

дабы въ томъ гораздо смотрѣли, понеже онаго дѣла не имѣете"... „Что же надлежитъ до сборовъ денежныхъ, въ томъ наипаче смотрѣть надобно, ибо и *безъ великаго отягченія людямъ денегъ сыскать можно*, ибо въ семъ не малую оплошность имѣете". Оплошность эта заключалась между прочимъ и въ опущеніяхъ при сборѣ пошлинъ въ Архангельскѣ. Петръ предлагаетъ въ случаѣ нужды наложить пошлину и на промыслы, также „*поголовщину* по городамъ, какъ то въ всемъ свѣтѣ ведется (кромѣ деревень) и иные сему подобные, отъ чего разворенія государству не будетъ" (¹). Въ инструкціи земскому коммиссару Петръ выражаетъ свое неудовольствіе на то, что многіе избѣгаютъ совсѣмъ или отчасти общественныхъ повинностей, и что у него есть намѣреніе уравнять и сдѣлать сносными подати:—новый регламентъ опредѣлитъ „о податяхъ, какъ бы оныя сносны и въ равенствѣ были". Замѣчательны слова, высказанныя въ регламентѣ камеръ-коллегіи: „никакого государства въ свѣтѣ нѣтъ, которое бы наложенную тягость снесть не могло, ежели правда, равенство и по достоинству въ податяхъ и расходакъ осмотрѣно будетъ". На это слѣдуетъ камеръ-коллегіи обратить особенное вниманіе и хорошенько пообдумать этотъ вопросъ. Наконецъ онъ требовалъ отъ сената бережливаго обращенія съ государственной казной: „смотрѣть во всемъ государствѣ расходовъ, и ненужные, а особливо напрасные оставить" (²).

Вмѣстѣ съ указаніями на необходимость улучшенія экономическаго положенія народа, встрѣчаемъ довольно настойчивыя попытки ввести болѣе справедливости и свободы въ судебную и административную области. Служеніе лицу, а не дѣлу, безсиліе слабаго, произволъ сильнаго, взяточничество—эти язвы разъѣдающія русскую жизнь, подкапывающіяся подъ благосостояніе народа, не ушли отъ зоркаго глаза Петра. Нигдѣ въ свѣтѣ нѣтъ, гласитъ извѣстный указъ, выставленный въ присутственныхъ мѣстахъ, такого пренебреженія къ законамъ, нигдѣ не играютъ въ законы точно въ карты, прибирая масть къ масти, какъ у насъ были и отчасти и еще есть, „и зѣло тщатся всякія мины чи-

---

(¹) П. С. З. № 3080.

(²) 3295, 4 а также главному магистрату 3708, XII, 3466, 9 п.; 2330, 2.

нить подъ фортецію правды“; на глазахъ въ помѣстномъ приказѣ подтасовываютъ указы, чтобъ „удобнѣе въ мутной водѣ ловить рыбу“ (1). Петръ уважалъ правдивость въ окружающихъ лицахъ (2), и постоянно заботился установить справедливость въ судахъ. Прежде всего всѣ безъ исключенія должны быть равны передъ закономъ,—мысль, не успѣвшая и до сихъ поръ уложиться въ умы, а тогда казавшаяся многимъ опаснымъ нововведеніемъ. Магницкій; довольно образованный человѣкъ для своего времени, возмущался очными ставками, назначенными Тверитинову съ его обвинителями: „я удивляюсь сему вашему суду, замѣтилъ онъ въ сенатѣ, что свидѣтели люди безпорочные и въ томъ числѣ многіе именитые царедворцы и пречестные именитые архимандриты, съ такими ворами-еретиками на одной доскѣ должны стоять“ (3). Петръ говорилъ: „судите, не смотря на лице“, „ни на какія персоны“, „какого бъ званія и важности не были“. Послѣ казни Гагарина, Петръ говорилъ своимъ сотрудникамъ, что скорое и доброе правосудіе нужно оказывать всѣмъ одинаково и наказывать зло „въ лицахъ знатныхъ также, какъ и въ послѣднемъ крестьянинѣ“. „Правда, говорится въ воинскомъ уставѣ, нѣкоторыя права за насиліе надъ явною блудницею не жестоко наказать повелѣваютъ, однакожъ сіе все едино; ибо насиліе есть насиліе, хотя надъ блудницею или честною женою“, надлежитъ *судъѣ не на особу, но на дѣло и обстоятельство смотрѣть*“, безпристрастно взвѣшивать на вѣсахъ неподкупной Ѳемиды. Не мало трудовъ, говоритъ другой указъ, положилъ государь, жалѣя подданныхъ, на заведеніе новыхъ учрежденій для того, чтобъ „каждому по ихъ дѣламъ во всемъ судъ былъ праведный и без-

---

(1) П. С З. № 3970.

(2) Чернышевъ училъ Неплюева говорить Петру правдиво: «говори правду и ничего не солги, хотя бы что и худо было, онъ-де больше разсердится, буде что солжешь» Дѣйствительно, разъ, опоздавъ на работы, Н. не рѣшился бѣжать и притвориться больнымъ. Петръ, бывшій уже на работѣ встрѣтилъ его словами: «я уже мой другъ, здѣсь».—«Виноватъ,—засидѣлся въ гостяхъ вчера». Петръ, взявъ его за плечо, пожалъ: «спасибо, малый, что говоришь правду, Богъ проститъ!». От. Зап. 1825, XXI. 441. 436.

(3) Русскій Вѣстникъ 1871 г. 6, 437.

продолжительный", „всѣмъ повсюду равный безъ ненавистнаго лицемѣрія и противныя истинѣ проклятыя корысти" (¹).

Въ администраціи Петръ также замѣтилъ господство произвола. Онъ упоминаетъ о прежнихъ „воеводскихъ тягостяхъ", о самоуправствѣ завѣдывавшихъ приказами. Лучшее средство для устраненія этихъ золъ онъ видитъ въ примѣненіи выборнаго начала и коллегіальнаго управленія, желаетъ пріучить народъ къ самоуправленію и слѣд. къ большей самостоятельности, свободѣ дѣйствій. Взгляды на этотъ вопросъ высказывались Петромъ по разнымъ случаямъ: то обращаясь къ брянскимъ бурмистрамъ, „выборнымъ людямъ", указываетъ имъ, какое новое пріобрѣтеніе они сдѣлали: „нынѣ вы учинены свободны отъ прежнихъ воеводскихъ тягостей", то сравнивая между собою приказы и коллегіи, выставляетъ на видъ преимущества послѣднихъ, что „ихъ президенты или предсѣдатели не такую мочь имѣютъ, какъ старые судьи дѣлали, что хотѣли; въ коллегіяхъ же президентъ не можетъ безъ соизволѣнія товарищевъ своихъ ничего учинить" (²). При заведеніи ландратовъ при губернаторахъ Петръ прибавилъ: „и губернаторъ у нихъ не *яко властитель*, но яко президентъ", и безъ нихъ не долженъ дѣлать никакого дѣла. Преимущества коллегіальнаго управленія предъ единоличнымъ особенно постарались разъяснить въ духовномъ регламентѣ. Петръ старался приучить къ тому, какъ вести дѣла въ этихъ новыхъ для русскихъ учрежденіяхъ, наблюдать напр. за порядкомъ въ преніяхъ „какъ честнымъ людямъ надлежитъ, а не какъ бабамъ торговкамъ" (³). Вы-

---

(¹) П. С. З. №№ 3006, L; 2331, 3. 3951, 5. 167 артикул 2330, 1819, (о печати Өемидовой въ ратушѣ), 3900, 2822. Въ борьбѣ противъ неправды въ судахъ Петръ до того, что сталъ признавать зломъ всякую снисходительность въ судѣ, называя ее «похлѣбствомъ», когда «многіе не только за худое дѣло но и за добродѣтель вмѣняютъ, ставя въ милосердіе, еже винныхъ легко судить или по случаю иныхъ и весьма свободныхъ отъ суда имѣть, дабы тѣмъ отъ людей любовь получить. Но таковый храмину себѣ на пескѣ созидаетъ безъ твердаго основанія и всегда готова къ паденію. Понеже ничто такъ людей ко злу не приводитъ, какъ слабая команда». П. С. З № 3006, X а также VI т. 6 стр. относительно духовныхъ 3780.

(²) П. С. З. №№ 1819, 3261, 4010.

(³) П. С. З. №№ 2673, 12 п. VI т. 314 стр 3231. Берхгольцъ передаетъ слухъ, что Петръ хотѣлъ устранить сенаторовъ отъ должностей

борное начало, какъ извѣстно, вводилось при Петрѣ не только въ городское управленіе, но даже въ армію; разрѣшено было самимъ прихожанамъ выбирать себѣ священниковъ, только руководились бы при этомъ достоинствомъ человѣка ([1]).

Всѣ эти судейскія неправды и воеводскія тягости, конечно, совершались главнымъ оброзомъ изъ-за корыстныхъ цѣлей, въ надеждѣ получить взятку, посулъ. Эта жажда наживы, заявлявшая себя, какъ видѣли, и при разнаго рода государственныхъ сборахъ, была общимъ, повсюду распространеннымъ зломъ русской жизни. И противъ него, противъ „блудней", „гагариновыхъ правилъ", „сребролюбія", въ чемъ бы они не проявлялись, Петръ боролся и словомъ и дѣломъ, обличеніемъ и осмѣяніемъ: „понеже корень всему злу есть сребролюбіе, гласятъ воинскій и морской уставы, того для всякъ командующій аншефъ, долженъ блюсти себя отъ лихоимства, и не точію блюсти, но и другихъ отъ онаго жестоко унимать и довольствоваться опредѣленнымъ, ибо многіе интересы государственные чрезъ сіе зло потеряны бываютъ. Ибо такой командиръ, который лихомство великое имѣетъ, не много лучше измѣнника почтенъ быти можетъ, понеже онаго непріятель (хотя оный и вѣренъ) постороннимъ образомъ подарить и съ прямаго пути свесть легко можетъ. Того ради всякому командиру надлежитъ сіе непрестанно въ памяти имѣть, отъ онаго блюстися, ибо можетъ таковымъ богатствомъ легко смерть или безчестное житіе купить" ([2]). Отправляя воеводу въ Нерчинскъ, онъ наказываетъ ему „чтобы онъ смотрѣлъ за тѣмъ, чтобъ всякаго чина людямъ „ни отъ кого, ни въ чѣмъ никакого раззоренія и тѣсноты, и продажъ, и налогъ никакихъ не было", „а за кѣмъ явятся какія блудни и воровства или кражи и тѣхъ *обличать при многихъ лучшихъ людяхъ* гораздо, безъ всякой пощады смирять, чтобъ на то смотря иные ихъ братья его воеводы боялись, а какъ онъ воевода къ тѣмъ не подобнымъ дѣламъ самъ не приличится *и во образъ всѣмъ себя чиста* и непорочна удержитъ, тогда на него смотря и прочіе всѣ учнутъ опасаться во всякія прежде бывшія различ-

---

президентовъ коллегій «такъ сидящіе съ ними плясали по ихъ дудкѣ, а отсюда раждалось много интригъ и несправедливостей». Берх. II, 48.

([1]) П. С. З №№ 3708, XIV 3911 и др.

([2]) П. С. З. № 3006 и VI т. 6 стр.

ныя злости, кражи, клеветы, обиды вступать“ (¹). Особенно грозенъ былъ указъ 1714 года, который велѣно было повсюду разослать, чтобы всѣ находящіеся у дѣлъ и тѣ, которые впослѣдствіи будутъ назначены, прочитавъ, приложили къ нему руки; для народа велѣно было вездѣ прибить печатные листы. Вотъ отрывки изъ него: „понеже многія лихоимства умножились, о чемъ многіе, якобы оправдая себя, говорятъ, что сіе не заказано было, не разсуждая того, что все то, что вредъ и убытокъ государству приключить можетъ, суть преступленія. И дабы впредь плутамъ (которые ни во что иное тщатся, точію мины подъ всякое добро дѣлать, и несытость свою исполнять) невозможно было никакой отговорки сыскать: того ради запрещается всѣмъ чинамъ, которые у дѣлъ приставлены великихъ и малыхъ, духовныхъ, военныхъ, гражданскихъ, политическихъ, купецкихъ, художественныхъ и прочихъ, какое званіе оные ни имѣютъ, дабы не дерзали никакихъ посуловъ казенныхъ и съ народа сбираемыхъ денегъ брать, торгомъ, подрядамъ и прочими вымыслы, какого бъ званія оные и манера ни были, ни своимъ, ни постороннимъ лицомъ, кромѣ жалованья“... „А кто дерзаетъ сіе учинить, тотъ весьма жестоко на тѣлѣ наказанъ будетъ, всего имѣнія лишенъ, шельмованъ, и изъ числа добрыхъ людей изверженъ, или и смертью казненъ будетъ“... „Тожъ слѣдовать будетъ и знавшимъ про это подвластнымъ людямъ и служителямъ, не смотря на оправданія, что страха ради сильныхъ лицъ, или что его служитель“. Желая опозорить въ общественномъ мнѣніи, во мнѣніи народа, не только взяточниковъ, но и тѣхъ, которые давали взятки, Петръ велѣлъ прибить во время казни Монса около эшафата списки лицъ, дававшихъ взятки казненному преступнику, не пощадивъ при этомъ именъ князей Доглорукихъ, Голицыныхъ, Черкасскихъ, графа Головина, и даже царевны Прасковьи Ивановны (²).

Великими средствами для устраненія разныхъ золъ русской жизни, Петръ, не безъ основанія, почиталъ знаніе и трудъ. Онъ при всякомъ удобномъ случаѣ указывалъ то на недостаточность ихъ въ древней Россіи и окружающемъ его обществѣ, то на неуваженіе къ нимъ и даже презрѣніе, на

(¹) П. С. З. № 3622, 61 п. а также и другіе указы № 2135. 4 и 12 пп. № 3488 (конецъ).

(²) П. С. З. № 3871. Семейство Монсовъ Семевскаго, 158.

вредныя послѣдствія всего этого, на значеніе ихъ въ народной жизни: Такъ онъ объяснялъ малое развитіе до него горнаго дѣла тѣмъ, что „наши подданные рудокопнымъ дѣламъ и какъ съ онаго въ пользу государственную произвести не разумѣли“; такъ, онъ приписывалъ неудачи чигиринскаго и крымскихъ походовъ малому знакомству русскаго войска съ военнымъ искусствомъ, а бывшія потомъ пораженія отъ регулярныхъ шведскихъ войскъ также нашему неискусству; такъ, онъ объявилъ народу, что только благодаря невѣжеству и глупости нѣкоторые не умѣютъ пользоваться, даже порочатъ такой неоцѣненный даръ природы, какъ марціальныя воды въ Олонцѣ; такъ, заявлялось имъ, что отъ невѣденія иноземныхъ торговыхъ трактатовъ русскіе купцы могутъ впасть въ убытокъ (1) и проч. Петръ любилъ, говорятъ, высказать мысли въ средѣ окружающихъ людей о пользѣ знаній (2) и проводилъ ихъ нерѣдко въ среду народа въ своихъ указахъ; напр. въ духовномъ регламентѣ, гдѣ часто попадаются нападки на невѣжество, встрѣчаемъ и такое общее положеніе: „ученіе доброе и основательное есть всякой пользы, какъ отечества, такъ и церкви, аки корень и сѣмя и основаніе“, или „народъ свой во многихъ воинскихъ и гражданскихъ наукахъ къ пользѣ государственной и славѣ обучили“. Наконецъ „академіи, школы дѣло есть зѣло нужное для обученія народнаго“ (3) и т. п. Едва ли не больше дѣйствовала на окружающихъ Петра лицъ и на народъ личная дѣятельность реформатора и умственная работа, кипѣвшая въ его кружкѣ: уже одни новыя, странныя для многихъ явленія, свѣтскія книги, карты, газеты, указы и манифесты, знакомящіе съ внѣшней и внутренней политикой правительства, а то прямо требовавшіе занятій разнаго рода науками или „опыта“, испытыванья, провѣдыванья, испробованья, изобрѣтеній, „инвенцій“, вымышленій новыхъ машинъ, словомъ знанія и знанія (4),—все это должно было поражать вниманіе тогдашняго общества, заставляло задуматься надъ этимъ, поближе узнать, что это такое наука, чему учатъ тамъ и сямъ разнаго

(1) П. С. З. №№ 3464, 3006 (начало). Соловьевъ; XVII, 166, №№ 3579, 3338, 3977, 3318, 27.

(2) Корбъ 242, Веберъ. Записки въ Р. Архивѣ 1074 стр. за 1872 г.

(3) П. С. З. VI т. 331. Устряловъ; VI, 443, № 3708, X т.

(4) 3668, 2, 7. 3811, 3937, XII, 29, XX, 21. 4129 и др.

рода школьниковъ. Это были первые переходные шаги русскаго общества отъ полнаго невѣжества къ знакомству, правда поверхностному, съ наукой.—Вмѣстѣ съ знаніемъ Петръ стремился поднять въ глазахъ общества трудъ, какого-бы рода онъ ни былъ, трудъ ли чернорабочаго или ремесленника, торговаго, служилаго человѣка, ученаго, пріучить словомъ и примѣромъ окружающихъ его къ работѣ. Употреблялись даже старанья сдѣлать трудъ обязательнымъ для всѣхъ. Въ русскомъ дворянствѣ укоренился взглядъ, что самымъ приличнымъ занятіемъ должно быть хожденье на войну, сидѣнье по воеводствамъ и по приказамъ и особенно служба при дворѣ. Устраивая майоратство, Петръ заявляетъ, что желающимъ изъ кадетовъ дворянскихъ фамилій перейти въ чинъ купеческій или какое знатное художество, или въ бѣлые священники не слѣдуетъ ставить это въ безчестье. Лишившись помѣстій, они принуждены будутъ добывать себѣ кусокъ хлѣба службой, ученьемъ, торгами и прочимъ, а „все то, что они сдѣлаютъ вновь для своего пропитанія государственная польза есть“ (¹). Чтобы показать бѣлоручкамъ-боярамъ,—что нечего стыдиться чернорабочаго физическаго труда и питать презрѣнье къ занимающимся такимъ трудомъ, представитель Романовыхъ, царской крови, выковываетъ осьмнадцать пудовъ желѣза, покупаетъ на заработанныхъ осьмнадцать алтынъ башмаки, носитъ и показываетъ многимъ, разсказывая, что выработалъ онъ ихъ самъ своими руками (²). Владѣтели помѣстій и вотчинъ обязаны нести за нихъ службу государству. Съ замѣчательной смѣлостью стали дѣлаться, какъ увидимъ, при Петрѣ нападенія на тунеядство монашества и духовенства. Не постарому отнесся Петръ и къ тому праздному люду, которому такъ тепло и уютно жилось въ старину, къ здоровымъ нищимъ и гулякамъ, „которые, не хотя трудитися о своемъ пропитаніи, даромъ хлѣбъ ѣдятъ, которые шатаются безъ службъ, и отъ которыхъ такимъ образомъ нельзя ждать государственной пользы. „Нищимъ по улицамъ..., говоритъ одинъ указъ... милостыни не просить, и никому не давать, и по улицамъ имъ не шататься, понеже въ таковыхъ многіе за лѣностьми и молодые, которые не употребляются въ работы и въ наймы, милостыни просятъ,

---

(¹) П. С. З. №№ 2789, 15, 3891.
(²) Нартовъ. № 81.

отъ которыхъ ничего добраго, кромѣ воровства показать не можно... а кто пожелаетъ милостыню давать, и имъ давать въ гошпитали и въ другія таковыя подобныя мѣста". Магистратамъ, коммерцъ-коллегіи, помѣщикамъ, старостамъ крестьянскимъ и сотскимъ поручено выводить лѣнивцевъ и нищихъ, посылать ихъ на работу, принуждать къ трудамъ и честному промыслу (¹). Но особенно рѣзко напалъ на тунеядцевъ духовный регламентъ: „многіе бездѣльники при совершенномъ здравіи за лѣнность свою пускаются на прошеніе милостыни, и по міру ходятъ безстудно, и иные же въ богадѣльни вселяются посулами у старостъ, что есть богопротивное и всему отечеству вредное". Что лѣнивые попрошайки и подающіе имъ милостыню противны Богу, грѣшатъ, доказывается тѣмъ, что Богъ повелѣваетъ въ потѣ лица ѣсть хлѣбъ, а праздному человѣку совсѣмъ запрещаетъ ѣсть. „Отечеству.... великій вредъ дѣется, отъ сего бо во первыхъ скудость, и дорогъ бываетъ хлѣбъ. Разсуди всякъ благоразумный, сколько тысячъ въ Россіи обрѣтается лѣнивыхъ таковыхъ попрошаковъ, толико-жъ тысячъ не дѣлаютъ хлѣба, и потому нѣтъ у нихъ приходу хлѣбнаго: а обаче нахальствомъ и смиреніемъ чуждые труды поядаютъ, и потому великій хлѣба расходъ вотще. Хватать бо таковыхъ всюды, и къ дѣламъ общимъ приставлять. Да отъ тѣхъ же прошаковъ дѣется убогимъ истиннымъ великая обида.... Суть же и таковые, что и дневной пищи лишаеми, просити стыдятся. Аще кто истинную имѣетъ утробу милосердія, сія разсудивъ, не можетъ не желаетъ отъ сердца, чтобъ было таковому безчинію доброе исправленіе.—Сверхъ того еще лѣнивіи оные нахалники сочиняютъ нѣкая безумная и душевредная пѣнія, и оная съ притворнымъ стенаніемъ предъ народомъ поютъ, и простыхъ невѣжъ еще вящше обезумливаютъ, пріемля за то награжденіе себѣ. И кто вкратцѣ исчислитъ вреды отъ таковыхъ бездѣльниковъ дѣемыя.... Воистинну нѣтъ беззаконнѣйшаго чина людей!" (²). Работникамъ-бѣднякамъ обѣщана поддержка черезъ коммерцъ-коллегію: „а которые работать могутъ, онымъ способъ и свободность къ тому подана была, и чтобъ такимъ неимущимъ пропитанія людямъ путь показанъ былъ къ купечеству или

(¹) П. С. З. №№ 3676, 3708, X, XX гл., 3818, 20. 4035, 4047, 31.
(²) П. С. З. 3 часть, Дух. регламента § 12.

рукодѣлію, смотря по каждаго лѣтамъ, мочи, натурѣ и удобности" (¹). Наконецъ въ письмахъ Петра къ сотрудникамъ на каждомъ шагу встрѣчаются выраженія въ родѣ слѣдующихъ: „надобно зѣло трудиться..." „всевозможно трудиться", „поревновать и склоняться къ добру и трудолюбію...", „отъ всей крѣпости своей труды приложить", „приложить труды къ трудамъ", „паки напоминаемъ, дабы вы трудились", „хотя я и вѣдаю ваше радѣніе, не вина напоминать про трудъ", „мы всѣмъ сердцемъ рады вашу милость и работу вашу видѣть и васъ за труды благодарить" (²). Новымъ сенаторамъ приходилось напоминать, чтобы они смотрѣли по серьезнѣе на свое дѣло: на засѣданіяхъ не занимались бы бездѣльными разговорами и шутками. Но не однѣ приведенныя просьбы показываютъ, что и въ перепискѣ Петръ является поклонникомъ труда; самое содержаніе ея преимущественно дѣловое, серьезное; шутки, личныя нужды стояли на второмъ планѣ, а на первомъ—дѣла и дѣла самаго разнообразнаго свойства.

Что Петръ ставилъ высоко трудъ вообще и въ частности одинъ изъ видовъ его,—службу обществу, государству, на это указываетъ та мысль, которую онъ съ настойчивостью проводилъ въ своей перепискѣ, указахъ, въ особености въ извѣстномъ „табелѣ о рангахъ", и которой придерживался въ отношеніи къ окружающимъ. Человѣкъ трудящійся, а тѣмъ болѣе оказавшій уже своею дѣятельностью услуги странѣ, имѣетъ всегда полное право на пользованье благами жизни, на уваженіе другихъ; трудъ вмѣстѣ съ знаніемъ и честностью указываютъ положеніе въ обществѣ, а по окончаніи дѣятельности даютъ право труженику быть обезпеченнымъ на общественныя средства. Такъ напр. въ инструкціи Трубецкому Петръ замѣчаетъ, чтобъ онъ, приводя въ порядокъ кавалерію, имѣлъ трудъ неусыпный, чтобъ „надлежащее за приложенные къ тому труды благополучіе слѣдовать могло". Вамъ нужно трудиться изо всѣхъ силъ, пишетъ царь къ Матвѣеву, „и понеже сіе дѣло великое вручено вамъ, то не малаго и воздаянія уповати можете, ежели оное съ помощью Божіею управите". Губернаторамъ и воеводамъ поставлялось въ обя-

(¹) 3318, 20.
(²) Гол. II, 309, 4 стр. IV, 2 ч. 54 и 40. № 2394 и др.
(³) П. С. З. № 3978.

занность смотрѣть за посланными въ учителя ариѳметическихъ школъ, чтобы „безъ дѣла даромъ жалованья не получали“; кригсъ-коммисаріату—чтобъ „никто безъ труда и заплаты своей не имѣлъ, и убытокъ казнѣ его ц. в. не чинилъ“. „Пусть инженеры, требуетъ воинскій уставъ, получаютъ жалованье по заслугамъ (¹)“. Замѣчательнѣе мысли, высказанныя Петромъ въ табелѣ о рангахъ, что одна изъ цѣлей законодателя,—„охоту подать къ службѣ“, и онымъ, т. е. заслуженнымъ, честь а не нахаламъ и тунеядцамъ“ оказывать; никому даже изъ дѣтей знатнѣйшихъ аристократовъ, говорится въ этомъ указѣ, „никакого ранга не позволяетъ, пока они намъ и отечеству никакихъ услугъ не покажутъ, и за оныя характера не получатъ“. Труды, заслуги и образованіе постепенно возводятъ служащихъ, „хотя бы и низкой породы они были“ на высшія и высшія ступени общественнаго положенія, даютъ преимущества, которыми до сихъ поръ пользовалось только привилегированное сословіе, дворянство (²). Это распространялось и на членовъ магистрата, „если кто изъ нихъ въ ввѣренной ему службѣ покажетъ тщательное радѣніе и во все время содержитъ себя честно“. Вообще особенно-полезные услуги и особливые опыты ревности всегда не останутся безъ вниманія, обѣщалъ Петръ плѣннымъ шведамъ, желавшимъ поступить на русскую службу (³). Наконецъ Петръ считаетъ большой ошибкой оставлять человѣка, истощившаго свои силы на служеніе странѣ въ безпомощномъ состояніи. Оставленныхъ за ранами или за старостью офицеровъ, гласитъ указъ сенату, „велите употреблять въ гарнизоны или къ другимъ какимъ дѣламъ по губерніямъ въ ландраты, или кто къ какому дѣлу будетъ способенъ, а особливо бѣдныхъ, которые мало имѣютъ за собою крестянъ и которые ничего не имѣютъ, ибо не безъ грѣха есть въ томъ, что такіе, которые много служили, тѣ забыты и скитаются, а которые нигдѣ не служили тунеядце, тѣ многіе по прихотямъ губернаторскимъ въ губерніяхъ взысканы чинами и получаютъ жалованье довольное; а которые хотя и къ дѣламъ не годят-

---

(¹) П. С. З. № 3404, Гол. II, 309. № 3695, 2456, 7. Реглам. адмир. XX, 27.

(²) П. С. З. №№ 3890, 3, 8, 11, 14, 16. 3705, 3006, X и XII, 3973, 3937, XII, 40, 1, 110. 3870, 3. 6. Гол. IV, 42.

(³) 3708, XIV, 3778, 6.

ся за дряхлостью или за увѣчьемъ, тѣмъ давать нѣкоторое жалованье по разсмотрѣнію, для ихъ пропитанія по ихъ смерть"... (1). Нартовъ слышалъ слова, высказанныя между прочимъ Петромъ при назначеніи пенсіи одному заслуженому полковнику, вышедшему въ отставку: „ужели за пролитую кровь и раны для отечества при старости и дряхлости съ голоду умереть?... Вѣть я для такихъ не скупъ" (2).

Проповѣдуя такимъ образомъ уваженіе къ справедливости, труду и знанію, Петръ училъ цѣнить людей за ихъ достоинства: храбрость, а главное честность, трудолюбіе, опытность и образованіе, устраняя значеніе кровнаго происхожденія. Тѣмъ самымъ онъ возвышалъ, конечно, личность человѣка, развивалъ въ ней сознаніе человѣческаго достоинства, вѣру въ собственныя силы, самостоятельно-независимое отношеніе къ жизни,—словомъ вводилъ тѣ начала, которыя и составляютъ необходимое условіе прогрессивнаго развитія общества.

Такіе-то взгляды проводилъ Петръ въ среду своихъ учениковъ и народа на государство, на необходимость развитія разныхъ сторонъ государственной жизни, на необходимость служенія общественнымъ интересамъ, и на необходимость установленія въ общественной жизни на прочныхъ основаніяхъ справедливости, знанія и труда.

Выдвигая на первый планъ государство, страну, Петръ тѣмъ самымъ долженъ былъ поставить личность государя рядомъ съ государствомъ или даже отодвинуть ее на второй планъ. Раньше была двойственность во взглядахъ Петра на государя, отразившаяся и на его дѣятельности; остается подробнѣе указать, кого и какъ знакомилъ онъ со своими взглядами. Въ оффиціальныхъ указахъ народу развиваются главнымъ образомъ перваго рода взгляды, въ которыхъ онъ является самодержавнымъ императоромъ, особа котораго должна пользоваться уваженіемъ равнымъ съ государствомъ. Въ указахъ народу рѣдко можно найти другаго рода взгляды; чаще они встрѣчаются въ указахъ сенату, а еще чаще —въ перепискѣ Петра съ сотрудниками и въ живыхъ бесѣдахъ съ ними. „Его величество, гласитъ воинскій уставъ, есть самовластный монархъ, который никому на свѣтѣ о

(1) П. С. З. №№ 3003 и др. указы и разсказы современниковъ; 2754, 3174, 1810. Уст. М. IV, на IV гл. Нартовъ № 37. Гол. V, 36—37.
(2) Нартовъ. № 36.

своихъ дѣлахъ отвѣту дать не долженъ; но силу и власть имѣетъ—свои государства и земли, яко христіанскій государь, по своей волѣ и благомнѣнію управлять" (1). Вступающій на государственную службу долженъ былъ дать клятвенное обѣщаніе въ родѣ слѣдующаго: „царю, его наслѣдникамъ вѣрнымъ, добрымъ и послушнымъ рабомъ и подданнымъ быть и всѣ къ высокому его ц. в. самодержавству, силѣ и власти принадлежащія права и прерогативы (или преимущества) узаконенныя и впредь узаконяемыя, по крайнему разумѣнію, силѣ и возможности предостерегать и оборонять, и въ томъ живота своего въ потребномъ случаѣ не щадить"... Предписывается „интересъ монарха хранить" наравнѣ съ государственнымъ—„во всемъ царскаго в—ва интересъ и государственную пользу тщательно хранять", „всегда подобаетъ сенату имѣть о монаршеской и государственной пользѣ неусыпное попеченіе" (2). Умыслы противъ государя должны считаться однимъ изъ самыхъ тяжкихъ преступленій и по военнымъ и по гражданскимъ законамъ. „Если кто его дѣйства и намѣреніе презирать и непристойнымъ образомъ разсуждать будетъ", подвергается смертной казни. Оскорбителямъ превысокой чести его пресвѣтлаго в—ва нѣтъ пощады. При произношеніи царскаго титула въ торжественныхъ случаяхъ не должно допускать ни малѣйшей ошибки въ произношеніи, просодіи, удареніяхъ, иначе грозило жестокое наказаніе (3). Наконецъ въ челобитныхъ предписывалось подписываться неиначе какъ „вашего императорскаго величества нижайшій рабъ" (4).

Но изъ этого, впрочемъ, не слѣдуетъ, чтобы Петръ считалъ себя въ правѣ руководиться въ своей дѣятельности только личными желаніями, своей волей, дѣлать все, что только вздумается. Онъ, видимо стремится подчинить свои дѣйствія тѣмъ же началамъ, которыя проводились имъ при вопросѣ о государственной жизни. Такъ Петръ заявлялъ, что цѣлью стремленій государя должно быть благо отечества, страны, народа. „Для народа русскаго я здоровье свое истратилъ, не жалѣя въ нѣкоторыхъ случаяхъ и живота своего".

---

(1) П. С. З. № 3006. 20 артикулъ.
(2) П. С. З. №№ 3294. 1 п. 46 п. 3978.
(3) П. С. З. №№ 3006, 20 арт. 3984, 4012, 3882.
(4) П. С. З. № 3850.

„Страдаю, а все за отечество, желаю ему полезное"... говорилъ онъ (1). Заботы о благѣ страны не покидали государя ни при обыденныхъ занятіяхъ, ни въ торжественныя минуты его жизни. Разводитъ онъ собственноручно дубовый корабельный лѣсъ, а самъ говоритъ окружающимъ: „не для себя тружусь, польза государству впредь"... Послѣ полтавской битвы собираются въ шатеръ государя, дивятся его шляпѣ, пробитой пулей, а Петръ, по словамъ Нартова, такъ объясняетъ тѣ мотивы, пробудили и поддержали смѣлость и храбрость: „ради благополучія государства я, вы и солдаты жизни не щадили... сія баталія—счастье наше; она рѣшила судьбу обоихъ государствъ. Тако судилъ Промыслъ возвысить славою отчизну мою".... Служеніе общей пользѣ ставилъ Петръ въ обязанность и Алексѣю Петровичу, какъ своему преемнику: „ты долженъ любить все, что содѣйствуетъ благу и чести отечества". Упорныя болѣзни усиливались болѣе и болѣе, а Петръ не хотѣлъ беречь себя: „о пользѣ государства пещись надлежитъ неусыпно, доколѣ силы есть". Эту любовь къ народу завѣщевалъ государь на смертномъ одрѣ тому, кого думалъ оставить наслѣдникомъ: „народъ свой не забуди, но въ любви и почтеніи имѣй паче прочихъ".... (2). Такъ какъ надо заботиться, чтобъ „отечество наше было безбѣдно", то, высказывался будто-бы Петръ, „государю зазорно обогащаться стяжаніемъ подданныхъ". Сомнѣнія относительно послѣднихъ словъ начинаютъ исчезать при знакомствѣ съ тѣми распоряженіями, въ силу которыхъ Петръ какъ бы отказывался въ пользу государства отъ разнаго рода привилегій, которыми обладали московскіе цари. Говорили, что прибыльная продажа государевыхъ товаровъ принесетъ не малую пользу „государству". На вопросъ, быть ли государевымъ товарамъ, Петръ кладетъ резолюцію: „государственнымъ товарамъ не быть, кромѣ поташу и смо-

---

(1) Устряловъ; VI, 440. Нартовъ, № 156.

(2) Нартовъ № 69. 115. Устр. VI, 305. Семевскій. Сем. Монсовъ. 162. Замѣчательно, что когда пришли неудовольствія у Петра съ англійскими министрами, онъ объявилъ, что не хочетъ разрывать связи съ англійскимъ народомъ, укорялъ англійское правительство за пристрастіе къ династическимъ интересамъ: «мы видимъ, что все то чинятся не для Англіи, но для интереса ганноверскаго, для котораго гг. министры англійскіе не токмо посторонних державъ дружбу, но и своего отечества нещадятъ». № 3725.

лъчугу (для сбереженія лѣсовъ), а прочіе позволить въ народъ". Послѣ онъ объясняетъ, что въ этомъ случаѣ онъ руководится заботами о государственной пользѣ и народной прибыли [1]. При учрежденіи бергъ-коллегіи, Петръ заявляетъ, что изъ любви къ подданнымъ „токмо намъ однимъ, яко монарху, принадлежащіе рудокопные заводы и оныхъ употребленіе каждому и вообще всѣмъ, кто къ тому охоту имѣетъ, милостиво соизволяемъ". Государственное блоко, корону, скипетръ, ключъ и мечъ Петръ называетъ вещами „принадлежащими государству". Съ дворцовыхъ и конюшенныхъ деревень нужно, говорится въ именномъ указѣ сенату, платить на армію, что помѣщики платятъ. Велѣно также и пошлины взимать съ дворцовыхъ запасовъ, привозимыхъ изъ деревень. Наконецъ изъ словъ, слышанныхъ отъ Петра Нартовымъ, видно что первый признавалъ за государемъ только право распоряжаться произвольно своими деньгами, а „съ государственными доходами поступать надлежитъ осторожно" [2].

Извѣстно, что Петръ потратилъ не мало усилій на то, чтобъ вывести изъ народной жизни всякого рода своеволія. Рождается вопросъ, долженъ-ли, по его мнѣнію, и всякій государь страшиться этого въ своей дѣятельности? До Петра доходятъ слухи, что иностранцы укоряютъ его за то, что онъ „усугубляетъ рабство". „Говорятъ, что я тиранъ, что я повелѣваю рабами, какъ невольниками", говорилъ онъ разъ въ токорной Брюсу съ Остерманомъ, очевидно, принимая это обвиненіе близко къ сердцу. Потомъ онъ развивалъ предъ ними такого рода мысли,—что кто руководится въ своихъ дѣйствіяхъ желаніемъ добра, тотъ не увеличиваетъ рабства, тотъ еще не тиранъ, кто присуждаетъ согласно съ требованіями закона преступника, что самъ онъ вовсе не желаетъ, чтобы только одна *его* воля руководила всѣмъ. „Усматривающій вредъ и придумывающій добро говорить можетъ прямо мнѣ безъ

---

[1] Нартовъ № 160. П. С. З. №№ 2391, 3252, 3, 3428.

[2] 3464, 3704, 3188. Нартовъ, № 141. Гол. IV, 369. Нартовъ разсказываетъ слѣдующій случай. Екатерина поднесла государю голубой, шитый серебромъ кафтанъ своей работы, прося надѣть его въ день коронаціи. Петръ тряхнулъ кафтанъ,—на полъ полетѣло нѣсколько канители: «смотри, Катенька, пропало дневное жалованье солдата». Больше раза Петръ не надѣвалъ это платье. № 60.

блемы. Свидѣтели тому вы. Полезное слушать радъ и отъ послѣдняго подданнаго; руки, ноги и языкъ не скованы. Доступъ до меня свободенъ, лишь бы не отягчали меня только бездѣльствомъ и не отнимали бы времени напрасно, котораго всякій часъ мнѣ дорогъ". Надо понимать народъ чтобы знать, какъ имъ управлять. У насъ англійская свобода еще не умѣстна; „она также пристанетъ къ намъ, какъ къ стѣнѣ горохъ" (1). Въ своей дѣятельности Петръ хочетъ имѣть себѣ въ руководители „общее благо"; при возвышеніи тѣхъ или другихъ объявляетъ себя только ревностнымъ служителемъ его: „не кланяйся братецъ, говорилъ государь Неплюеву, когда тотъ благодарилъ за назначеніе резидентомъ, я вамъ отъ Бога приставникъ и должность моя смотрѣть того, чтобъ недостойному не дать, а у достойнаго не отнять; буде хорошъ будешь, *не мнѣ,—а болѣе себѣ и отечеству* добро сдѣлаешь". Когда Меншиковъ тоже благодарилъ Петра за свое повышеніе, послѣдній, по словамъ Неплюева, отвѣтилъ ему: „Вы симъ *мнѣ не одолжены*; возвышая васъ, не о вашемъ счастіи я думалъ, *но о пользѣ общей*; а ежели бы я зналъ кто достойнѣе тебя, конечно бы, васъ не произвелъ" (2). Что Петръ проводилъ идею о томъ, что справедливость и законъ должно ставить выше государя, доказываютъ слова, высказанныя имъ въ объявленіе свѣтскимъ особамъ по дѣлу царевича: „прошу васъ, дабы истинною сіе дѣло вершили, чему достойно, не флатируя (или не похлѣбуя) мнѣ и не опасаясь того, ежели сіе дѣло легкаго наказанія достойно, и когда вы такъ учините осужденіемъ, чтобъ мнѣ противно было, въ чемъ вамъ клянуся самимъ Богомъ и судомъ Его, что въ томъ отнюдь не опасайтеся, тако-жъ и не разсуждайте того, что тотъ судъ вашъ надлежитъ вамъ учинить на моего, яко государя вашего, сына, но не смотря на лице сдѣлайте правду и не погубите душъ своихъ и моей, чтобъ совѣсти наши остались чисты въ день страшнаго испытанія и отечество наше безбѣдно" (3). Уваженіе къ справедливости видно и приводимомъ Татищевымъ случаѣ, какъ Петръ принялъ челобитную на себя отъ считавшаго себя обиженнымъ

(1) Нартовъ, № 121, и о томъ-же въ № 26.
(2) Жизнь Неплюева. Отеч. Зап. 1825 г. XXIII ч., 190—191 стр.
(3) Соловьевъ; XVII, 217.

посадскаго, и не назвавъ именъ, послалъ описаніе дѣла въ сенатъ за разрѣшеніемъ и уплатилъ наложенный на него штрафъ. Здѣсь царь преклоняется предъ судебной властью. Петръ любилъ выслушивать отъ окружающихъ людей правду, но не ту мягкую, поддакивающую правду, а горькую, которая колетъ иной разъ глаза. Возвратившись изъ сената онъ говорилъ про Як. Долгорукова Ягушинскому: „князь Яковъ въ сенатѣ прямой помощникъ; онъ судитъ дѣльно, и мнѣ не потакаетъ, безъ краснобайства рѣжетъ прямо правду; не смотря на лицо“ (¹). Выведенный разъ изъ терпѣнія льстивыми рѣчами Мусина-Пушкина, Петръ высказалъ тому-же Долгорукову при большомъ обществѣ признательность за его правдивость: „ты меня больше всѣхъ бранишь, и такъ тяжко спорами досаждаешь, что я часто едва могу стерпѣть, но какъ разсужу, то вижу, что ты меня и государство вѣрно любишь и правду говоришь; для того я тебя внутренно благодарю“ и проч. (²). Впрочемъ изъ этихъ фактовъ не слѣдуетъ заключать, что Петръ желалъ послѣдовательно проводить какія-либо идеи о зависимости царской власти отъ судебной.— Что Петръ приверженцемъ деспотическихъ взглядовъ, въ родѣ высказаннаго Людовикомъ XIV,—не былъ, доказывается и тѣмъ, что высоко поставилъ власть новаго учрежденія— сената; онъ призналъ за нимъ право внутренняго управленія государствомъ; онъ присоединилъ еще право по своей волѣ назначать на должности, право самостоятельно обсуждать выработывать законодательныя мѣры, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ (послѣ обсужденія съ другими коллегіями) даже издавать временныя постановленія, представляя ихъ уже потомъ на утвержденіе государя (³). О сенатѣ Петръ говорилъ: „всякъ... да будетъ послушенъ ему, какъ мнѣ самому“, „сенатъ собирается вмѣсто присутствія нашей персоны въ отлученіи, признавался, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ безъ мнѣній сената „его в. одному опредѣлить трудно“ (⁴). Вотъ напр. его письмо къ синоду изъ Астрахани: „Святѣйшій синодъ!

(¹) Нартовъ, № 88. Нилъ Поповъ, Татищевъ, и его время, 18 стр.

(²) Поповъ. Н. Татищевъ. 23. Нужно у англичанъ учиться говорить явно правду.

(³) П. С. З. №№ 3978, 5, 3970. Королю, говорилъ будто бы Петръ въ парламентѣ. Нартовъ, № 6.

(⁴) П. С. З. №№ 2328 (?) 3978, 10, 4003.

Письма ваши четыре я получилъ, на которыя дѣла нынѣ не отвѣтствую, того ради, понеже оныя безъ разсужденія и разсмотрѣнія, съ вами и сенатомъ за очи рѣшить не возможно; другія же не такія, чтобъ времени терпѣть не мочно: того ради, Богъ дастъ, при возвращеніи своемъ оныя рѣшимъ, къ тому же будучи въ такой дальности и трудахъ настоящаго дѣла. А ежели впредь будутъ дѣла такія, что времени не терпящія, хотя о оныхъ и писать будете, однако-жъ *только для вѣдома намъ, а рѣшить можете обще съ сенатомъ* до нашей аппробоціи". Петръ даже укорялъ своихъ сотрудниковъ въ томъ, что они слѣдуютъ старинной привычкѣ предоставлять обсужденіе разныхъ дѣлъ государю. Онъ писалъ къ Шереметьеву„: а нынѣ, какъ ты, такъ и прочіе генералы дайте совѣтъ, какимъ образомъ сію войну къ концу приводить; только бъ въ тѣхъ письмахъ отнюдъ не было „какъ изволишь", и собравъ пришли ко мнѣ". Замѣчательны мысли, высказанныя имъ въ письмѣ къ сенату изъ прутскаго похода: „если я погибну, и вы вѣрныя извѣстія получите о моей смерти, то *выберите* между собою *достойнѣйшаго* мнѣ въ наслѣдники" ([1]). Обращаютъ на себя вниманіе и мысли Петра о томъ, что его собственными мнѣніями руководиться нужно, не потому что они высказаны государемъ, а потому, что они могутъ быть полезны, какъ совѣты опытнаго человѣка. Государя слѣдуетъ уважать не за то только что онъ государь, а потому еще что онъ достоинъ уваженія, какъ человѣкъ ([2]). Мѣряя же достоинства человѣка между прочимъ и трудами, которые онъ приноситъ на служеніе родинѣ, считая заслуги необходимымъ условіемъ для занятія высокаго положенія въ обществѣ, Петръ переносилъ этотъ взглядъ отчасти и на государя. Ты долженъ, писалъ онъ Алексѣю Петровичу, какъ будущему государю, не щадить ни какихъ трудовъ для блага общаго; „не бояться ни труда ни опасностей". „Видишь, братецъ, говорилъ онъ Неплюеву во время его экзамена, я и царь, да у меня на рукахъ мозоли, а все отъ того: показать вашъ примѣръ и хотя-бъ подъ старость видѣть мнѣ достойныхъ помощниковъ и слугъ отечеству" ([3]). Такъ въ письмѣ къ Крейцу онъ объясняетъ, что имѣетъ

([1]) П. С. З. № 4051. Гол. V, 261. IV т. П. С. З. 712 стр.
([2]) Письмо къ Крейцу. Гол. IV, 246 и Корбъ.
([3]) Устряловъ; IV. 305. Отеч. Зап. 1825 г. XXI ч. 439 стр.

основанія на право командованія флотомъ въ силу заслуженной опытности и добровольнаго согласія на то войска (а не въ силу своей власти,): „уже вящше осьмнадцати лѣтъ *служу сему государству* (о чемъ пространно не пишу, понеже всѣмъ то извѣстно), и въ коликихъ баталіяхъ, акціяхъ и белагерахъ былъ, вездѣ отъ добрыхъ и честныхъ офицеровъ прошенъ былъ, дабы не отлучался... а не отсыланъ, и дабы дома, яко дитя остался.... того ради, *гдѣ не желаютъ меня, оставляю* свою каманду“ (¹). Окружающіе Петра, слыша отъ него, что трудъ, достоинство работы даетъ главнымъ образомъ право на большее или меньшее вознагражденіе, на большее или меньше пользованье матеріальными благами, слышали и то, что и государю только заслуженныя деньги можно вполнѣ назвать своими (²).—Насколько необходимымъ считалъ онъ образованіе для государя, Петръ показалъ прежде всего своимъ примѣромъ, потомъ воспитательными заботами о будущемъ наслѣдникѣ, Алексѣѣ Петровичѣ; этого вопроса онъ касался и въ письмахъ къ нему, а въ разговорахъ съ окружающими онъ высказывалъ и ту мысль, что кромѣ общаго образованія государю нужно еще изучить народъ, страну: „надобно не мало трудиться, чтобъ хорошо узнать народъ, которымъ управляешь“: „Друзья мои, обращался онъ къ Шереметьеву и Апраксину, полезно государю въ отчизнѣ своей путешествовать и замѣчать то, что государству произвесть можетъ сущую славу и процвѣтаніе“ (³).

Стремясь такимъ образомъ пересоздать общество проведеніемъ въ него новыхъ гражданско-политическихъ началъ, взглядовъ на государство и государя, Петръ долженъ былъ поколебать нѣкоторыя изъ началъ, крѣпко засѣвшихъ въ семейномъ быту, подъ вліяніемъ условій котораго выростаютъ и живутъ общественные дѣятели. Сознавалъ или нѣтъ Петръ подобную зависимость общественной жизни отъ семейной, только при немъ мы видимъ довольно рѣшительныя попытки протестовать противъ господствовавшихъ до сихъ поръ, патріархально-родовыхъ аскетическихъ, домостроевскихъ понятій на семейныя отношенія, и помочь русской женщинѣ

(¹) Гол. IV, 245.
(²) Нартовъ, № 141. Гол. II, 414, Голиковъ, IV, 368.,
(³) Бергхольцъ; II, 84. Нартовъ, 161.

стать на ноги, поднять ея значеніе, замѣнить семейныя отношенія, основанныя на неволѣ, на подчиненіи волѣ старшихъ началами взаимнаго согласія и добровольныхъ отношеній. Отношенія къ Лопухиной, Монсъ и Екатеринѣ, его письма къ послѣдней, проникнутыя теплымъ чувствомъ, ясно показывали, что Петръ смотрѣлъ на женщину не какъ на существо, главнымъ образамъ назначенное служить почвой для поддержанія племени, что онъ цѣнилъ въ ней не одно только умѣнье заниматься домашнимъ хозяйствомъ, что онъ искалъ въ женщинѣ друга, способнаго сочувствовать его дѣлу и принимать хоть небольшое участіе въ его трудахъ, или по крайней мѣрѣ не безпокоить его докуками и просьбами сидѣть дома (1). Свой гуманный сравнительно съ прежними, бывшими до него, взглядъ на женщину онъ доказалъ уже тѣмъ, что смѣло помогъ русской женщинѣ выдти изъ терема, по крайней мѣрѣ въ средѣ высшихъ слоевъ, и хотѣлъ познакомить недавнихъ плѣнницъ съ общественной жизнью или лучше сказать съ удовольствіями общественной жизни (2).

Новые взгляды на брачныя отношенія Петръ высказалъ еще въ указѣ 1702 г., когда признал необходимымъ для совершенія брака добровольное согласіе на него жениха и невѣсты, стараясь подтвердить свой указъ и подобранными правилами отъ св. отецъ. „Буде кто дочь или сестру, или какую свойственницу, или дѣвица, или сама вдова сговоритъ замужъ за кого, и прежде вѣнчанья обрученью быть за шесть недѣль, и буде обручатся, а послѣ сговору и обрученья, женихъ невѣсты взять не похочетъ, или невѣста за жениха замужъ подти не похочетъ-же: и въ томъ быть свободѣ“ (3). Дошло извѣстіе, что разъ Петръ прямо стоялъ

(1) Странно, что въ найденномъ завѣщаніи предполагавшейся преемникъ его власти Петръ какъ-бы противорѣчитъ себѣ, говоря «мужа любя и почитай, яко главу и слушай во всемъ....» (Семейство Монсовъ. 162). Впрочемъ и при этомъ онъ дѣлаетъ замѣчательное исключеніе,—что въ вопросахъ совѣсти, а также гдѣ дѣло идетъ о народныхъ интересахъ, она не должна подчиняться волѣ мужа.

(2) Повидимому, Петръ не чуждъ былъ и желанія познакомить женщинъ высшаго общества съ трудомъ; по крайней мѣрѣ, на этомъ намекаетъ фактъ, переданный Берхгольцемъ о томъ, какъ по волѣ Петра Екатерина и др. дамы должны были вбить въ строющійся корабль по большому гвоздю въ палецъ толщиною. Берхг. III, 125.

(3) П С. З. № 1907.

за разводъ при неудачно заключенномъ брачномъ союзѣ. „Когда, говоритъ г. Шашковъ, Ягужинскій, страдавшій отъ капризовъ своей ипохондрической жены, не рѣшался однако развестись съ нею, считая это дѣломъ противнымъ совѣсти и религіи, то Петръ, разсказываетъ Бассевичъ, началъ убѣждать его, что „Богъ установилъ бракъ для облегченія человѣка въ горестяхъ и превратностяхъ жизни, что дурное супружество прямо противно волѣ Божіей и потому столько-же справедливо, сколько-же полезно расторгнуть его, продолжать-же его крайне опасно для спасенія души“. Кромѣ того Петръ призналъ справедливымъ дозволить разрывать бракъ и вступать въ новый лицамъ, супруги которыхъ сосланы на каторгу ([1]).

Находившись въ извѣстныхъ отношеніяхъ къ Аннѣ Монсъ, а потомъ къ Екатеринѣ, Петръ не думалъ заявлять себя строгимъ ригористомъ, когда дѣло шло о сожительствѣ безъ церковнаго освященія. Не мудрено, что и справедливъ записанный Штеллинымъ разсказъ о томъ, какъ Петръ въ бытность свою въ Вышнемъ Волочкѣ, замѣтивъ, что крестьяне насмѣхаются надъ дѣвушкой за ея связь съ нѣмцемъ-офицеромъ, бросившимъ потомъ ее, сказалъ крестьянамъ, успокоивъ прежде несчастную, что она не сдѣлала столь важнаго проступка, чтобъ такъ долго упрекать и стыдить ее; Петръ запретилъ дѣлать впередъ ей упреки. Приласкалъ онъ и ея прижитаго съ офицеромъ сына: „этотъ малый будетъ современемъ добрымъ солдатомъ; имѣйте объ немъ попеченіе“. По словамъ Щербатова, „Петръ Великій, видя, что законъ нашъ запрещаетъ кн. Никитѣ Репнину вступить въ четвертый бракъ, позволилъ ему имѣть метрессу, а дѣтей

([1]) Шашковъ. Главныя эпохи въ исторіи р. женщины «Дѣло» 1871 г. № 4204 и 205 П. С. З. № 3431.

([2]) Къ сожалѣнію, Петръ, вѣроятно, по государственнымъ разсчетамъ дозволялъ себѣ насильственно вторгаться въ семейную жизнь, требуя развода, хотя бы противъ желанія супруговъ, — это было по случаю того, что плѣнные поляки и шведы, поженившись въ плѣну на русскихъ, хотѣли по окончаніи войны удалиться на родину съ русскими женами. Послѣднія ни въ какомъ случаѣ не могли отправиться съ мужьями. П. С. З. №№ 3604 и 3681.

его, подъ именемъ Репнинскихъ, „благородными призналъ“ (1), слѣдовательно узаконилъ, какъ говорятъ теперь.

Наконецъ распоряженія Петра о принятіи незаконнорожденныхъ въ воспитательные дома и монастыри, гдѣ ихъ предполагалось содержать на средства государства и общественной благотворительности, заботы о ихъ физическомъ и умственномъ воспитаніи, должны были показать обществу, что передовой человѣкъ его не хочетъ подражать тѣмъ, которые презрительно относятся къ такимъ дѣтямъ, клеймятъ ихъ позорными именами, лишаютъ человѣческихъ правъ.

Въ семейныя отношенія дѣтей къ родителямъ, исключая тѣхъ случаевъ, когда ограничивался произволъ родительской власти при вступленіи дѣтей въ бракъ, едва-ли внесены были Петромъ какіе нибудь новые взгляды. По крайней мѣрѣ въ письмахъ къ сыну онъ ссылается и на авторитетъ пятой заповѣди, и грозитъ отцовскимъ проклятіемъ, даетъ ему наставленіе о томъ, что „сыну надлежитъ во всемъ повиноваться волѣ отцовской“, что „простые родители полную власть безъ всякаго суда надъ дѣтьми своими имѣютъ“. Морской и воинскій уставы поучаютъ: „ничто такъ людей ко злу не приводитъ, какъ слабая команда, чему примѣръ суть дѣти въ волѣ безъ наказанія и страха возращенные, которые обыкновенно въ бѣды впадаютъ, но случается послѣ, что и родителямъ пагубу приносятъ“. При Петрѣ не успѣли еще отрѣшиться отъ домостроевскихъ понятій о семьѣ и въ тогдашнихъ передовыхъ кружкахъ.

Перейдемъ теперь къ тому, какъ смотрѣлъ Петръ на представителей Церкви, на ихъ отношенія къ государству и народу.

Прежде было сказано, что уже давно раздавались обличительныя голоса противъ учительнаго сословія, но эти голоса до сихъ поръ какъ-бы не касались правительственныхъ сферъ. Цари, не смотря на нѣкоторыя столкновенія, продолжали выражать во дворцѣ и передъ народомъ свое благочестиво-почтительное уваженіе къ духовенству вообще и къ патріарху въ особенности. Иначе взглянулъ на это Петръ, поднявшій съ первыхъ дней по возвращеніи изъ за границы вопросъ о нестроеніяхъ церковныхъ и завершившій его при

---

(1) Голиковъ; V, 99—100; въ статьѣ Шашкова, 206.

помощи обвиняемаго въ пристрастіи къ лютерскимъ обычаямъ Θ. Прокоповича,—„Духовнымъ регламентомъ“, указомъ о монашествѣ и рядомъ синодскихъ указовъ. Основные взгляды его на государство, на благо народное сказались и здѣсь.

Ссылаясь на историческіе примѣры, особенно на папу римскаго, который, похитивъ значительную часть римскаго государства „и иныя государства едва не до крайняго раззоренія не единожды потрясе“, припоминая „и у насъ бывшіе замахи“, указывая и на то, что подобныя попытки могутъ найдти поддержку и въ народѣ, который привыкъ думать, „что духовный чинъ есть другое и лучшее государство“,—„Духовный регламентъ“ ясно высказываетъ опасенія за отечество, которому грозятъ мятежи и смущенія, и за государя. Петръ не могъ равнодушно отнестись къ этому. Послѣ отмѣны патріаршества, онъ старался выяснить „Духовнымъ регламентомъ“ разныя неудобства единоличнаго правленія, причемъ допускалъ возможность пристрастія, коварства, лихоимнаго суда, мздоимства со стороны самовластнаго пастыря (¹). А прежде такъ даже публично осмѣивалъ патріарха въ комически-шутовскихъ церемоніяхъ, маскарадахъ, разъѣзжая съ патріархомъ по Москвѣ, съ патріархомъ-Зотовымъ, наряженнымъ въ облаченье, митру съ посохомъ въ рукѣ. Берхгольцъ видѣлъ также этаго патріарха, благословляющаго патріаршимъ благословеніемъ (²).

Но не одному патріарху доставалось отъ Петра, наряжалъ онъ и архіереями, священниками, а самъ изображалъ изъ себя дьякона и устраивалъ съ ними шутовскія процессіи. Потомъ перешли къ обличеніямъ. Выставлялись на видъ почти тѣже пороки, какіе господствовали въ государственной жизни, хотя здѣсь и проявлялись въ другой формѣ: самовластіе, спѣсь, корыстолюбіе, невѣжество, лѣность, тунеядство. Весь духовный регламентъ проникнутъ очевидными укорами духовенству и обличеніями его:—„Вѣдалъ бы всякъ епископъ мѣру чести своея и не высоко бы о ней мыслилъ.... Сеже того ради предлагается, чтобъ укротити оную вельми жестокую епископовъ славу, чтобъ оныхъ подъ руки (донелѣже здравы суть) не вожено, и въ землю бы онымъ под-

(¹) Дух. регл. част. I, 7 и 6.
(²) Корбъ; 126—127, 145—146, 150. Берх. I, 175.

ручная братія не кланялась. И оные поклонницы самохотно и нахально стелются на землю да лукаво: чтобъ степень исходатайствовать себѣ недостойный, чтобъ такъ неистовство и воровство свое покрыть", „чтобъ епископъ не былъ дерзокъ и скоръ во употребленіи власти своей связательной, т. е. во отлученіи и анаѳемѣ", „чтобъ лишнихъ служителей не держали, ненужныхъ строеній не дѣлали, такожъ священнаго себѣ одѣянія, и своего платья надъ подобающую чести своей потребу не дѣлали"... „Крѣпко же заповѣдать епископъ долженъ служителемъ своимъ, чтобъ въ посѣщаемыхъ городахъ и монастыряхъ благочинно, и трезво пребывали, и не творили-бъ соблазна, наипаче же не домогались бы у мниховъ и у поповъ кушанья и питья, и конскаго корму лишняго. Кольми паче не дерзали-бъ грабить подъ виною жестокаго наказанія. Ибо слуги архіерейскіе *обычнѣ бываютъ лакомые скотины*, и гдѣ видитъ власть своего владыки, тамъ съ великою гордостью и безстудіемъ, какъ татаре на похищеніе устремляются". „Сказуютъ нѣцыи архіереи для вспоможенія церквей убогихъ или новыхъ построенія, повелѣвали проискивать явленія иконы въ пустынѣ или при источницѣ и икону оную за самое обрѣтеніе свидѣтельствовали быть чудотворную". Въ перечисленныхъ запрещеніяхъ и замѣчаніяхъ въ сущности сыпались обличенія на высокопоставленныхъ лицъ церковной іерархіи, на архіереевъ (1). Раскрывались потомъ „нестроенія", „немощи", и „злообразіе" всего вообще духовнаго чина: „мнози въ священническій чинъ вдираются не для чего инаго, только для большей свободы и пропитанія, а никаковаго званію своему должнаго искуства не имѣютъ; многіи въ писаніи неискусные священники держатся за требникъ, какъ слѣпые...." Регламентъ укоряетъ ихъ въ лѣности, грубости, суевѣріи, въ эгоистически-семейныхъ заботахъ замѣщать мѣста церковниковъ сродниками, не смотря на то, способны они или нѣтъ, совѣтуетъ разузнавать о посвящающихся, не ханжи ли, „не сказуютъ ли своихъ о себѣ и иномъ сновъ и видѣній, ибо отъ таковыхъ каковаго добра надѣятися, развѣ бабьихъ басенъ и вредныхъ въ народѣ плевелъ", „не истя-

---

(1) Часть II Духов. регл. 14. 15, 13. 8. О посѣщеніи епископовъ, 12. Дѣла по управленію, 8.

зуютъ ли (священники) въ гостяхъ подчиванья (а сіе нестерпимое безстудіе бываетъ), не храбствуютъ ли въ бояхъ и проч. „Таковыя бо неблагообразія, заключаетъ обличитель, показуютъ ихъ быти ярыжными: а они поставлены пастырми и отцами въ народѣ“ (1).—Не менѣе рѣзкія сужденія высказывались и относительно монашества. „Чинъ наипаче монашескій, который въ древняя времена былъ всему христіанству, аки зерцало и образъ покаянія и исправленія, во времена сія во многія безчинія развратися“ (2). Уже именной указъ 1701 г. смѣло выставляетъ на показъ больное мѣсто монастырской жизни:—„Древніе монахи сами себѣ трудолюбными своими руками пищу промышляли и общежительно живяше, и многихъ нищихъ отъ своихъ рукъ питали; нынѣшніе же монахи не токмо нищихъ питаше отъ трудовъ своихъ, но *сами чуждые труды поядаша*, и начальные монахи во многія роскоши впадоша, а подначальныхъ монаховъ въ нужную пищу введоша и вотчинъ же ради свары и смертныя убивства и неправыя обиды многи твориша“ (3). Тѣ же мысли повторялись иногда и въ позднѣйшемъ законодательствѣ съ добавленіемъ новыхъ чертъ монастырской жизни. Люди богатые оставляли при себѣ имущество и послѣ вступленія въ монастырь: являлись „гордыня, и сластей исполненіе, ихъ же ради мнози въ монастырь приходятъ подъ образомъ терпѣнія“; „монастыри пекутся о строеніи точію стѣнъ, и собраніи многаго богатства“. Обличая и осмѣивая такимъ образомъ передъ русскимъ обществомъ церковниковъ, Петръ заявлялъ и о необходимости вступить и въ болѣе серьезную борьбу съ ними: „Ой бородачи! многому злу корень старцы и попы; отецъ мой имѣлъ дѣло съ однимъ бородачемъ, а я съ тысячами“. Толстой, слышавшій эти слова, отвѣтилъ: „старцамъ пора обрѣзать перья и поубавить пуха“. — „Не будутъ летать, скоро, скоро!“—сказалъ Петръ (5). Это было въ 1718 г. Вскорѣ ясно стали говорить объ обрѣзываньи

---

(1) Прибавл. къ Дух. р. 1 и 2; Дух. регл. часть I, 9. II дѣла общія 5, 9; прибавленіе къ Дух. регл. 4, 14, 27, 28.

(2) Приб. къ Дух. регл. о монахахъ.

(3) П. З. С. № 1886.

(4) П. З. С. Приб. къ Дух. регл. о монахахъ 28 и 49.

(5) Соловьевъ XVII, 216.

боязни. Свѣдители тому вы. Полезное слушать радъ и отъ послѣдняго подданнаго; руки, ноги и языкъ не скованы. Доступъ до меня свободенъ, лишь бы не отягчали меня только бездѣльствомъ и не отнимали бы времени напрасно, котораго всякій часъ мнѣ дорогъ". Надо понимать народъ чтобы знать, какъ имъ управлять. У насъ англійская свобода еще не умѣстна; „она также пристанетъ къ намъ, какъ къ стѣнѣ горохъ" (¹). Въ своей дѣятельности Петръ хочетъ взять себѣ въ руководители „общее благо"; при возвышеніи тѣхъ или другихъ объявляетъ себя только ревностнымъ служителемъ его: „не кланяйся братецъ, говорилъ государь Неплюеву, когда тотъ благодарилъ за назначеніе резидентомъ, я вамъ отъ Бога приставникъ и должность моя смотрѣть того, чтобъ недостойному не дать, а у достойнаго не отнять; буде хорошъ будешь, *не мнѣ,—а болѣе себѣ и отечеству* добро сдѣлаешь". Когда Менщиковъ тоже благодарилъ Петра за свое повышеніе, послѣдній, по словамъ Неплюева, отвѣтилъ ему: „Вы симъ *мнѣ не одолжены*; возвышая васъ, не о вашемъ счастіи я думалъ, *но о пользѣ общей*; а ежели бы я зналъ кто достойнѣе тебя, конечно бы, васъ не произвелъ" (²). Что Петръ проводилъ идею о томъ, что справедливость и законъ должно ставить выше государя, доказываютъ слова, высказанные имъ въ объявленіе свѣтскимъ особамъ по дѣлу царевича: „прошу васъ, дабы истиною сіе дѣло вершили, чему достойно, не элатируя (или не похлѣбуя) мнѣ и не опасаясь того, ежели сіе дѣло легкаго наказанія достойно, и когда вы такъ учините осужденіемъ, чтобъ мнѣ противно было, въ чемъ вамъ клянуся самимъ Богомъ и судомъ Его, что въ томъ отнюдь не опасайтеся, тако-жъ и не разсуждайте того, что тотъ судъ вашъ надлежитъ вамъ учинить на моего, яко государя вашего, сына, но не смотря на лице сдѣлайте правду и не погубите душъ своихъ и моей, чтобъ совѣсти наши остались чисты въ день страшнаго испытанія и отечество наше безбѣдно" (³). Уваженіе къ справедливости видно и приводимомъ Татищевымъ случаѣ, какъ Петръ принялъ челобитную на себя отъ считавшаго себя обиженнымъ

(¹) Нартовъ, № 121, и о томъ-же въ № 26.
(²) Жизнь Неплюева. Отеч. Зап. 1825 г. XXIII ч., 190—191 стр.
(³) Соловьевъ; XVII, 217.

Посадскаго, и не назвавъ именъ, послалъ описаніе дѣла въ сенатъ за разрѣшеніемъ и уплатилъ наложенный на него штрафъ. Здѣсь царь преклоняется предъ судебной властью. Петръ любилъ выслушивать отъ окружающихъ людей правду, но не ту мягкую, поддакивающую правду, а горькую, которая колетъ иной разъ глаза. Возвратившись изъ сената онъ говорилъ про Як. Долгорукова Ягушинскому: „князь Яковъ въ сенатѣ прямой помощникъ; онъ судитъ дѣльно, и мнѣ не потакаетъ, безъ краснобайства рѣжетъ прямо правду, не смотря на лицо“ (¹). Выведенный разъ изъ терпѣнія льстивыми рѣчами Мусина-Пушкина, Петръ высказалъ тому-же Долгорукову при большомъ обществѣ признательность за его правдивость: „ты меня больше всѣхъ бранишь, и такъ тяжко спорами досаждаешь, что я часто едва могу стерпѣть, но какъ разсужу, то вижу, что ты меня и государство вѣрно любишь и правду говоришь; для того я тебя внутренно благодарю“ и проч. (²). Впрочемъ изъ этихъ фактовъ неслѣдуетъ заключать, что Петръ желалъ послѣдовательно проводить какія-либо идеи о зависимости царской власти отъ судебной.— Что Петръ приверженцемъ деспотическихъ взглядовъ, въ родѣ высказаннаго Людовикомъ XIV,—не былъ, доказывается и тѣмъ, что высоко поставилъ власть новаго учрежденія— сената; онъ призналъ за нимъ право внутренняго управленія государствомъ; онъ присоединилъ еще право по своей волѣ назначать на должности, право самостоятельно обсуждать выработывать законодательныя мѣры, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ (послѣ обсужденія съ другими коллегіями) даже издавать временныя постановленія, представляя ихъ уже потомъ на утвержденіе государя (³). О сенатѣ Петръ говорилъ: „всякъ... да будетъ послушенъ ему, какъ мнѣ самому“, „сенатъ собирается вмѣсто присутствія нашей персоны въ отлученіи, признавался, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ безъ мнѣній сената „его в. одному опредѣлить трудно“ (⁴). Вотъ напр. его письмо къ синоду изъ Астрахани: „Святѣйшій синодъ!

(¹) Нартовъ, № 88. Нилъ Поповъ, Татищевъ, и его время, 18 стр.

(²) Поповъ. Н. Татищевъ. 23. Нужно у англичанъ учиться говорить явно правду.

(³) П. С. З. №№ 3978, 5, 3970. Королю, говорилъ будто бы Петръ въ парламентѣ. Нартовъ, № 6.

(⁴) П. С. З. №№ 2328 (?) 3978, 10, 4003.

боязни. Свѣдители тому вы. Полезное слушать радъ и отъ послѣдняго подданнаго; руки, ноги и языкъ не скованы. Доступъ до меня свободенъ, лишь бы не отягчали меня только бездѣльствомъ и не отнимали бы времени напрасно, котораго всякій часъ мнѣ дорогъ". Надо понимать народъ чтобы знать, какъ имъ управлять. У насъ англійская свобода еще не умѣстна; „она также пристанетъ къ намъ, какъ къ стѣнѣ горохъ" (¹). Въ своей дѣятельности Петръ хочетъ взять себѣ въ руководители „общее благо"; при возвышеніи тѣхъ или другихъ объявляетъ себя только ревностнымъ служителемъ его: „не кланяйся братецъ, говорилъ государь Неплюеву, когда тотъ благодарилъ за назначеніе резидентомъ, я вамъ отъ Бога приставникъ и должность моя смотрѣть того, чтобъ недостойному не дать, а у достойнаго не отнять; буде хорошъ будешь, *не мнѣ,—а болѣе себѣ и отечеству* добро сдѣлаешь". Когда Менщиковъ тоже благодарилъ Петра за свое повышеніе, послѣдній, по словамъ Неплюева, отвѣтилъ ему: „Вы симъ *мнѣ не одолжены*; возвышая васъ, не о вашемъ счастіи я думалъ, *но о пользѣ общей*; а ежели бы я зналъ кто достойнѣе тебя, конечно бы, васъ не произвелъ" (²). Что Петръ проводилъ идею о томъ, что справедливость и законъ должно ставить выше государя, доказываютъ слова, высказанные имъ въ объявленіе свѣтскимъ особамъ по дѣлу царевича: „прошу васъ, дабы истиною сіе дѣло вершили, чему достойно, не златируя (или не похлѣбуя) мнѣ и не опасаясь того, ежели сіе дѣло легкаго наказанія достойно, и когда вы такъ учините осужденіемъ, чтобъ мнѣ противно было, въ чемъ вамъ клянуся самимъ Богомъ и судомъ Его, что въ томъ отнюдь не опасайтеся, тако-жъ и не разсуждайте того, что тотъ судъ вашъ надлежитъ вамъ учинить на моего, яко государя вашего, сына, но не смотря на лице сдѣлайте правду и не погубите душъ своихъ и моей, чтобъ совѣсти наши остались чисты въ день страшнаго испытанія и отечество наше безбѣдно" (³). Уваженіе къ справедливости видно и приводимомъ Татищевымъ случаѣ, какъ Петръ принялъ челобитную на себя отъ считавшаго себя обиженнымъ

(¹) Нартовъ, № 121, и о томъ-же въ № 26.
(²) Жизнь Неплюева. Отеч. Зап. 1825 г. XXIII ч., 190—191 стр.
(³) Соловьевъ; XVII, 217.

посадскаго, и не назвавъ именъ, послалъ описаніе дѣла въ сенатъ за разрѣшеніемъ и уплатилъ наложенный на него штрафъ. Здѣсь царь преклоняется предъ судебной властью. Петръ любилъ выслушивать отъ окружающихъ людей правду, но не ту мягкую, поддакивающую правду, а горькую, которая колетъ иной разъ глаза. Возвратившись изъ сената онъ говорилъ про Як. Долгорукова Ягушинскому: „князь Яковъ въ сенатѣ прямой помощникъ; онъ судитъ дѣльно, и мнѣ не потакаетъ, безъ краснобайства рѣжетъ прямо правду, не смотря на лицо“ (¹). Выведенный разъ изъ терпѣнія льстивыми рѣчами Мусина-Пушкина, Петръ высказалъ тому-же Долгорукову при большомъ обществѣ признательность за его правдивость: „ты меня больше всѣхъ бранишь, и такъ тяжко спорами досаждаешь, что я часто едва могу стерпѣть, но какъ разсужу, то вижу, что ты меня и государство вѣрно любишь и правду говоришь; для того я тебя внутренно благодарю“ и проч. (²). Впрочемъ изъ этихъ фактовъ неслѣдуетъ заключать, что Петръ желалъ послѣдовательно проводить какія-либо идеи о зависимости царской власти отъ судебной.— Что Петръ приверженцемъ деспотическихъ взглядовъ, въ родѣ высказаннаго Людовикомъ XIV,—не былъ, доказывается и тѣмъ, что высоко поставилъ власть новаго учрежденія— сената; онъ призналъ за нимъ право внутренняго управленія государствомъ; онъ присоединилъ еще право по своей волѣ назначать на должности, право самостоятельно обсуждать вырабатывать законодательныя мѣры, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ (послѣ обсужденія съ другими коллегіями) даже издавать временныя постановленія, представляя ихъ уже потомъ на утвержденіе государя (³). О сенатѣ Петръ говорилъ: „всякъ... да будетъ послушенъ ему, какъ мнѣ самому“, „сенатъ собирается вмѣсто присутствія нашей персоны въ отлученіи, признавался, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ безъ мнѣній сената „его в. одному опредѣлить трудно“ (⁴). Вотъ напр. его письмо къ синоду изъ Астрахани: „Святѣйшій синодъ!

(¹) Нартовъ, № 88. Нилъ Поповъ, Татищевъ, и его время, 18 стр.

(²) Поповъ. Н. Татищевъ. 23. Нужно у англичанъ учиться говорить явно правду.

(³) П. С. З. №№ 3978, 5, 3970. Королю, говорилъ будто бы Петръ въ парламентѣ. Нартовъ, № 6.

(⁴) П. С. З. №№ 2328 (?) 3978, 10, 4003.

Письма ваши четыре я получилъ, на которыя дѣла нынѣ не отвѣтствую, того ради, понеже оныя безъ разсужденія и разсмотрѣнія, съ вами и сенатомъ за очи рѣшить не возможно; другія же не такія, чтобъ времени терпѣть не мочно: того ради, Богъ дастъ, при возвращеніи своемъ оныя рѣшимъ, къ тому же будучи въ такой дальности и трудахъ настоящаго дѣла. А ежели впредь будутъ дѣла такія, что времени не терпящія, хотя о оныхъ и писать будете, однако-жъ *только для вѣдома намъ, а рѣшить можете обще съ сенатомъ* до нашей аппробоціи". Петръ даже укорялъ своихъ сотрудниковъ въ томъ, что они слѣдуютъ старинной привычкѣ предоставлять обсужденіе разныхъ дѣлъ государю. Онъ писалъ къ Шереметьеву„: а нынѣ, какъ ты, такъ и прочіе генералы дайте совѣтъ, какимъ образомъ сію войну къ концу приводить; только бъ въ тѣхъ письмахъ отнюдъ не было „какъ изволишь", и собравъ пришли ко мнѣ". Замѣчательны мысли, высказанныя имъ въ письмѣ къ сенату изъ прутскаго похода: „если я погибну, и вы вѣрныя извѣстія получите о моей смерти, то *выберите* между собою *достойнѣйшаго* мнѣ въ наслѣдники" (¹). Обращаютъ на себя вниманіе и мысли Петра о томъ, что его собственными мнѣніями руководиться нужно, не потому что они высказыны государемъ, а потому, что они могутъ быть полезны, какъ совѣты опытнаго человѣка. Государя слѣдуетъ уважать не за то только что онъ государь, а потому еще что онъ достоинъ уваженія, какъ человѣкъ (²). Мѣряя же достоинства человѣка между прочимъ и трудами, которые онъ приноситъ на служеніе родинѣ, считая заслуги необходимымъ условіемъ для занятія высокаго положенія въ обществѣ, Петръ переносилъ этотъ взлядъ отчасти и на государя. Ты долженъ, писалъ онъ Алексѣю Петровичу, какъ будущему государю, не щадить ни какихъ трудовъ для блага общаго; „не бояться ни труда ни опасностей". „Видишь, братецъ, говорилъ онъ Неплюеву во время его экзамена, я и царь, да у меня на рукахъ мозоли, а все отъ того: показать вашъ примѣръ и хотя-бъ подъ старость видѣть мнѣ достойныхъ помощниковъ и слугъ отечеству" (³). Такъ въ письмѣ къ Крейцу онъ объясняетъ, что имѣетъ

(¹) П. С. З. № 4051. Гол. V, 261. IV т. П. С. З. 712 стр.
(²) Письмо къ Крейцу. Гол. IV, 246 и Корбъ.
(³) Устряловъ; IV. 305. Отеч. Зап. 1825 г. XXI ч. 439 стр.

основанія на право командованія флотомъ въ силу заслуженной опытности и добровольнаго согласія на то войска (а не въ силу своей власти,): „уже вящше осьмнадцати лѣтъ *служу сему государству* (о чемъ пространно не пишу, понеже всѣмъ то извѣстно), и въ коликихъ баталіяхъ, акціяхъ и белагерахъ былъ, вездѣ отъ добрыхъ и честныхъ офицеровъ прошенъ былъ, дабы не отлучался... а не отсыланъ, и дабы дома, яко дитя остался.... того ради, *гдѣ не желаютъ меня, оставляю* свою каманду“ (¹). Окружающіе Петра, слыша отъ него, что трудъ, достоинство работы даетъ главнымъ образомъ право на большее или меньшее вознагражденіе, на большее или меньше пользованье матеріальными благами, слышали и то, что и государю только заслуженныя деньги можно вполнѣ назвать своими (²).—Насколько необходимымъ считалъ онъ образованіе для государя, Петръ показалъ прежде всего своимъ примѣромъ, потомъ воспитательными заботами о будущемъ наслѣдникѣ, Алексѣѣ Петровичѣ; этого вопроса онъ касался и въ письмахъ къ нему, а въ разговорахъ съ окружающими онъ высказывалъ и ту мысль, что кромѣ общаго образованія государю нужно еще изучить народъ, страну: „надобно не мало трудиться, чтобъ хорошо узнать народъ, которымъ управляешь“: „Друзья мои, обращался онъ къ Шереметьеву и Апраксину, полезно государю въ отчизнѣ своей путешествовать и замѣчать то, что государству произвесть можетъ сущую славу и процвѣтаніе“ (³).

Стремясь такимъ образомъ пересоздать общество проведеніемъ въ него новыхъ гражданско-политическихъ началъ, взглядовъ на государство и государя, Петръ долженъ былъ поколебать нѣкоторыя изъ началъ, крѣпко засѣвшихъ въ семейномъ быту, подъ вліяніемъ условій котораго выростаютъ и живутъ общественные дѣятели. Сознавалъ или нѣтъ Петръ подобную зависимость общественной жизни отъ семейной, только при немъ мы видимъ довольно рѣшительныя попытки протестовать противъ господствовавшихъ до сихъ поръ, патріархально-родовыхъ аскетическихъ, домостроевскихъ понятій на семейныя отношенія, и помочь русской женщинѣ

(¹) Гол. IV, 245.
(²) Нартовъ, № 141. Гол. II, 414, Голиковъ, IV, 368.,
(³) Берхгольцъ; II, 84. Нартовъ, 161.

стать на ноги, поднять ея значеніе, замѣнить семейныя отношенія, основанныя на неволѣ, на подчиненіи волѣ старшихъ началами взаимнаго согласія и добровольныхъ отношеній. Отношенія къ Лопухиной, Монсъ и Екатеринѣ, его письма къ послѣдней, проникнутыя теплымъ чувствомъ, ясно показывали, что Петръ смотрѣлъ на женщину не какъ на существо, главнымъ образамъ назначенное служить почвой для поддержанія племени, что онъ цѣнилъ въ ней не одно только умѣнье заниматься домашнимъ хозяйствомъ, что онъ искалъ въ женщинѣ друга, способнаго сочувствовать его дѣлу и принимать хоть небольшое участіе въ его трудахъ, или по крайней мѣрѣ не безпокоить его докуками и просьбами сидѣть дома (1). Свой гуманный сравнительно съ прежними, бывшими до него, взглядъ на женщину онъ доказалъ уже тѣмъ, что смѣло помогъ русской женщинѣ выдти изъ терема, по крайней мѣрѣ въ средѣ высшихъ слоевъ, и хотѣлъ познакомить недавнихъ плѣнницъ съ общественной жизнью или лучше сказать съ удовольствіями общественной жизни (2).

Новые взгляды на брачныя отношенія Петръ высказалъ еще въ указѣ 1702 г., когда призналъ необходимымъ для совершенія брака добровольное согласіе на него жениха и невѣсты, стараясь подтвердить свой указъ и подобранными правилами отъ св. отецъ. „Буде кто дочь или сестру, или какую свойственницу, или дѣвица, или сама вдова сговоритъ замужъ за кого, и прежде вѣнчанья обрученью быть за шесть недѣль, и буде обручатся, а послѣ сговору и обрученья, женихъ невѣсты взять не похочетъ, или невѣста за жениха замужъ подти не похочетъ-же: и въ томъ быть свободѣ“ (3). Дошло извѣстіе, что разъ Петръ прямо стоялъ

---

(1) Странно, что въ найденномъ завѣщаніи предполагавшейся преемникъ его власти Петръ какъ-бы противорѣчитъ себѣ, говоря «мужа люби и почитай, яко главу и слушай во всемъ....» (Семейство Монсовъ. 162). Впрочемъ и при этомъ онъ дѣлаетъ замѣчательное исключеніе,—что въ вопросахъ совѣсти, а также гдѣ дѣло идетъ о народныхъ интересахъ, она не должна подчиняться волѣ мужа.

(2) Повидимому, Петръ не чуждъ былъ и желанія познакомить женщинъ высшаго общества съ трудомъ; по крайней мѣрѣ, на этомъ намекаетъ фактъ, переданный Берхгольцемъ о томъ, какъ по волѣ Петра Екатерина и др. дамы должны были вбить въ строющійся корабль по большому гвоздю въ палецъ толщиною. Берхг. III, 125.

(3) П С. З. № 1907,

за разводъ при неудачно заключенномъ брачномъ союзѣ. „Когда, говоритъ г. Шашковъ, Ягужинскій, страдавшій отъ капризовъ своей ипохондрической жены, не рѣшался однако развестись съ нею, считая это дѣломъ противнымъ совѣсти и религіи, то Петръ, разсказываетъ Бассевичъ, началъ убѣждать его, что „Богъ установилъ бракъ для облегченія человѣка въ горестяхъ и превратностяхъ жизни, что дурное супружество прямо противно волѣ Божіей и потому столько-же справедливо, сколько-же полезно расторгнуть его, продолжать-же его крайне опасно для спасенія души". Кромѣ того Петръ призналъ справедливымъ дозволить разрывать бракъ и вступать въ новый лицамъ, супруги которыхъ сосланы на каторгу (¹).

Находившись въ извѣстныхъ отношеніяхъ къ Аннѣ Монсъ, а потомъ къ Екатеринѣ, Петръ не думалъ заявлять себя строгимъ ригористомъ, когда дѣло шло о сожительствѣ безъ церковнаго освященія. Не мудрено, что и справедливъ записанный Штеллинымъ разсказъ о томъ, какъ Петръ въ бытность свою въ Вышнемъ Волочкѣ, замѣтивъ, что крестьяне насмѣхаются надъ дѣвушкой за ея связь съ нѣмцемъ-офицеромъ, бросившимъ потомъ ее, сказалъ крестьянамъ, успокоивъ прежде несчастную, что она не сдѣлала столь важнаго проступка, чтобъ такъ долго упрекать и стыдить ее; Петръ запретилъ дѣлать впередъ ей упреки. Приласкалъ онъ и ея прижитаго съ офицеромъ сына: „этотъ малый будетъ современемъ добрымъ солдатомъ; имѣйте объ немъ попеченіе". По словамъ Щербатова, „Петръ Великій, видя, что законъ нашъ запрещаетъ кн. Никитѣ Репнину вступить въ четвертый бракъ, позволилъ ему имѣть метрессу, а дѣтей

(¹) Шашковъ. Главныя эпохи въ исторіи р. женщины «Дѣло» 1871 г. № 4204 и 205 П. С. З. № 3431.

(²) Къ сожалѣнію, Петръ, вѣроятно, по государственнымъ разсчетамъ дозволялъ себѣ насильственно вторгаться въ семейную жизнь, требуя развода, хотя бы противъ желанія супруговъ, — это было по случаю того, что плѣнные поляки и шведы, женившись въ плѣну на русскихъ, хотѣли по окончаніи войны удалиться на родину съ русскими женами. Послѣднія ни въ какомъ случаѣ не могли отправиться съ мужьями. П. С. З. №№ 3604 и 3681.

его, подъ именемъ Репнинскихъ, „благородными призналъ“ (¹), слѣдовательно узаконилъ, какъ говорятъ теперь.

Наконецъ распоряженія Петра о принятіи незаконнорожденныхъ въ воспитательные дома и монастыри, гдѣ ихъ предполагалось содержать на средства государства и общественной благотворительности, заботы о ихъ физическомъ и умственномъ воспитаніи, должны были показать обществу, что передовой человѣкъ его не хочетъ подражать тѣмъ, которые презрительно относятся къ такимъ дѣтямъ, клеймятъ ихъ позорными именами, лишаютъ человѣческихъ правъ.

Въ семейныя отношенія дѣтей къ родителямъ, исключая тѣхъ случаевъ, когда ограничивался произволъ родительской власти при вступленіи дѣтей въ бракъ, едва-ли внесены были Петромъ какіе нибудь новые взгляды. По крайней мѣрѣ въ письмахъ къ сыну онъ ссылается и на авторитетъ пятой заповѣди, и грозитъ отцовскимъ проклятіемъ, даетъ ему наставленіе о томъ, что „сыну надлежитъ во всемъ повиноваться волѣ отцовской“, что „простые родители полную власть безъ всякаго суда надъ дѣтьми своими имѣютъ“. Морской и воинскій уставы поучаютъ: „ничто такъ людей во злу не приводитъ, какъ слабая команда, чему примѣръ суть дѣти въ волѣ безъ наказанія и страха возращенные, которые обыкновенно въ бѣды впадаютъ, но случается послѣ, что и родителямъ пагубу приносятъ“. При Петрѣ не успѣли еще отрѣшиться отъ домостроевскихъ понятій о семьѣ и въ тогдашнихъ передовыхъ кружкахъ.

Перейдемъ теперь къ тому, какъ смотрѣлъ Петръ на представителей Церкви, на ихъ отношенія къ государству и народу.

Прежде было сказано, что уже давно раздавались обличительныя голоса противъ учительнаго сословія, но эти голоса до сихъ поръ какъ-бы не касались правительственныхъ сферъ. Цари, не смотря на нѣкоторыя столкновенія, продолжали выражать во дворцѣ и передъ народомъ свое благочестиво-почтительное уваженіе къ духовенству вообще и къ патріарху въ особенности. Иначе взглянулъ на это Петръ, поднявшій съ первыхъ дней по возвращеніи изъ за границы вопросъ о нестроеніяхъ церковныхъ и завершившій его при

(¹) Голиковъ; V, 99—100; въ статьѣ Шашкова, 206.

помощи обвиняемаго въ пристрастіи къ люторскимъ обычаямъ Ѳ. Прокоповича,—„Духовнымъ регламентомъ", указомъ о монашествѣ и рядомъ синодскихъ указовъ. Основные взгляды его на государство, на благо народное сказались и здѣсь.

Ссылаясь на историческіе примѣры, особенно на папу римскаго, который, похитивъ значительную часть римскаго государства „и иныя государства едва не до крайняго разворенія не единожды потрясе", припоминая „и у насъ бывшіе замахи", указывая и на то, что подобныя попытки могутъ найдти поддержку и въ народѣ, который привыкъ думать, „что духовный чинъ есть другое и лучшее государство",—„Духовный регламентъ" ясно высказываетъ опасенія за отечество, которому грозятъ мятежи и смущенія, и за государя. Петръ не могъ равнодушно отнестись къ этому. Послѣ отмѣны патріаршества, онъ старался выяснить „Духовнымъ регламентомъ" разныя неудобства единоличнаго правленія, причемъ допускалъ возможность пристрастія, коварства, лихоимнаго суда, мздоимства со стороны самовластнаго пастыря (1). А прежде такъ даже публично осмѣивалъ патріарха въ комически-шутовскихъ церемоніяхъ, маскарадахъ, разъѣзжая съ патріархомъ по Москвѣ, съ патріархомъ-Зотовымъ, наряженнымъ въ облаченье, митру съ посохомъ въ рукѣ. Берхгольцъ видѣлъ также этаго патріарха, благословляющаго патріаршимъ благословеніемъ (2).

Но не одному патріарху доставалось отъ Петра, наряжалъ онъ и архіереями, священниками, а самъ изображалъ изъ себя дьякона и устраивалъ съ ними шутовскія процессіи. Потомъ перешли къ обличеніямъ. Выставлялись на видъ почти тѣже пороки, какіе господствовали въ государственной жизни, хотя здѣсь и проявлялись въ другой формѣ: самовластіе, спѣсь, корыстолюбіе, невѣжество, лѣность, тунеядство. Весь духовный регламентъ проникнутъ очевидными укорами духовенству и обличеніями его:—„Вѣдалъ бы всякъ епископъ мѣру чести своея и не высоко бы о ней мыслилъ.... Сеже того ради предлагается, чтобъ укротити оную вельми жестовую епископовъ славу, чтобъ оныхъ подъ руки (донелѣже здравы суть) не вожено, и въ землю бы онымъ под-

(1) Дух. регл. част. I, 7 и 6.
(2) Корбъ; 126—127, 145—146, 150. Берх. I, 175.

ручная братія не кланялась. И оные поклонницы самохотно и нахально стелются на землю да лукаво: чтобъ степень исходатайствовать себѣ недостойный, чтобъ такъ неистовство и воровство свое покрыть", „чтобъ епископъ не былъ дерзокъ и скоръ во употребленіи власти своей связательной, т. е. во отлученіи и анафемѣ", „чтобъ лишнихъ служителей не держали, ненужныхъ строеній не дѣлали, такожъ священнаго себѣ одѣянія, и своего платья надъ подобающую чести своей потребу не дѣлали"... „Крѣпко же заповѣдать епископъ долженъ служителемъ своимъ, чтобъ въ посѣщаемыхъ городахъ и монастыряхъ благочинно, и трезво пребывали, и не творили-бъ соблазна, наипаче же не домогались бы у мниховъ и у поповъ кушанья и питья, и конскаго корму лишняго. Кольми паче не дерзали-бъ грабить подъ виною жестокаго наказанія. Ибо слуги архіерейскіе *обычнѣ бываютъ лакомые скотины*, и гдѣ видитъ власть своего владыки, тамъ съ великою гордостью и безстудіемъ, какъ татаре на похищеніе устремляются". „Сказуютъ нѣцыи архіереи для вспоможенія церквей убогихъ или новыхъ построенія, повелѣвали проискивать явленія иконы въ пустынѣ или при источницѣ и икону оную за самое обрѣтеніе свидѣтельствовали быть чудотворную". Въ перечисленныхъ запрещеніяхъ и замѣчаніяхъ въ сущности сыпались обличенія на высокопоставленныхъ лицъ церковной іерархіи, на архіереевъ (1). Раскрывались потомъ „нестроенія", „немощи", и „злообразіе" всего вообще духовнаго чина: „мнози въ священническій чинъ вдираются не для чего инаго, только для большей свободы и пропитанія, а никаковаго званію своему должнаго искуства не имѣютъ; многіи въ писаніи неискусные священники держатся за требникъ, какъ слѣпые...." Регламентъ укоряетъ ихъ въ лѣности, грубости, суевѣріи, въ эгоистически-семейныхъ заботахъ замѣщать мѣста церковниковъ сродниками, не смотря на то, способны они или нѣтъ, совѣтуетъ разузнавать о посвящающихся, не ханжи ли, „не сказуютъ ли своихъ о себѣ и иномъ сновъ и видѣній, ибо отъ таковыхъ каковаго добра надѣятися, развѣ бабьихъ басенъ и вредныхъ въ народѣ плевелъ", „не истя-

---

(1) Часть II Духов. регл. 14. 15, 13. 8. О посѣщеніи епископовъ, 12. Дѣла по управленію, 8.

зуютъ ли (священники) въ гостяхъ подчиванья (а сіе нестерпимое безстудіе бываетъ), не храбствуютъ ли въ бояхъ и проч. „Таковыя бо неблагообразія, заключаетъ обличитель, показуютъ ихъ быти ярыжными: а они поставлены пастырми и отцами въ народѣ" ([1]).—Не менѣе рѣзкія сужденія высказывались и относительно монашества. „Чинъ наипаче монашескій, который въ древняя времена былъ всему христіанству, аки зерцало и образъ покаянія и исправленія, во времена сія во многія безчинія развратися" ([2]). Уже именной указъ 1701 г. смѣло выставляетъ на показъ больное мѣсто монастырской жизни:—„Древніе монахи сами себѣ трудолюбными своими руками пищу промышляли и общежительно живяше, и многихъ нищихъ отъ своихъ рукъ питали; нынѣшніе же монахи не токмо нищихъ питаше отъ трудовъ своихъ, но *сами чуждые труды поядаша*, и начальные монахи во многія роскоши впадоша, а подначальныхъ монаховъ въ нужную пищу введоша и вотчинъ же ради свары и смертныя убивства и неправыя обиды многи творяша" ([3]). Тѣ же мысли повторялись иногда и въ позднѣйшемъ законодательствѣ съ добавленіемъ новыхъ чертъ монастырской жизни. Люди богатые оставляли при себѣ имущество и послѣ вступленія въ монастырь: являлись „гордыня, и сластей исполненіе, ихъ же ради мнози въ монастырь приходятъ подъ образомъ терпѣнія"; „монастыри пекутся о строеніи точію стѣнъ, и собраніи многаго богатства". Обличая и осмѣивая такимъ образомъ передъ русскимъ обществомъ церковниковъ, Петръ заявлялъ и о необходимости вступить и въ болѣе серьезную борьбу съ ними: „Ой бородачи! многому злу корень старцы и попы; отецъ мой имѣлъ дѣло съ однимъ бородачемъ, а я съ тысячами". Толстой, слышавшій эти слова, отвѣтилъ: „старцамъ пора обрѣзать перья и поубавить пуха". — „Не будутъ летать, скоро, скоро!"—сказалъ Петръ ([5]). Это было въ 1718 г. Вскорѣ ясно стали говорить объ обрѣзываньи

([1]) Прибавл. къ Дух. р. 1 и 2; Дух. регл. часть I, 9. II дѣла общія 5, 9; прибавленіе къ Дух. регл. 4, 14, 27, 28.
([2]) Приб. къ Дух. регл. о монахахъ.
([3]) П. З. С. № 1886.
([4]) П. З. С. Приб. къ Дух. регл. о монахахъ 28 и 49.
([5]) Соловьевъ XVII, 216.

крылевъ частыя распоряженія, ограничивающія имущественныя права монастырей и запрещавшія посвящать сверхъ потребы въ священники, принимать въ монахи и монахини людей молодыхъ, служащихъ; бѣльцы и бѣлицы удалялись изъ монастырей; появлялись выведенные монастыри ([1]).—Въ епископахъ и въ священникахъ Петру хотѣлось бы видѣть скромныхъ, просвѣщенныхъ и трудолюбивыхъ учителей народа, „труждающихся въ словѣ и ученіи", учившихъ христіанскимъ добродѣтелямъ, а въ монахахъ и монахиняхъ—людей, посвятившихъ себя труду вообще и особенно служенію ближнему уходу за престарѣлыми больными членами общества, воспитанію сиротъ и незаконнорожденныхъ дѣтей ([2]).

Возникающій здѣсь вопросъ, чему же, кромѣ христіанскихъ добродѣтелей, должны были священники учить мірянъ, по мнѣнію Петра, объяснится самъ собою, если мы познакомимся со взглядами Петра на религію, проводимыми имъ въ законодательствѣ.

Извѣстно, какую важную роль играла религія въ жизни древне-русскаго общества; ея аскетическіе идеалы находили себѣ ревностныхъ послѣдователей въ выдающихся людяхъ того времени. Ея вліяніе простиралось не только на частную и семейную жизнь, но проникало и въ государственную. Подъ вліяніемъ религіозныхъ традицій не рѣдко дѣйствовало и законодательство. Общество чрезвычайно цѣнило въ человѣкѣ привязанность къ вѣрѣ, ставило достоинство его въ зависимость отъ характера его религіозныхъ убѣжденій. Подвижники, отшельники, всѣ, искренно и лицемѣрно посвятившіе себя Богу; и при этомъ, непремѣнно православные, стояли высоко во мнѣніи общества. Петръ своими утилитарными требованіями отъ жизни, поглощенный исканьемъ земныхъ благъ, мѣряя иною мѣрою человѣческое достоинство, долженъ былъ отодвинуть подальше религіозные вопросы. Были бы только честные и полезные люди вообще и особенно для его страны, и онъ готовъ дружить и съ люте-

---

([1]) П. З. С. Прибавленіе къ Духов. регл. № 1886, 3907, 1856, 1948, 4516, 9, 10, 11.

([2]) Приб. къ Дух. регл. о житіи монаховъ; 18, 36 и др. 4450, 3937, XLVII, 10. Нартовъ № 18.

раниномъ, и съ католикомъ; приносили бы только пользу государству раскольники, и онъ готовъ оставить ихъ въ покоѣ. Нужно удержать для вновь заводимаго руднаго дѣла и для государственной службы искусныхъ шведскихъ плѣнниковъ, и царь добивается у синода разрѣшенія на браки съ иновѣрцами, хотя, выражаясь словами синодскаго указа, „брачитися православнымъ съ иновѣрцами дѣло есть не безъ сомнительства совѣсти“ (¹). Порой провозглашались Петромъ начала вѣротерпимости, чуть не свободы совѣсти:—„Мы... совѣсти человѣческой приневоливать не желаемъ и охотно предоставляемъ каждому христіанину на его отвѣтственность пещись о блаженствѣ души своей“. Офицеровъ флота убѣждали „да любятъ другъ друга вѣрно, какъ христіанину надлежитъ, *безъ разности какой они вѣры* или народа будутъ“. Ходившіе потомъ разсказы приписывали Петру слова, сказанныя про купцовъ-раскольниковъ, слывшихъ за честныхъ и трудолюбивыхъ: „если они подлинно таковы, то по мнѣ пусть вѣруютъ, чему хотятъ и носятъ свой козырь; и когда уже нельзя ихъ обратить отъ суевѣрія разсудкомъ, то конечно не пособитъ ни огнь, ни мечь; а мучениками за глупость быть: ни они той чести не достойны, ни государство пользы имѣть не будетъ“. Про Петра-же разсказывали, справедливо или нѣтъ, что будучи въ Виртенбергѣ онъ назвалъ Лютера мужемъ разумнымъ, достойнымъ уваженія потомства (²). — Но приведенные факты не означаютъ еще того, что Петръ всегда оставлялъ въ покоѣ людей, противныхъ съ нимъ религіозныхъ убѣжденій, отказался отъ всякаго религіознаго прозелитизма. Правда, Петръ убѣждалъ дѣйствовать на отступившихъ отъ православія, на иновѣрцевъ и на атеистовъ убѣжденіемъ, „доводами“, „духовно“, „поступать съ противниками Церкви святой съ разумомъ, правильно и кротостью“ (³), словомъ рекомендовалъ вовсе не тѣ инквизиторскіе способы обращенія съ еретиками, какіе усвоили и одобряли его предшественники, однако справедливость требуетъ сказать, что въ его законодательствѣ встрѣчаются

(¹) П. С. З. № 3814.
(²) № 1910, 2, 3985. 20 стр. VI, 7. Голиковъ. III, 157, IV, 150.
(³) П. С. З. №№ 1800, 3910, 2986, 2925. Нартовъ 142, 70. Тихонравовъ. Русскіе вольнодумцы XVIII ст. Р. Вѣст. 1870—71.

не всегда духовныя и кроткія мѣры, когда дѣло идетъ о религіозныхъ вопросахъ. Но вѣдь послѣ сожженія еретиковъ въ срубахъ, трудно сейчасъ же развиться полной вѣротерпимости ([1]).

Эта религіозная ревность Петра даетъ право предполагать, что онъ дѣйствовалъ подъ вліяніемъ болѣе или менѣе опредѣленныхъ вылядовъ на вопросы вѣры, что у него сложились извѣстныя религіозныя убѣжденія, которыя онъ и хотѣлъ утвердить въ народѣ. Дѣйствительно, судя по отзывамъ людей, близко знавшихъ его, какъ Неплюева, Нартова и по другимъ фактамъ, можно заключить, что Петръ не принадлежалъ къ атеистамъ, а напротивъ былъ человѣкомъ религіознымъ, но религіознымъ не въ смыслѣ слѣпаго безусловнаго преклоненія предъ всѣмъ, что люди искренно или лицемѣрно привыкли называть святымъ и слѣдовательно достойнымъ всякаго уваженія и подражанія и стоящимъ выше всякаго сомнѣнія. Напротивъ, религіозныя сомнѣнія, давно уже тревожившія умы русскихъ людей, находили въ это время для себя едва ли не большую пищу въ ненормальныхъ явленіяхъ религіозной жизни и поддержку отъ близкаго знакомства съ религіозными вѣроученіями иностранцевъ. Эти обстоятельства повліяли и на впечатлительную натуру Петра, пробудили и въ немъ сомнѣнія, заставили критически и даже скептически отнестись къ религіознымъ явлені-

---

([1]) Особенно тяжело наказывались религіозное свободомысліе и легкомысленное отношеніе къ религіознымъ обязанностямъ во флотѣ и арміи (артик. воп. 3 а также VI, 7. 49—50). За неявку на молитву офицеровъ наказывали пенями, а рядовыхъ кошками. Регрессивнымъ характеромъ отличаются постановленія, лишавшія непричащавшихся и подпавшихъ церковному проклятію права быть свидѣтелями. Не говоря про двойной окладъ, въ послѣдніе годы начались насильственныя мѣры противъ раскольниковъ, ссылка на галеры ихъ учителей и совратившихся къ нимъ изъ православія, совратителямъ грозила казнь и др. Наказаніе назначалось и тѣмъ, кто «безбожія воню отъ себя издаетъ». П. С. З. №№ 3169, 4052, 4009, 8, 4, 14, 23, 12. Дух. регл. мірскіе особы 6 п. $3854_{,15}$ $3870_{,10}$ $3854_{,18}$ $3963_{,37,5}$ (на 24 п. Д. р.).—Отношенія къ еретикамъ до Петра характеризуютъ и факты приведенные у Забѣлина II ч. 115, 124, 130, 132, 141, 142, 145. При Петрѣ Тверитиновъ укорялъ въ домѣ Лопухина приверженцевъ старины: «кто съ вами станетъ говорить правду отъ святаго писанія, а вы и грозите мучительствомъ». «Только у васъ и разума—грозите кнутомъ и огнемъ». Тихонр. 678.

ямъ, преимущественно къ обрядовой сторонѣ религіи, къ суевѣріямъ, къ разнаго рода бабьимъ баснямъ и разсказамъ, которымъ всуе вѣруется.

Преемникъ строгихъ блюстителей церковныхъ традицій и обрядовъ находилъ нужнымъ отмѣнять одно за другимъ „дѣйства", „выходы", „хожденія" къ разнымъ цѣлителямъ зубной и другихъ болей, запретить хожденья на домъ съ образами изъ церквей и монастырей, собиранье на построенье храмовъ, постройку домашнихъ и лишнихъ церквей, считалъ вполнѣ позволительнымъ для поддержки здоровья и бодрости духа отмѣнять посты [1], разрѣшалъ иногда себѣ и своей шутовской компаніи смѣхотворное обращеніе съ духовными одеждами, митрой, посохомъ, патріаршимъ благословеніемъ и даже торжественно повѣнчалъ князь-папу въ шутовскомъ костюмѣ въ Троицкой церкви. Подобное поведеніе царя, конечно, не могло пройти незамѣченнымъ окружающими и народомъ. Поднимались толки, что Петръ въ среду и пятницу ѣстъ мясо, „лягушекъ",... подозрѣвали самаго Петра и людей, близкихъ къ нему—Ѳеофана, Ѳеодосія въ лютеранствѣ. „Лютеръ по всему", „врачъ креста Господня", говорили про послѣдняго; „антихристъ!" величали Петра раскольники [2]. Тѣмъ сильнѣе должны были дѣйствовать на народъ религіозныя новшества, что они не всегда походили на легкомысленныя увлеченія, а проводились сознательно: въ указахъ, въ частныхъ разговорахъ обличалось то, что прежде не считалось предосудительнымъ, а защища-

---

(1) П. С. З. №№ 3910, 3471, 3963, 3991, 2984, 5 п. Дух. Регл. 8 п. 4022. Гюйссенъ писалъ къ Лейбницу: «его в. позволилъ ему (царевичу) не соблюдать строго постовъ изъ опасенія, чтобъ это не повредило его здоровью и силамъ». (Герье. Отн. Лейбн. къ П. В. Февр. 351). «Императоръ, пишетъ Берхгольцъ (II, 160) и весь императорскій дворъ, равно какъ и многіе вельможи мало обращаютъ на него (великій постъ) вниманія и преспокойно, какъ и мы, ѣдятъ во все время мясо». Это же видѣлъ и де-Бруинъ еще въ 1702 г. Чт. въ Общ. И. и Др. за 1872 а также №№ 2826; 3. 3020.

(2) Корбъ; 126—127, 145—146, 150. Берхгольцъ; 175 и 169. Семейство Монсовъ 15. Тихонравовъ, Рус Вѣстн. 1871, 713. Идолослуженіемъ могли показаться ревнителямъ старины описанные Корбомъ и Берхгольцомъ маскарады Петра съ участіемъ Бахусовъ, Нептуновъ, съ миѳологической обстановкой, воскуреніями и 7 п.—Сравн. съ Заб. II, 394.

лось то, что прежде считалось чуть не смертельнымъ грѣхомъ. Въ своихъ бесѣдахъ Петръ пользовался случаемъ, чтобы раскрывать глаза окружающихъ его указаніемъ на то, какъ подъ личиной святости и чудодѣйственной силы скрывается иногда наглый обманъ, разсчитанный на наивную простоту вѣрующихъ, объяснилъ напр., разъ, женѣ и духовнымъ лицамъ, какъ приходимцы-монахи выдали имъ аміантъ за незатлѣнную сорочку Божьей Матери, разсказывалъ, какую мироточивую икону видѣлъ онъ въ Польшѣ, сколько гвоздей и древъ креста Христова бережется въ католическихъ монастыряхъ, указывалъ архіереямъ, чтобъ они не допускали почитать за святыню „невѣдомыхъ и отъ церкви несвидѣтельствованныхъ гробовъ", боготворить иконы и вымыслять ложныя чудеса, не принимали отъ духовнаго и мірскаго чина и другихъ подъ образомъ благочестія притворныхъ и прелестныхъ дѣлъ (¹). При учрежденіи Синода не разъ напоминалъ ему о необходимости бороться противъ суевѣрія. Вотъ напр. одинъ изъ подобныхъ указовъ:—„Понеже разговорами я давно побуждалъ, а нынче письменно, дабы краткія поученія людямъ сдѣлать (понеже ученыхъ проповѣдниковъ дѣло мало имѣемъ), также сдѣлать книгу, чтобъ изъяснить, что непремѣнный законъ Божій и что совѣты, и что преданія отеческія, и что вещи среднія и что только для чину и обряду сдѣлано, и что непремѣнное и что по времени и случаю перемѣнилось, дабы знать могли, что въ каковой силѣ имѣть. О первыхъ, кажется мнѣ, чтобъ просто написать такъ, чтобъ и поселянинъ зналъ, или на двое: поселянамъ простые, а въ городахъ покрасивѣе для сладости слышащихъ, какъ вамъ удобнѣе покажется, въ которыхъ бы наставленія, что есть прямой путь спасенія истолкованъ былъ, а особливо вѣру, надежду, любовь (ибо о первой и послѣдней зѣло мало знаютъ, и не прямо, что знаютъ, а о средней и не слыхали), понеже всю надежду кладутъ на пѣніе церковное, постъ и и поклоны и прочее тому подобное, въ нихъ же строеніе церквей, свѣчи и ладонъ"... и проч. Подъ вліяніемъ Петра и при его участіи явился и Духовный регламентъ, а также рядъ синодскихъ указовъ противъ суевѣрія, ханжества и и аскетизма. Объявляется вражда всему „что либо именемъ

(¹) Нартовъ, № 103, Голиковъ; II, 197. № 2986, 6.

суевѣрія нарещися можетъ",—т. е. если не по слову божію, но по легкомысленнымъ разсказамъ и бабіимъ баснямъ всуе вѣруется—„всему лишнему, во спасенію непотребному, вымышленному только для своего интереса лицемѣрами, прельщающими простой народъ". Синодъ заявлялъ, что можетъ случиться, что кто нибудь, придумавъ ложное чудо, начнетъ разглашать, а оно простымъ и малоразсуднымъ народомъ принимается за истину, прибавляется къ числу чудесъ, распространяется и укрѣпляется въ памяти всѣхъ; синодъ указывалъ на необходимость разыскиванія сомнительныхъ мощей, нѣтъ-ли у насъ такого бездѣлія,—„много бо и о семъ наплутано", вооружался противъ выдуманныхъ молитвъ, преданій, житій святыхъ, противъ построенія лишнихъ церквей,—„понеже всякому здраворазсудному извѣстно, какое-то небреженіе славѣ божіей въ лишнихъ церквахъ и множествѣ поповъ", противъ аскетическихъ подвиговъ самоистязанія: „о безумія и окаянства! что глупые отъ ума плоти своея дмящіеся человѣцы возмечтали о Бозѣ, будто бѣдство и болѣзнь наша сама собою Богу есть пріятна. Богъ нашъ, о треокаянніи глупцы! не мучитель есть, но отецъ щедротъ и *Богъ всякія утѣхи*"... наконецъ противъ монастырскихъ затворниковъ и ханжей (¹).

Наконецъ, Петръ пытался разсѣять укоренившіяся въ народномъ представленіи боязливыя опасенія передъ темными призраками, окрещенными именемъ діавола. Такъ онъ думалъ поколебать народное повѣрье въ присутствіе дьявола въ кликушахъ и бѣснующихся и въ то, что монстры или уроды являются отъ дѣйствія того же діавола. Утаиванье послѣднихъ вызвало съ его стороны обличительно - наставительный указъ. Заявляя о томъ, что монстровъ, собираемыхъ во всѣхъ государствахъ, представлено только два, указъ прибавляетъ: „однакожъ въ такомъ великомъ государствѣ можетъ болѣе быть; но таять невѣжды, чая, что такія уроды родятся отъ дѣйства дьявольскаго чрезъ вѣдовство и порчу: чему быть невозможно, ибо единъ Творецъ вся твари—Богъ, а недіаволъ, которому ни надъ какимъ созданіемъ власти нѣтъ; но отъ поврежденія внутренняго и мнѣнія матерняго во время бремени, какъ тому многіе есть примѣры, чего

(¹) П. С. З. № 3891. Дух регл. дѣла общія 4012, 4121, 3912, 4053.

испужается мать, такіе знаки на дитяти бываютъ". Зная въ 1706 г. объ ожидаемомъ сильномъ затмѣніе солнца, и опасаясь, какъ бы оно принятое за предзнаменованіе, не навело на народъ унынія, столь опаснаго въ критическія минуты кровавой борьбы съ врагомъ, Петръ предупреждаетъ о томъ административныхъ лицъ и поручаетъ имъ объяснить народу, что въ ожидаемомъ затмѣніи нѣтъ ничего чудеснаго и зловѣщаго ([1]).

Сама жизнь, наводила Петра на мысль, что лучшее средство для борьбы съ суевѣріемъ и всякимъ зломъ—знаніе, что слѣд. ему нужно сдѣлаться не только воспитателемъ, но и учителемъ народа.

Взгляды Петра на жизнь, его бесѣды, непрестанныя заботы о самобразованіи, наконецъ самая практическая дѣятельность достаточно указываютъ на то, какъ высоко онъ ставилъ знаніе. Еще болѣе онъ убѣждался въ этомъ, благодаря обстоятельствамъ его исторической дѣятельности, направленной на борьбу съ внѣшними врагами, а главнымъ образомъ на радикальныя реформы во всѣхъ областяхъ внутренней жизни народа. Эти обстоятельства раскрыли также ему, куда нужны образованные люди и какого рода должны быть знанія ихъ.

Потери и неудачи подъ Азовомъ, разгромъ подъ Нарвой и много другихъ военныхъ событій и разныхъ мелочей военнаго быта съ перваго же времени должны были убѣждать въ необходимости изучать серьезно спеціально военныя науки, пріучаться къ дисциплинѣ и вотъ воинскій уставъ 1716 г. подробно опредѣляетъ знанія, требуемыя отъ тогдашнихъ военныхъ людей. „Фельдцейхмейстеру, говорится въ немъ, надлежитъ о фортификаціи, такъ и о артиллеріи и инфантеріи совершенное извѣстіе (Wissenschaft) имѣть", генераламъ, криксъ-и обер-коммисарамъ — „доброму ариѳметику быть". Чинъ генералъ - квартирмейстера требуетъ человѣка, искуснаго въ географіи и фортификаціи, полковому же квартирмейстеру нужно по крайней мѣрѣ „знать рисунокъ" и отчасти географію, а также быть добрымъ ариѳметикомъ и

([1]) П. С. З. № 3159. Гол. II, 300—301.

геометромъ. Отъ инженеровъ требовалось основательное знаніе фортификаціи, отъ генералъ аудитора и отъ фискаловъ знаніе военныхъ и прочихъ правъ. Генералы, штабъ и оберъ офицеры, солдаты, должны были каждый достаточно свое званіе вѣдать. Даже отъ волонтеровъ требовалось не только знаніе военныхъ экзерцицій, но и прочихъ военныхъ наукъ, особенно фортификаціи и артиллеріи. Такимъ образомъ отъ военныхъ начальниковъ и отъ простыхъ солдатъ требовалось, хотя отъ каждаго не въ полномъ объемѣ, знаніе ариѳметики, геометріи, фортификаціи, артиллеріи, географіи, военныхъ и прочихъ правъ,—отъ всѣхъ вообще знаніе военной экзерциціи (¹).

Создавая для Россіи военный флотъ, гдѣ по самому характеру службы требуется не столько личная храбрость, сколько опытность и знанія, нужно было снабдить его людьми искусными въ отправленіи своихъ обязанностей. Не смотря на всѣ усилія царя-моряка, не смотря на приглашенія на службу во флотъ иностранцевъ, въ русскомъ флотѣ долго, по словамъ Вебера, чувствовался недостатокъ въ опытныхъ матросахъ. Кромѣ того были нужны капитаны, штурманы, артиллеристы, знакомые съ навигаціей, артиллеріей, географіей и другими спеціальными свѣдѣніями (²).

Кромѣ людей, умѣющихъ отправлять морскую службу, нужны были и люди, умѣющіе построить флотъ, оснастить, снабдить его всѣмъ необходимымъ: мастера корабельные, знающіе строеніе короблей и судовъ, разнаго рода, также маляры, столяры, рѣщики, фонарные, паяльные, парусные швецы, товари, прядильщики, конопатчики, компасники, канатные и др. (³).—Вообще расширеніе добывающей и обработывающей, ремесленной, заводской и фабричной промышленности, постройка новыхъ крѣпостей, столицы, каменныхъ зданій, заложенье гаваней, проведеніе коналовъ, заведенье торговаго флота съ его новоманерными судами требовали людей знакомыхъ съ теоретическими и особенно практическими естественно-научными и математическими знаніями:

(¹) Воинскій уставъ, № 3006, гл. XII, XV, XXVII; гл. XX и 3 часть; гл. XXIV и XLII; гл. XXX; отдѣлъ о экзерциціи гл. I а также 3 ч.
(²) Морской уставъ №№ 3485 и 3937.
(³) № 3937 опредѣленіе о мастеровыхъ.

ручная братія не кланялась. И оные поклонницы самохотно и нахально стелются на землю да лукаво: чтобъ степень исходатайствовать себѣ недостойный, чтобъ такъ неистовство и воровство свое покрыть", „чтобъ епископъ не былъ дерзокъ и скоръ во употребленіи власти своей связательной, т. е. во отлученіи и анафемѣ", „чтобъ лишнихъ служителей не держали, ненужныхъ строеній не дѣлали, такожъ священнаго себѣ одѣянія, и своего платья надъ подобающую чести своей потребу не дѣлали"... „Крѣпко же заповѣдать епископъ долженъ служителемъ своимъ, чтобъ въ посѣщаемыхъ городахъ и монастыряхъ благочинно, и трезво пребывали, и не творили-бъ соблазна, наипаче же не домогались бы у мниховъ и у поповъ кушанья и питья, и конскаго корму лишняго. Кольми паче не дерзали-бь грабить подъ виною жестокаго наказанія. Ибо слуги архіерейскіе *обычнѣ бываютъ лакомые скотины*, и гдѣ видитъ власть своего владыки, тамъ съ великою гордостью и безстудіемъ, какъ татаре на похищеніе устремляются". „Сказуютъ нѣцыи архіереи для вспоможенія церквей убогихъ или новыхъ построенія, повелѣвали проискивать явленія иконы въ пустынѣ или при источницѣ и икону оную за самое обрѣтеніе свидѣтельствовали быть чудотворную". Въ перечисленныхъ запрещеніяхъ и замѣчаніяхъ въ сущности сыпались обличенія на высокопоставленныхъ лицъ церковной іерархіи, на архіереевъ (1). Раскрывались потомъ „нестроенія", „немощи", и „злообразіе" всего вообще духовнаго чина: „мнози въ священническій чинъ вдираются не для чего инаго, только для большей свободы и пропитанія, а никаковаго званію своему должнаго искуства не имѣютъ; многіи въ писаніи неискусные священники держатся за требникъ, какъ слѣпые...." Регламентъ укоряетъ ихъ въ лѣности, грубости, суевѣріи, въ эгоистически-семейныхъ заботахъ замѣщать мѣста церковниковъ сродниками, не смотря на то, способны они или нѣтъ, совѣтуетъ разузнавать о посвящающихся, не ханжи ли, „не сказуютъ ли своихъ о себѣ и иномъ сновъ и видѣній, ибо отъ таковыхъ каковаго добра надѣятися, развѣ бабьихъ басенъ и вредныхъ въ народѣ плевелъ", „не истя-

---

(1) Часть II Духов. регл. 14. 15, 13. 8. О посѣщеніи епископовъ, 12. Дѣла по управленію, 8.

зуютъ ли (священники) въ гостяхъ подчиванья (а сіе нестерпимое безстудіе бываетъ), не храбствуютъ ли въ бояхъ и проч. „Таковыя бо неблагообразія, заключаетъ обличитель, показуютъ ихъ быти ярыжными: а они поставлены пастырми и отцами въ народѣ" ([1]).—Не менѣе рѣзкія сужденія высказывались и относительно монашества. „Чинъ наипаче монашескій, который въ древняя времена былъ всему христіанству, аки зерцало и образъ покаянія и исправленія, во времена сія во многія безчинія развратися" ([2]). Уже именной указъ 1701 г. смѣло выставляетъ на показъ больное мѣсто монастырской жизни:—„Древніе монахи сами себѣ трудолюбными своими руками пищу промышляли и общежительно живяше, и многихъ нищихъ отъ своихъ рукъ питали; нынѣшніе же монахи не токмо нищихъ питаше отъ трудовъ своихъ, но *сами чуждые труды поядаша*, и начальные монахи во многія роскоши впадоша, а подначальныхъ монаховъ въ нужную пищу введоша и вотчинъ же ради свары и смертныя убивства и неправыя обиды многи творита" ([3]). Тѣ же мысли повторялись иногда и въ позднѣйшемъ законодательствѣ съ добавленіемъ новыхъ чертъ монастырской жизни. Люди богатые оставляли при себѣ имущество и послѣ вступленія въ монастырь: являлись „гордыня, и сластей исполненіе, ихъ же ради мнози въ монастырь приходятъ подъ образомъ терпѣнія"; „монастыри пекутся о строеніи точію стѣнъ, и собраніи многаго богатства". Обличая и осмѣивая такимъ образомъ передъ русскимъ обществомъ церковниковъ, Петръ заявлялъ и о необходимости вступить и въ болѣе серьезную борьбу съ ними: „Ой бородачи! многому злу корень старцы и попы; отецъ мой имѣлъ дѣло съ однимъ бородачемъ, а я съ тысячами". Толстой, слышавшій эти слова, отвѣтилъ: „старцамъ пора обрѣзать перья и поубавить пуха". — „Не будутъ летать, скоро, скоро!"—сказалъ Петръ ([5]). Это было въ 1718 г. Вскорѣ ясно стали говорить объ обрѣзываньи

([1]) Прибавл. къ Дух. р. 1 и 2; Дух. регл. часть I, 9. II дѣла общія 5, 9; прибавленіе къ Дух. регл. 4, 14, 27, 28.

([2]) Приб. къ Дух. регл. о монахахъ.

([3]) П. З. С. № 1886.

([4]) П. З. С. Приб. къ Дух. регл. о монахахъ 28 и 49.

([5]) Соловьевъ XVII, 216.

крылевъ частыя распоряженія, ограничивающія имущественныя права монастырей и запрещавшія посвящать сверхъ потребы въ священники, принимать въ монахи и монахини людей молодыхъ, служащихъ; бѣльцы и бѣлицы удалялись изъ монастырей; появлялись выведенные монастыри ([1]).—Въ епископахъ и въ священникахъ Петру хотѣлось бы видѣть скромныхъ, просвѣщенныхъ и трудолюбивыхъ учителей народа, „труждающихся въ словѣ и ученіи", учившихъ христіанскимъ добродѣтелямъ, а въ монахахъ и монахиняхъ—людей, посвятившихъ себя труду вообще и особенно служенію ближнему уходу за престарѣлыми больными членами общества, воспитанію сиротъ и незаконнорожденныхъ дѣтей ([2]).

Возникающій здѣсь вопросъ, чему же, кромѣ христіанскихъ добродѣтелей, должны были священники учить мірянъ, по мнѣнію Петра, объяснится самъ собою, если мы познакомимся со взглядами Петра на религію, проводимыми имъ въ законодательствѣ.

Извѣстно, какую важную роль играла религія въ жизни древне-русскаго общества; ея аскетическіе идеалы находили себѣ ревностныхъ послѣдователей въ выдающихся людяхъ того времени. Ея вліяніе простиралось не только на частную и семейную жизнь, но проникало и въ государственную. Подъ вліяніемъ религіозныхъ традицій не рѣдко дѣйствовало и законодательство. Общество чрезвычайно цѣнило въ человѣкѣ привязанность къ вѣрѣ, ставило достоинство его въ зависимость отъ характера его религіозвыхъ убѣжденій. Подвижники, отшельники, всѣ, искренно и лицемѣрно посвятившіе себя Богу; и при этомъ, непремѣнно православные, стояли высоко во мнѣніи общества. Петръ своими утилитарными требованіями отъ жизни, поглощенный исканьемъ земныхъ благъ, мѣряя иною мѣрою человѣческое достоинство, долженъ былъ отодвинуть подальше религіозные вопросы. Были бы только честные и полезные люди вообще и особенно для его страны, и онъ готовъ дружить и съ люте-

---

([1]) П. З. С. Прибавленіе къ Духов. регл. № 1886, 3907, 1856, 1948, 4516, 9, 10, 11.

([2]) Приб. къ Дух. регл. о житіи монаховъ; 18, 36 и др. 4450, 3937, XLVII, 10. Нартовъ № 18.

ранином, и съ католикомъ; приносили бы только пользу государству раскольники, и онъ готовъ оставить ихъ въ покоѣ. Нужно удержать для вновь заводимаго руднаго дѣла и для государственной службы искусныхъ шведскихъ плѣнниковъ, и царь добивается у синода разрѣшенія на браки съ иновѣрцами, хотя, выражаясь словами синодскаго указа, „брачитися православнымъ съ иновѣрцами дѣло есть не безъ сомнительства совѣсти" (¹). Порой провозглашались Петромъ начала вѣротерпимости, чуть не свободы совѣсти:—„Мы... совѣсти человѣческой приневоливать не желаемъ и охотно предоставляемъ каждому христіанину на его отвѣтственность пещись о блаженствѣ души своей". Офицеровъ флота убѣждали „да любятъ другъ друга вѣрно, какъ христіанину надлежитъ, *безъ разности какой они вѣры* или народа будутъ". Ходившіе потомъ разсказы приписывали Петру слова, сказанныя про купцовъ-раскольниковъ, слывшихъ за честныхъ и трудолюбивыхъ: „если они подлинно таковы, то по мнѣ пусть вѣруютъ, чему хотятъ и носятъ свой козырь; и когда уже нельзя ихъ обратить отъ суевѣрія разсудкомъ, то конечно не пособитъ ни огнь, ни мечъ; а мучениками за глупость быть: ни они той чести не достойны, ни государство пользы имѣть не будетъ". Про Петра-же разсказывали, справедливо или нѣтъ, что будучи въ Виртенбергѣ онъ назвалъ Лютера мужемъ разумнымъ, достойнымъ уваженія потомства (²). — Но приведенные факты не означаютъ еще того, что Петръ всегда оставлялъ въ покоѣ людей, противныхъ съ нимъ религіозныхъ убѣжденій, отказался отъ всякаго религіознаго прозелитизма. Правда, Петръ убѣждалъ дѣйствовать на отступившихъ отъ православія, на иновѣрцевъ и на атеистовъ убѣжденіемъ, „доводами", „духовно", „поступать съ противниками Церкви святой съ разумомъ, правильно и кротостью" (³), словомъ рекомендовалъ вовсе не тѣ инквизиторскіе способы обращенія съ еретиками, какіе усвоили и одобряли его предшественники, однако справедливость требуетъ сказать, что въ его законодательствѣ встрѣчаются

(¹) П. С. З. № 3814.
(²) № 1910, 2, 3985. 20 стр. VI, 7. Голиковъ. III, 157, IV, 150.
(³) П. С. З. №№ 1800, 3910, 2986, 2925. Нартовъ 142, 70. Тихонравовъ. Русскіе вольнодумцы XVIII ст. Р. Вѣст. 1870—71.

не всегда духовныя и кроткія мѣры, когда дѣло идетъ о религіозныхъ вопросахъ. Но вѣдь послѣ сожженія еретиковъ въ срубахъ, трудно сейчасъ же развиться полной вѣротерпимости [1].

Эта религіозная ревность Петра даетъ право предполагать, что онъ дѣйствовалъ подъ вліяніемъ болѣе или менѣе опредѣленныхъ выглядовъ на вопросы вѣры, что у него сложились извѣстныя религіозныя убѣжденія, которыя онъ и хотѣлъ утвердить въ народѣ. Дѣиствительно, судя по отзывамъ людей, близко знавшихъ его, какъ Неплюева, Нартова и по другимъ фактамъ, можно заключить, что Петръ не принадлежалъ къ атеистамъ, а напротивъ былъ человѣкомъ религіознымъ, но религіознымъ не въ смыслѣ слѣпаго безусловнаго преклоненія предъ всѣмъ, что люди искренно или лицемѣрно привыкли называть святымъ и слѣдовательно достойнымъ всякаго уваженія и подражанія и стоящимъ выше всякаго сомнѣнія. Напротивъ, религіозныя сомнѣнія, давно уже тревожившія умы русскихъ людей, находили въ это время для себя едва ли не большую пищу въ ненормальныхъ явленіяхъ религіозной жизни и поддержку отъ близкаго знакомства съ религіозными вѣроученіями иностранцевъ. Эти обстоятельства повліяли и на впечатлительную натуру Петра, пробудили и въ немъ сомнѣнія, заставили критически и даже скептически отнестись къ религіознымъ явлені-

---

(1) Особенно тяжело наказывались религіозное свободомысліе и легкомысленное отношеніе къ религіознымъ обязанностямъ во флотѣ и арміи (артик. воп. 3 а также VI, 7. 49—50). За неявку на молитву офицеровъ наказывали пенями, а рядовыхъ кошками. Регрессивнымъ характеромъ отличаются постановленія, лишавшія непричащавшихся и подпавшихъ церковному проклятію права быть свидѣтелями. Не говоря про двойной окладъ, въ послѣдніе годы начались насильственныя мѣры противъ раскольниковъ, ссылка на галеры ихъ учителей и совратившихся къ нимъ изъ православія, совратителямъ грозила казнь и др. Наказаніе назначалось и тѣмъ, кто «безбожія воню отъ себя издаетъ». П. С. З. №№ 3169, 4052, 4009, 8, 4, 14, 23, 12. Дух. регл. мірскіе особы 6 п. $3854_{,15}$ $3870_{,10}$ $3854_{,18}$ $3963_{,3,5}$ (на 24 п. Д. р.).—Отношенія къ еретикамъ до Петра характеризуютъ и факты приведенные у Забѣлина II ч. 115, 124, 130, 132, 141, 142, 145. При Петрѣ Тверитиновъ укорялъ въ домѣ Лопухина приверженцевъ старины: «кто съ вами станетъ говорить правду отъ святаго писанія, а вы и грозите мучительствомъ». «Только у васъ и разума—грозите кнутомъ и огнемъ». Тихонр. 678.

ямъ, преимущественно къ обрядовой сторонѣ религіи, къ суевѣріямъ, къ разнаго рода бабьимъ баснямъ и разсказамъ, которымъ всуе вѣруется.

Преемникъ строгихъ блюстителей церковныхъ традицій и обрядовъ находилъ нужнымъ отмѣнять одно за другимъ „дѣйства", „выходы", „хожденія" къ разнымъ цѣлителямъ зубной и другихъ болей, запретить хожденья на домъ съ образами изъ церквей и монастырей, собиранье на построенье храмовъ, постройку домашнихъ и лишнихъ церквей, считалъ вполнѣ позволительнымъ для поддержки здоровья и бодрости духа отмѣнять посты (1), разрѣшалъ иногда себѣ и своей шутовской компаніи смѣхотворное обращеніе съ духовными одеждами, митрой, посохомъ, патріаршимъ благословеніемъ и даже торжественно повѣнчалъ князь-папу въ шутовскомъ костюмѣ въ Троицкой церкви. Подобное поведеніе царя, конечно, не могло пройти незамѣченнымъ окружающими и народомъ. Поднимались толки, что Петръ въ среду и пятницу ѣстъ мясо, „лягушекъ",... подозрѣвали самаго Петра и людей, близкихъ къ нему—Ѳеофана, Феодосія въ лютеранствѣ. „Лютеръ по всему", „врачъ креста Господня", говорили про послѣдняго; „антихристъ!" величали Петра раскольники (2). Тѣмъ сильнѣе должны были дѣйствовать на народъ религіозныя новшества, что они не всегда походили на легкомысленныя увлеченія, а проводились сознательно: въ указахъ, въ частныхъ разговорахъ обличалось то, что прежде не считалось предосудительнымъ, а защища-

---

(1) П. С. З. №№ 3910, 3171, 3963, 3991, 2984, 5 п. Дух. Регл. 8 п. 4022. Гюйссенъ писалъ къ Лейбницу: «его в. позволилъ ему (царевичу) не соблюдать строго постовъ изъ опасенія, чтобъ это не повредило его здоровью и силамъ». (Герье. Отн. Лейбн. къ П. В. Февр. 351). «Императоръ, пишетъ Берхгольцъ (II, 160) и весь императорскій дворъ, равно какъ и многіе вельможи мало обращаютъ на него (великій постъ) вниманія и преспокойно, какъ и мы, ѣдятъ во все время мясо». Это же видѣлъ и де-Бруинъ еще въ 1702 г. Чт. въ Общ. И. и Др. за 1872 а также №№ 2826; 3. 3020.

(2) Корбъ; 126—127, 145—146, 150. Берхгольцъ; 175 и 169. Семейство Монсовъ 15. Тихонравовъ, Рус Вѣстн. 1871, 713. Идолослуженіемъ могли показаться ревнителямъ старины описанные Корбомъ и Берхгольцомъ маскарады Петра съ участіемъ Бахусовъ, Нептуновъ, съ миѳологической обстановкой, воскуреніями и т. п.—Сравн. съ Заб. II, 394.

лось то, что прежде считалось чуть не смертельнымъ грѣхомъ. Въ своихъ бесѣдахъ Петръ пользовался случаемъ, чтобы раскрывать глаза окружающихъ его указаніемъ на то, какъ подъ личиной святости и чудодѣйственной силы скрывается иногда наглый обманъ, разсчитанный на наивную простоту вѣрующихъ, объяснилъ напр., разъ, женѣ и духовнымъ лицамъ, какъ приходимцы-монахи выдали имъ аміантъ за незатлѣнную сорочку Божьей Матери, разсказывалъ, какую мироточивую икону видѣлъ онъ въ Польшѣ, сколько гвоздей и древъ креста Христова бережется въ католическихъ монастыряхъ, указывалъ архіереямъ, чтобъ они не допускали почитать за святыню „невѣдомыхъ и отъ церкви несвидѣтельствованныхъ гробовъ", боготворить иконы и вымыслять ложныя чудеса, не принимали отъ духовнаго и мірскаго чина и другихъ подъ образомъ благочестія притворныхъ и прелестныхъ дѣлъ ([1]). При учрежденіи Синода не разъ напоминалъ ему о необходимости бороться противъ суевѣрія. Вотъ напр. одинъ изъ подобныхъ указовъ:—„Понеже разговорами я давно побуждалъ, а нынче письменно, дабы краткія поученія людямъ сдѣлать (понеже ученыхъ проповѣдниковъ дѣло мало имѣемъ), также сдѣлать книгу, чтобъ изъяснить, что непремѣнный законъ Божій и что совѣты, и что преданія отеческія, и что вещи среднія и что только для чину и обряду сдѣлано, и что непремѣнное и что по времени и случаю перемѣнилось, дабы знать могли, что въ каковой силѣ имѣть. О первыхъ, кажется мнѣ, чтобъ просто написать такъ, чтобъ и поселянинъ зналъ, или на двое: поселянамъ простые, а въ городахъ покрасивѣе для сладости слышащихъ, какъ вамъ удобнѣе покажется, въ которыхъ бы наставленія, что есть прямой путь спасенія истолкованъ былъ, а особливо вѣру, надежду, любовь (ибо о первой и послѣдней зѣло мало знаютъ, и не прямо, что знаютъ, а о средней и не слыхали), понеже всю надежду кладутъ на пѣніе церковное, постъ и и поклоны и прочее тому подобное, въ нихъ же строеніе церквей, свѣчи и ладонъ"... и проч. Подъ вліяніемъ Петра и при его участіи явился и Духовный регламентъ, а также рядъ синодскихъ указовъ противъ суевѣрія, ханжества и и аскетизма. Объявляется вражда всему „что либо именемъ

([1]) Нартовъ, № 103, Голиковъ; II, 197. № 2986, 6.

суевѣрія нарещися можетъ",—т. е. если не по слову божію, но по легкомысленнымъ разсказамъ и бабіимъ баснямъ всуе вѣруется—„всему лишнему, во спасенію непотребному, вымышленному только для своего интереса лицемѣрами, прельщающими простой народъ". Синодъ заявлялъ, что можетъ случиться, что кто нибудь, придумавъ ложное чудо, начнетъ разглашать, а оно простымъ и малоразсуднымъ народомъ принимается за истину, прибавляется къ числу чудесъ, распространяется и укрѣпляется въ памяти всѣхъ; синодъ указывалъ на необходимость разыскиванія сомнительныхъ мощей, нѣтъ-ли у насъ такого бездѣлія,—„много бо и о семъ наплутано", вооружался противъ выдуманныхъ молитвъ, преданій, житій святыхъ, противъ построенія лишнихъ церквей,—„понеже всякому здравоpaзсудному извѣстно, какое-то небреженіе славѣ божіей въ лишнихъ церквахъ и множествѣ поповъ", противъ аскетическихъ подвиговъ самоистязанія: „о безумія и окаянства! что глупые отъ ума плоти своея дмящіеся человѣцы возмечтали о Бозѣ, будто бѣдство и болѣзнь наша сама собою Богу есть пріятна. Богъ нашъ, о треокаянніи глупцы! не мучитель есть, но отецъ щедротъ и *Богъ всякія утѣхи"*... наконецъ противъ монастырскихъ затворниковъ и ханжей (1).

Наконецъ, Петръ пытался разсѣять укоренившіяся въ народномъ представленіи боязливыя опасенія передъ темными призраками, окрещенными именемъ діавола. Такъ онъ думалъ поколебать народное повѣрье въ присутствіе дьявола въ кликушахъ и бѣснующихся и въ то, что монстры или уроды являются отъ дѣйствія того же діавола. Утаиванье послѣднихъ вызвало съ его стороны обличительно - наставительный указъ. Заявляя о томъ, что монстровъ, собираемыхъ во всѣхъ государствахъ, представлено только два, указъ прибавляетъ: „однакожъ въ такомъ великомъ государствѣ можетъ болѣе быть; но таятъ невѣжды, чая, что такія уроды родятся отъ дѣйства дьявольскаго чрезъ вѣдовство и порчу: чему быть невозможно, ибо единъ Творецъ вся твари—Богъ, а недіаволъ, которому ни надъ какимъ созданіемъ власти нѣтъ; но отъ поврежденія внутренняго и мнѣнія матерняго во время бремени, какъ тому многіе есть примѣры, чего

(1) П. С. З. № 3891. Дух регл. дѣла общія 4012, 4121, 3912, 4053.

испужается мать, такіе знаки на дитяти бываютъ". Зная въ 1706 г. объ ожидаемомъ сильномъ затмѣніе солнца, и опасаясь, какъ бы оно принятое за предзнаменованіе, не навело на народъ унынія, столь опаснаго въ критическія минуты кровавой борьбы съ врагомъ, Петръ предупреждаетъ о томъ административныхъ лицъ и поручаетъ имъ объяснить народу, что въ ожидаемомъ затмѣніи нѣтъ ничего чудеснаго и зловѣщаго (1).

Сама жизнь, наводила Петра на мысль, что лучшее средство для борьбы съ суевѣріемъ и всякимъ зломъ—знаніе, что слѣд. ему нужно сдѣлаться не только воспитателемъ, но и учителемъ народа.

Взгляды Петра на жизнь, его бесѣды, непрестанныя заботы о самобразованіи, наконецъ самая практическая дѣятельность достаточно указываютъ на то, какъ высоко онъ ставилъ знаніе. Еще болѣе онъ убѣждался въ этомъ, благодаря обстоятельствамъ его исторической дѣятельности, направленной на борьбу съ внѣшними врагами, а главнымъ образомъ на радикальныя реформы во всѣхъ областяхъ внутренней жизни народа. Эти обстоятельства раскрыли также ему, куда нужны образованные люди и какого рода должны быть знанія ихъ.

Потери и неудачи подъ Азовомъ, разгромъ подъ Нарвой и много другихъ военныхъ событій и разныхъ мелочей военнаго быта съ перваго же времени должны были убѣждать въ необходимости изучать серьезно спеціально военныя науки, пріучаться къ дисциплинѣ и вотъ воинскій уставъ 1716 г. подробно опредѣляетъ знанія, требуемыя отъ тогдашнихъ военныхъ людей. „Фельдцейхмейстеру, говорится въ немъ, надлежитъ о фортификаціи, такъ и о артиллеріи и инфантеріи совершенное извѣстіе (Wissenschaft) имѣть", генераламъ, криксъ-и обер-коммисарамъ — „доброму ариѳметику быть". Чинъ генералъ-квартирмейстера требуетъ человѣка, искуснаго въ географіи и фортификаціи, полковому же квартирмейстеру нужно по крайней мѣрѣ „знать рисунокъ" и отчасти географію, а также быть добрымъ ариѳметикомъ и

(1) П. С. З. № 3159. Гол. II, 300—301.

геометромъ. Отъ инженеровъ требовалось основательное знаніе фортификаціи, отъ генералъ аудитора и отъ фискаловъ знаніе военныхъ и прочихъ правъ. Генералы, штабъ и оберъ офицеры, солдаты, должны были каждый достаточно свое званіе вѣдать. Даже отъ волонтеровъ требовалось не только знаніе военныхъ экзерцицій, но и прочихъ военныхъ наукъ, особенно фортификаціи и артиллеріи. Такимъ образомъ отъ военныхъ начальниковъ и отъ простыхъ солдатъ требовалось, хотя отъ каждаго не въ полномъ объемѣ, знаніе ариѳметики, геометріи, фортификаціи, артиллеріи, географіи, военныхъ и прочихъ правъ,—отъ всѣхъ вообще знаніе военной экзерцицiи (1).

Создавая для Россіи военный флотъ, гдѣ по самому характеру службы требуется не столько личная храбрость, сколько опытность и знанія, нужно было снабдить его людьми искусными въ отправленіи своихъ обязанностей. Не смотря на всѣ усилія царя-моряка, не смотря на приглашенія на службу во флотъ иностранцевъ, въ русскомъ флотѣ долго, по словамъ Вебера, чувствовался недостатокъ въ опытныхъ матросахъ. Кромѣ того были нужны капитаны, штурманы, артиллеристы, знакомые съ навигаціей, артиллеріей, географіей и другими спеціальными свѣдѣніями (2).

Кромѣ людей, умѣющихъ отправлять морскую службу, нужны были и люди, умѣющіе построить флотъ, оснастить, снабдить его всѣмъ необходимымъ: мастера корабельные, знающіе строеніе короблей и судовъ, разнаго рода, также маляры, столяры, рѣщики, фонарные, паяльные, парусные швецы, товари, прядильщики, конопатчики, компасники, канатные и др. (3).—Вообще расширеніе добывающей и обработывающей, ремесленной, заводской и фабричной промышленности, постройка новыхъ крѣпостей, столицы, каменныхъ зданій, заложенье гаваней, проведеніе коналовъ, заведенье торговаго флота съ его новоманерными судами требовали людей знакомыхъ съ теоретическими и особенно практическими естественно-научными и математическими знаніями:

(1) Воинскій уставъ, № 3006, гл. XII, XV, XXVII; гл. XX и 3 часть; гл. XXIV и XLII; гл. XXX; отдѣлъ о экзерциціи гл. I а также 3 ч.
(2) Морской уставъ №№ 3485 и 3937.
(3) № 3937 опредѣленіе о мастеровыхъ.

химиковъ, механиковъ, инженеровъ, архитекторовъ и разнаго рода мастеровыхъ и художниковъ.

Чтобы замѣнить пользующихся народнымъ довѣріемъ знахарей-лекарей и колдуновъ, а также чтобы сколько нибудь удовлетворить вопіющимъ потребностямъ войска и флота, почти лишенныхъ до сихъ подъ медицинской помощи, нужны были научно-образованные медики вообще и хирурги въ частности.

Для своихъ преобразованныхъ судебныхъ и административныхъ учрежденій, Петръ нуждался въ людяхъ знакомыхъ съ русскимъ и иностраннымъ законодательствомъ и съ отправленіемъ дѣлъ въ коллегіяхъ, ратушахъ въ людяхъ, которые „счетнымъ и экономическимъ дѣламъ искусны“... „кто въ магистрацкихъ и гражданскихъ, полиціи дѣлахъ довольное искуство имѣетъ“ (1).

Раскалъ, поддержанный реформой, усиленіе еретическихъ и особенно протестанскихъ ученій и имѣній благодаря увеличившимся сношеніямъ съ западной Европой, а также обрядовой, часто безсознательный характеръ русскаго богопочтенія, злоупотребленія въ дѣлахъ вѣры и масса суевѣрій, ясно обнаружившихся при столкновеніи съ иностранцами, все это—вмѣстѣ съ желаніемъ распространить православіе въ средѣ инородцевъ (2)—побуждало Петра создать въ средѣ духовенства людей, которые бы смѣло боролись съ этими „многими нестроеніями“, душевными болѣзнями русскаго общества, вооружившись истиннымъ „знаніемъ божескимъ“, „евангельскимъ ученіемъ (3).

Сношенія съ Европой стали чаще разнообразнѣе. Русскіе или путешествовали за границей, или размѣстились при разныхъ дворахъ, школахъ, а иностранцы помѣстились чуть не въ каждой коллегіи, фабрикѣ, заводѣ, кораблѣ, школѣ; то одно, то другое пересаживается изъ ихъ жизни на русскую почву, а наука чуть не сплошь переводится съ иностраннаго; Повсюду „зѣло нужны переводчики“, толмачи, и во-

---

(1) П. С. З. №№ 2927, 3202, 3778.

(2) Кромѣ прежде приведенныхъ фактовъ, обстоятельное подтвержденіе этихъ мыслей можно найти въ статьяхъ г. Знаменскаго въ Прав. Собесѣдн, за 1864 г. «Законодательство П. В...».

(3) Дух. реглам. Сол. XV, 116.

обще люди, знающіе латинскій и новые европейскіе языки, особенно нѣмецкій, голландскій и французскій ([1]).

Такъ какъ русскіе, даже послы отличались нерѣдко до сихъ поръ грубостью обращенія съ иностранцами, то оказалась нужда въ людяхъ „полированныхъ", „учтивыхъ", „политичныхъ" ([2]).

Наконецъ жизнь стала требовать вообще людей грамотныхъ безъ отношенія къ спеціальному образованію. Послышался и голосъ Посошкова о необходимости грамотности для крестьянъ и инородцевъ, чтобъ охранить ихъ отъ „великихъ пакостей" и лишнихъ поборовъ со стороны администраціи или мнимыхъ представителей ея ([3]).

Создавая въ Россіи науку, расширяя для этого типографскую дѣятельность, приготовляя библіотеки, кунсткамеру, выписывая инструменты, модели, отправляя экспедиціи съ учеными цѣлями, Петръ долженъ былъ найти людей, умѣющихъ собирать и распоряжаться этими матеріалами и научными средствами, найти ученыхъ, которые были бы въ состояніи самостоятельно разработывать науку.

Такимъ образомъ личный характеръ Петра Великаго и направленіе его реформы вызывали людей, знакомыхъ главнымъ образомъ съ положительными знаніями и практическими свѣдѣніями, а крайняя необходимость, какъ можно скорѣе примѣнить ихъ къ жизни побуждала обратить особенное вниманіе не на теоретическую ихъ сторону, на практически-прикладную.

Но являлся вопросъ, какимъ образомъ удовлетворить этимъ общественнымъ нуждамъ, гдѣ взять людей искусныхъ, образованныхъ, ученыхъ? Если нанять иностранцевъ, то пришлось бы нанимать ихъ тысячами,—что было бы тяжело для народа и въ тоже время не прочной мѣрой, такъ какъ большинство иностранцевъ не умѣло или не хотѣло открывать своихъ знаній русскимъ, а обогатившись въ Россіи, увозило вмѣстѣ съ деньгами и свои знанія. Наконецъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ иностранцевъ даже совсѣмъ нельзя было

([1]) П. С. З. №№ 2928, 3318, 3843, 3937, 4438, 4443. Пек. I, 5 и глава IX.

([2]) П. С. З. № 3318. Солов. XVI, 24.

([3]) П. С. З. № 4624. Солов. XVI, 303.

допускать. Петръ, естественно желавшій не только ввести но и упрочить свою реформу вообще и новыя знанія въ частности, хотя и принужденъ былъ воспользоваться услугами иностранцевъ, тѣмъ не менѣе онъ старался всѣми средствами, какія казались ему полезными,—образовать самихъ русскихъ ([1]).

Изъ всѣхъ средствъ, которыми Петръ пользовался для распространенія въ Россіи образованія, мы остановимся на одномъ — *на обученіи народа разнаго рода знаніямъ*, насколько это извѣстно изъ законодательства Петра, а отчасти и изъ другихъ свидѣтельствъ; при этомъ по возможности укажемъ на нѣкоторыя побочныя условія способствовавшія и препятствовавшія этому дѣлу и на нѣкоторые ближайшіе результаты.

Учителями въ то время могли быть всѣ, обладающіе извѣстными свѣдѣніями въ наукѣ, искусствѣ, ремеслѣ, не смотря на то, имѣли ли наклонности къ педагогической дѣятельности и были ли подготовлены къ ней, знали-ли языкъ своихъ учениковъ и обстановку, въ которой они выросли. Петру, какъ нарочно, пришлось прежде всего обратиться къ иноземнымъ учителямъ, такъ какъ предшествовавшіе опыты дали мало русскихъ. Какъ извѣстно, впродолженіи всей жизни Петръ сильно заботился о вызовѣ иностранцевъ вообще (кромѣ евреевъ). Объявляя для всѣхъ безпрепятственный проѣздъ, свободу вѣры и отправленія богослуженія, самостоятельный судъ и свободу возвратиться по исполненіи условій, онъ приглашалъ ихъ самъ лично, черезъ пословъ, резидентовъ, агентовъ. Было приглашеніе и плѣннымъ Шведамъ. Одни изъ этихъ иностранцевъ поступали безъ обязательства учить кого нибудь, другіе напротивъ того вызывались прямо съ цѣлью обучать народъ; для послѣднихъ правительство заботилось открыть школу, значеніе которыхъ

([1]) Что Петръ считалъ свои реформы упрочеными въ Россіи только съ распространеніемъ знаній, видно отгасти изъ его указовъ. Въ предисловіи къ морскому регламенту говорится: «дабы то кораблестроеніе и мореходство *вѣчно утвердилось въ Россіи*, умыслилъ *искуство дѣла того ввесть въ народъ свой*... Устр. II, 1-е прил., а въ указѣ о строеніи каменныхъ зданій доказывается, что только *отъ обученія* это доброе дѣло *впредь будетъ прочно*. № 1800.

было рано сознано и высказано Петромъ еще въ разговорѣ съ Адріаномъ по возвращеніи изъ-за границы; впослѣдствіи школы считались „благоугоднымъ" и „зѣло нужнымъ дѣломъ" ([1]). Наконецъ, третьяго рода учителя обязаны были отправлять служебныя обязанности и въ тоже время учить поручаемыхъ имъ русскихъ. Послѣдняго рода учителей было больше другихъ; они обучали на мѣстѣ отправленія своихъ службъ,—въ войскѣ, во флотѣ, на заводахъ, фабрикахъ, мастерскихъ, госпиталяхъ и другихъ мѣстахъ. Вообще Петръ заботился увеличить число иностранцевъ втораго и третьяго рода; пріемъ же перваго рода, по упомянутымъ выше побужденіамъ, считался скорѣе только временной мѣрой. Впрочемъ, призывая иностранцевъ въ Россію, правительство не всѣхъ безъ различія принимало на службу. Петръ, особенно въ послѣдніе годы, старался допускать ихъ, подвергнувъ предварительно испытанію, исключая, конечно, тѣхъ, которые пріобрѣли себѣ извѣстность. Такъ напр. относительно мастеровъ иностранцевъ велѣно было мануфактуръ-коллегіи свидѣтельствовать, „знаютъ ли они своего дѣла и буде не знаютъ или плохо знаютъ, тотчасъ отпустить безъ жаднаго озлобленія" ([2]).

Но такъ какъ иные иностранцы не соглашались ѣхать въ Россію частію изъ опасенія за свое положеніе въ варварской странѣ, какой они считали Россію, частію вслѣдствіе другихъ причинъ и такъ какъ русскія учебныя заведенія и другія мѣста, гдѣ бы можно было учиться народу, были въ зародышѣ или только развивались, между тѣмъ какъ за границей университеты, академіи, спеціальныя школы были въ полномъ ходу,—то естественно, что Петру могла придти мысль посылать русскихъ учиться за границу. Къ тому же путешествіе по Европѣ имѣло и то образовательное значеніе для учащихся, что они могли „для обученія посмотрѣть другія государства", какъ говорилъ Петръ Толстой, могли видѣть, какіе сильные корни пустила наука въ жизнь, сколько здѣсь разнаго рода школъ, учащихся, ученыхъ, каковы ре-

---

([1]) П. С. З. №№ 1910, 3778, 4 п. 3708 гл. XXI. Сол. XV, 116.
([2]) П. С. З. № 4345, 4 п.

зультаты знанія для жизни, дивиться, пречудному математическому разуму иностранцевъ (1).

Иногда вмѣсто посылки за границу отправляли ближе— въ Ливонію (2). Принося несомнѣнную пользу, ученье у иностранцевъ имѣло и неудовлетворительныя стороны: ревнивыя опасенія со стороны учителей—передавать знанія „не своимъ" (3), незнаніе или плохое знаніе русскаго языка и презрительныя отношенія къ невѣжеству, складу жизни, обычаямъ учениковъ,—что, конечно, не могло содѣйствовать сближенію учащаго съ учащимся,—этимъ скорѣе поддерживалась въ послѣднихъ старинная антипатія къ „еретикамъ". Наконецъ въ матеріальномъ отношеніи не выгодны были большія денежныя затраты, соединявшіяся съ обученіемъ за границей, громадное жалованье привезеннымъ иностранцамъ (доходившее, по словамъ Касеиса, иногда до десяти и болѣе тысячъ рублей) (4). Это побуждало отыскивать болѣе лучшихъ и дешевыхъ учителей.

Исчисленные недостатки могли быть устранены устранены, хоть отчасти, учителями изъ обучившихся русскихъ. Послѣдніе не моглибы скрывать знаній безъ вреда для себя, нашли бы больше сочувствія своихъ единоземцахъ, легче и успѣшнѣе могли обучать на своемъ родномъ языкѣ и уменьшили бы большія и уходящія въ чужія руки затраты на иностранныхъ учителей. „Польза, которая изъ сей академіи будетъ, говорится въ проектѣ объ учрежденіи ея, есть слѣдующая: 1) что его и. в. изъ своихъ подданныхъ ученые (а они, по уставу, были и учителя) люди получитъ... 3) оные, которые поѣдутъ за границу (обучившись дома языку иностранному) меньше денегъ будутъ тратить, понеже они больше въ одинъ годъ научатся, нежели иной въ десять лѣтъ". Петръ высказывалъ преимущественное желаніе имѣть своихъ учителей еще въ разговорѣ съ патріархомъ Адріаномъ, а

---

(1) Поповъ. Путешествіе въ Италію П. А. Толстаго въ 1697—98 гг. (изъ Атенея) 76; 28, 31, 54 и въ др. мѣстахъ.

(2) П. С. З. 2279, 4 ст. 4348, 4; Чистовичъ 49—50.

(3) Солов. XVIII, 261. П. С. З. №№ 4381 и 4600. Афанасьевъ. Іюль II отд. 62 стр.

(4) П. С. З. № 4600. Чистовичъ. Феоф. Пр. 135. Пекар. И. и литерат. при П. В. I, 60.

на уставѣ академіи приписалъ: „надлежитъ по два человѣка еще прибавить изъ словенскаго народа, дабы могли удобнѣе русскихъ учить“,—слѣдовательно онъ видѣлъ неудобства въ обученіи черезъ иностранцевъ ([1]). При немъ болѣе и болѣе появляются учителя изъ русскихъ, въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ, учителя - мастера и художники, учителя - военные и моряки. Высшимъ духовнымъ образованіемъ стали завѣдывать малороссіяне.

Подобно тому какъ не много учителей, такъ не много *учебныхъ пособій* оставила древняя Русь Петру. Если и были учебники въ кіевской и московской академіяхъ, то они были рукописные; на учениковъ возлагалась обязанность переписывать составленныя учителями руководства,—что должно было отнимать не мало времени. Петру пришлось обратиться за учебниками за границу, и по разнымъ предметамъ начали переводить на русскій языкъ большею частію цѣликомъ иностранныя руководства; иныя впрочемъ нѣсколько передѣлывались. Петръ справлялся о ходѣ перевода, прочитывалъ, исправлялъ и дополнялъ переведенные учебники, напр. геометрія, присланная изъ „военнаго похода“ 1707 г. была поправлена рукой Петра „въ премногихъ мѣстахъ“, и наконецъ такіе учебники печатались, притомъ большею частію простымъ гражданскимъ шрифтомъ. Съ другой стороны переведенные учебники должны были страдать почти общимъ недостаткомъ тогдашнихъ переводовъ, когда, при невыработанности русскаго языка, при маломъ знакомствѣ иностранцевъ съ нимъ, а русскихъ съ языками иностранными, способъ изложенія и языкъ отличались темнотою: вкрались иностранные обороты рѣчи, русскій языкъ наполнялся варваризмами, германизмами, полонизмами и въ тоже время не могъ избавиться и отъ славенскаго высокаго діалекта. Если этотъ недостатокъ представлялъ затрудненія и для тогдашняго образованнаго читателя, то тѣмъ болѣе для начинающихъ учиться, для которыхъ учебникъ долженъ быть изложенъ легкимъ и понятнымъ языкомъ. При Петрѣ же начали у насъ печатать и географическія карты, гравюры, таблицы; оказалось нужнымъ выписывать и приготовлять у себя математическіе и другихъ родовъ инструменты, хотя они и не всегда назначались для учебныхъ цѣлей.

([1]) Пек. I, 60; Солов. XV, 116. П. С. З. № 4443.

Ставя народное образованіе однимъ изъ необходимыхъ условій государственной жизни, Петръ старался помогать народному обученію и другими способами.

Во первыхъ доставленіемъ *денежныхъ средствъ*. Съ Петра явился отдѣлъ государственныхъ расходовъ, не существовавшій до него:—расходы на жалованье учителямъ, ученикамъ, на содержаніе школъ и на учебныя пособія. Изъ государственныхъ же суммъ шло жалованье учащимъ и учащимся въ войскѣ, флотѣ, на казенныхъ фабрикахъ, заводахъ, въ госпиталяхъ и въ другихъ мѣстахъ Россіи и Европы ([1]).—Кромѣ того на содержаніе нѣкоторыхъ школъ учителей и учениковъ назначены были особые специальные доходы: опредѣленныя части изъ архіерейскихъ домовъ, получавшихъ деньги или припасы съ вотчинъ, церковныя дани и вѣнечныя памяти, изъ монастырскихъ доходовъ. Особенно въ послѣдніе годы царствованія, Петръ сталъ заботиться о распространеніи просвѣщенія на счетъ доходовъ монастырскихъ. На этотъ же предметъ отдавались иногда и сборы съ раскольниковъ ([2]). Наконецъ, правительство, помогало разнаго рода частнымъ промышленнымъ заведеніямъ деньгами или льготами, обязывало при этомъ лицъ завѣдывающихъ этими заведеніями непремѣнно обучать русскихъ учениковъ. Иногда назначались привилегіи для семействъ учащихся (Указъ 3 декабря 1723 г.)

Употребляя такимъ образомъ разнаго рода суммы на народное образованіе, правительство никогда почти ([3]) не брало денежной платы за ученье, но старалось обязать учащагося вознаградить обучавшихъ и содержавшихъ его,—правительство или частныхъ лицъ—службой или вообще трудомъ по окончаніи ученья.

Кромѣ денежной помощи Петръ Великій тѣмъ еще могъ поощрять народъ учиться, что старался доставлять выучив-

---

([1]) П. С. З. №№ 2554. 2626. 2736, 2798, 3006. LXVIII гл., 3485 кн. IV гл. III, 3551, 3748, 4443. Чистов. 138—149 и др.

([2]) Дух. реглам. дѣла епископовъ, 11 и 12 пп. П. С. З. №№ 2778, 4426, 4450, 4516, 10.

([3]) Мнѣ извѣстны только два позволенія: одно, учителямъ цифирныхъ школъ брать съ выучившихся совсѣмъ по 1 р., другое посланнымъ для обученія новоманерному судостроенію съ хозяевъ судовъ опредѣленную плату на жалованье и прогоны.

шимся: „ученымъ“, а гдѣ не требовалось научныхъ знаній, „искуснымъ“ и опытнымъ, какого бы званія они ни были, *выгоды*, соединенныя *съ исправленіемъ разнаго рода должностей*, запрещая давать разнаго рода преимущества и награды не учившимся и не трудящимся, какой бы знатной фамиліи они ни были. Такъ, „воинскій уставъ“, упоминая о знаніяхъ, которыми надлежитъ владѣть высшимъ и нисшимъ воинскимъ чинамъ, тѣмъ самымъ не только высказываетъ сознанныя правительствомъ нужды государства (о чемъ было выше сказано), но явившись въ формѣ закона, вмѣстѣ требуетъ отъ желающихъ пріобрѣсти преимущество по службѣ опредѣленныхъ знаній въ военномъ искуствѣ. Другіе указы: указъ 16 февраля 1714 г., требующій, чтобы изъ дворянскихъ породъ и иныхъ со стороны отнюдь не писали въ офицеры, если они не знаютъ солдатскаго дѣли и указъ 21 января 1723 г. предписывающій между прочимъ назначать въ армейскіе полки офицерами только „изъ ученыхъ въ школахъ, искусныхъ людей“ только дополняетъ „воинскій уставъ“ (1).—Во флотѣ и на адмиралтейской верфи награждаются тѣ изъ морскихъ служителей, которые окажутся „знающими въ морскомъ хожденіи и тщательными въ произведеніи своего дѣла паче другихъ“. Точно также и изъ служителей на верфи и изъ артиллерійскихъ служителей. Пріобрѣсти первыхъ чиновъ для всѣхъ моряковъ необходимо соединялось съ пріобрѣтаемой въ продолженіи 5—6 лѣтъ опытностью въ морской службѣ, а пріобрѣтеніе чина офицера и другихъ чиновъ невозможно было, по закону, безъ знанія навигаціи, артиллеріи и прочаго, спеціально относящагося къ извѣстной должноети (2).

Генеральный регламентъ постановляетъ, что желающіе не только служить при канцеляріяхъ и конторахъ, но также современемъ быть произведенными въ высшіе по градусамъ чины должны учиться, хотя бы они были знатныхъ и шляхетскихъ фамилій, „ибо кромѣ сего пути никто въ вышній градусъ и до министерскаго чина произведенъ быти не можетъ“. На пріемъ „неученыхъ“ смотрѣли какъ на вре-

(1) П. С. З. №№ 2775 и 4147.

(2) П. С. З. № 3485 книга III, 46 и 53 п. № 3937, 110 п. и 64, 1-й отд.; гл X, 37; гл. XII, 1.

менную мѣру; ихъ допускали только „за освудѣніемъ ученыхъ“, и они должны были первое время служить безъ ранговъ (¹).

Естественно, что исполнять всѣ обязанности медика правительство могло дозволить только людямъ, приготовившимся къ этому званію; такъ напр. только выучившихся полковыхъ фельдшеровъ оно производило въ лѣкаря (²).

Наконецъ и духовныя должности Петръ и сочувствующіе ему въ этомъ сотрудники его тоже старались замѣстить людьми, подготовленными образованіемъ къ этому званію. Сначала опредѣленіемъ на епископскіе каѳедры ученыхъ кіевскихъ монаховъ, а потомъ указомъ о монашествѣ (³). Петръ ясно высказалъ свое стремленіе имѣть архіереями и архимандритами въ знатныхъ монастыряхъ людей, владѣющихъ приличнымъ принимаемому сану образованіемъ, преимущественно передъ другими. Въ архимандриты же вообще, игумены и священники должны были допускаться только люди, знакомые хотя съ первоначальнымъ школьнымъ образованіемъ, „а ежели явятся въ томъ нерадивы и лѣностны; тѣмъ, яко самимъ о себѣ нерадящимъ, отнять всю священнаго чина и церковнаго причту надежду“. „Въ слушаніи ставленниковъ быть опасну и жестоку, и аще явится неумѣнье и косночтенье дьячковъ, такимъ весьма отказывать“ (⁴).

Но Петръ не ограничивался вспомогательными средствами и мѣрами для обученія русскаго народа,—онъ считалъ нужнымъ дѣйствовать и *насильственными, принудительными мѣрами и наказаніями*. Вотъ что высказывается въ петровскихъ законодательныхъ памятникахъ о необходимости подобныхъ средствъ при реформѣ вообще и при воспитаніи и обученіи въ частности: „знаете, хотя что добро и надобно, а новое дѣло, то наши люди безъ принужденія не сдѣлаютъ“; „нашъ народъ, яко дѣти, неученья ради которыя никогда за азбуку не примутся, когда отъ мастера не приневоле-

---

(¹) П. С. З. №№ 3534, XXXVI и 3890, 14 п.

(²) П. С. З. № 3006 гл. XXXIII, 4 п.

(³) П. С. З. № 4450, II очеред. и особ. 15 п.

(⁴) П. С. З. о епископахъ 10 п.; домы училищные 16 и 26 пп.; указа № 4021. По словамъ автора «молотка на камень вѣры», Яворскому отнюдь не велѣно было ставить въ священники не наученыхъ по малой мѣрѣ катихизиса и 10 заповѣдей. Чист. 394. № 2352, 8.

ны бываютъ, которымъ сперва досадно кажется, но когда выучатся, потомъ благодарятъ, что явно изъ всѣхъ нынѣшнихъ дѣлъ,—не все-ль неволею сдѣлано, и уже за многое благодареніе слышится, отъ чего уже плодъ произошелъ"; „дѣти въ волѣ, безъ наказанія и страха возвращенныя... обыкновенно въ бѣды впадаютъ, но случается послѣ, что и родителямъ пагубу приносятъ" (¹). Прикладывая подобные педагогическіе пріемы къ воспитанію сына наслѣдника и своихъ ближайшихъ учениковъ-сотрудниковъ, Петръ захотѣлъ заставить и другихъ русскихъ браться за ученье „неволею". или лишеніемъ права жениться, часто собственноручно узаконялъ суровыя наказанія учащимся со стороны учителей и начальниковъ, наблюдавшихъ за ученьимъ воспитаніемъ (²). Но съ другой стороны Петръ давалъ приказанья принимать въ ученье охотниковъ только, людей, склонныхъ къ какому нибудь роду знаній (³).—Педагогическія понятія Петра какъ будто не были тверды, колебались. Онъ придавалъ значеніе и ученью по охотѣ и въ тоже время не прочь былъ заставить иныхъ учиться самыми крутыми мѣрами (⁴). Эти колебанія имѣютъ, мнѣ кажется, своимъ источникомъ то двойственное направленіе, которое стало замѣчаться въ педагогическихъ взглядахъ общества. Съ одной стороны въ большинствѣ общества господствуютъ старыя „домостроевы" взгляды на воспитаніе. Съ другой стороны пробираются въ общество понятія о воспитаніе въ другомъ родѣ. Нѣкоторыя изъ русскихъ побывали за границей; одинъ изъ нихъ Матвѣевъ описываетъ, что его поразило между прочимъ: „въ обращеніи съ дѣтьми (во Франціи) нѣтъ ни малѣйшей косности, ни ожесточенія отъ своихъ родителей, ни отъ учителей и отъ наказанья словеснаго паче, нежели отъ побоевъ, въ прямой волѣ и смѣлости воспитываются". Италіянецъ Каселсъ предлагалъ для посылки въ Италію обучаться тамошнимъ художествамъ выбрать „охочихъ" изъ молодыхъ русскихъ людей и опредѣлить къ

(¹) П. С. З. №№ 3781, 4385, 3485, предисловіе.

(²) П. С. З, №№ 4291, 2762, 2788 и др.

(³) П. С. З. № 4381, 1 п. Устр. III, 426, № 3937, часть II, гл. IV, 2 п,

(⁴) Эти колебанія замѣтны и на другомъ лицѣ—Полякарповѣ, который сначала признавалъ необходимость наказанія, а потомъ писалъ: «сомнѣваюсь, дастся ли своевольнымъ наука?» Пекарск. I, 176, Солов. XVI, 307.

наученью всякаго „по своей склонности“ ([1]). Въ проектѣ академіи наукъ, принадлежащемъ, вѣроятно, Петру Курбатову, между прочимъ сказано: „надо ученикамъ или и студентамъ объявить, что ученье ихъ не яко бы они тѣмъ обременены были силою, но почитали бы они сіе замилость его и. в., и того ради не всякаго надобно къ сему допускать, но кто къ сему склонность будетъ имѣть“ ([2]). Перваго рода понятія остались господствующими. Что Петръ чаще склонялся на сторону принужденія, суровыхъ наказаній; это объясняется отчасти и его нетерпѣливымъ, раздражительнымъ характеромъ. Это свойство характера вредитъ въ педагогической дѣятельности. Петру же, какъ учителю народа, очень часто приходилось встрѣчаться съ равнодушіемъ или упорствомъ своихъ учениковъ, и онъ считалъ нужнымъ прибѣгать къ угрозамъ и наказаніямъ.

Сказавъ вообще о прямыхъ средствахъ обученія народа: объ учителяхъ и учебныхъ пособіяхъ, о важнѣйшихъ вспомогательныхъ средствахъ и мѣрахъ, а также и о понудительныхъ, употреблявшихся Петромъ Великимъ для обученія своего народа, я перейду къ болѣе подробному изложенію упомянутыхъ средствъ и мѣръ и примѣненія ихъ къ русской жизни, причемъ прежде всего изложу обученіе военному искусству и морскому дѣлу, такъ какъ на этотъ предметъ было больше обращено вниманія Петромъ Великимъ по упомянутой выше особенной склонности государя къ этого рода знаніямъ и по обстоятельствамъ политическимъ.

Первымъ *началамъ военнаго искуства*: строевой службѣ, ружейнымъ пріемамъ и стрѣльбѣ,—что называлось еще экзерцицiей,—обучали всѣхъ; назначенныхъ въ военную службу Петръ началъ заботится объ этомъ еще во времена потѣшныхъ походовъ, призывая разнаго рода служивыхъ людей „для ученія ратному строю“, подъ угрозой великой опалы безъ всякаго милосердія за ослушаніе ([3]).—Впослѣдствіи онъ въ составленномъ имъ „воинскомъ уставѣ“ велѣлъ заботиться объ обученіи армейскихъ солдатъ полковникамъ и всѣмъ штабъ-и оберъ-офицерамъ; ротному писарю велѣно было въ

([1]) Пекарск. I, 155. П. С. З. № 4600.
([2]) Пекарск. I, 59—61 гл. VI, 1 п.
([3]) Устрял. II, 178 и 179, 134 и 135.

указное время читать всей ротѣ военные артикулы „для всегдашняго вразумленія въ должности солдатской", какъ сказано было въ одномъ позднѣйшемъ указѣ (1). Матросы также обучались первымъ военнымъ пріемамъ, хотя и меньше солдатъ. „Командиры ротъ корабельныхъ повинны матросовъ, когда они на берегу обрѣтаются,... учить экзерциціи солдатской съ ружьемъ и гранатами два дни въ недѣлѣ, ежели какая работа не помѣшаетъ"; велѣно было также учить стрѣлять въ цѣль (2).—Въ 1720 г. велѣно было недорослямъ съ 10 лѣтъ, дѣтямъ всякихъ чиновъ служилыхъ людей (кромѣ шляхетскихъ),—офицерскимъ, рейтарскимъ, драгунскимъ, солдатскимъ, стрѣлецкимъ и др.—явиться на смотры по губерніямъ, гдѣ годныхъ въ службу изъ нихъ велѣно было „приверстывать въ гарнизонные полки въ солдаты и обучать ихъ непрестанно экзерциціи" (3). Дѣтей шляхетскихъ, также дьячьихъ и подъячьихъ, съ 1712 г. велѣно было цѣлымъ рядомъ указовъ, принявшихъ подъ конецъ грозный видъ, высылать въ Петербургъ на смотръ (4). Большая часть этихъ недорослей предназначалась для военной службы и сначала должна была въ качествѣ рядовыхъ сухопутной или морской гвардіи обучаться „фундаменту солдатскаго дѣла". Такъ въ іюлѣ 1712 г. вѣроятно, послѣ майскаго смотра велѣно было 700 недорослей обучаться въ Москвѣ военному артикулу съ жалованьемъ въ мѣсяцъ по 15 алтынъ съ прибавкой провіанта по полуосминѣ (5).—Этими начальными свѣденіями и ограничивалось обученье большинства русской арміи—простыхъ солдатъ. Научившись развѣ еще отъ офицера молитвѣ „отче нашъ", да изрѣдка грамотѣ и другимъ молитвамъ петровскій солдатъ вступалъ въ другую „трехвременную жестокую школу". походовъ, осадъ и битвъ со Шведами (6).

Меньшинство же военныхъ людей обучали и болѣе упомянутыхъ начальныхъ свѣдѣній.

(1) П. С. З. № 3006 отд. о экзерциціи гл. I и № 4422.
(2) 5-я часть реглам. морскаго гл. XIII, 1 и 2. П. С. З. № 3937.
(3) П. С. З. № 3631.
(4) П. С. З. №№ 2492, 2497, 2652, 2679, 2751, 2988, 3631, 3803, 3816, 3859.
(5) № 2554.
(6) №№ 3006 гл. LXIV, 3122. Солов. XVII, 377, 166.

Такъ матросы, кромѣ общихъ съ солдатами экзерцицій, занимались еще *экзерицiями относящимися къ морскому дѣлу*. Еще до изданія морскаго регламента встрѣчаемъ указъ, гдѣ повелѣвалось офицерамъ каждый день дѣлать съ матросами экзерцицiи пушками, парусами и веревками. Морской регламентъ велитъ разнаго рода командирамъ непрестанно обучать морскихъ служителей экзерцицiямъ преимущественно на корабляхъ, а также ботахъ, шлюпкахъ. Чтобы быть добрымъ и искуснымъ матросомъ требовалось не меньше пятилѣтней службы (1).—Во время пребыванія въ портѣ матросовъ съ каждаго корабля, по пропорцiи, обучали конопатить. Генералъ майору Чернышеву поручено было обучать матросовъ грамотѣ и цифири (2). Матросовъ старались обучить другимъ образомъ,—отдавая ихъ на службу другихъ государствъ. Такъ вмѣстѣ съ каждымъ стольникомъ, отправленнымъ въ 1697 г. за границу, было по одному солдату для изученія морскаго дѣла. По желанію Петра, Матвѣевъ хлопоталъ въ 1703 году о принятiи 4000 русскихъ матросовъ въ голландскую службу, и „чрезъ великiе труды“ удалось ему и Крюйсу выпросить позволенiе, но только на 1000 русскихъ матросовъ (3). Впослѣдствiи закономъ было позволено молодымъ матросамъ 14 и 15 лѣтъ служить на англiйскихъ и голландскихъ корабляхъ для обученiя морскаго хожденія и языковъ съ ручательствомъ родственниковъ, представить ихъ чрезъ 4—5 лѣтъ. Наконецъ правительство заботилось знакомить новыхъ матросовъ съ практическими свѣдѣніями касательно ихъ службы, предписывая отдавать пятаго изъ нихъ на всѣ торговыя русскiя суда, которыя ходили внутри и внѣ государства, также и на тѣ, которыя отправлялись на морскiе промыслы. Когда окажется нужда въ этихъ матросахъ, то велѣно было брать ихъ съ торговыхъ судовъ, отдавая новыхъ на ихъ мѣсто (4).

---

(1) П. С. З. № 2882. Уставъ морской № 3485, кн. III, гл. I 22 п.; 53 п. съ толкованiемъ; кн. I гл. I. 46 и 17. № 3937. Часть II, гл. I, 3, 14 пп. гл. II, V, 3.

(2) № 3559; № 3122 относительно записныхъ матросовъ.

(3) Устрял. II, 516. Семеро изъ великаго посольства поступили на корабли въ матросы (Устр. III, 426). Соловьевъ; XV, 58 и 64.

(4) П. С. З. №№ 3938, I. 76 и 78.

Кромѣ сообщенія немногихъ свѣденій *по артиллеріи* солдатамъ и матросамъ, правительство хотѣло обстоятельнѣе обучить особо предназначенный для этого отдѣлъ войска— пушкарей, или артиллерійскихъ служителей. Обученіе пушкарей флота поручалось цейхмейстру и артиллерійскому офицеру (констаплю). „Морскимъ уставамъ этотъ офицеръ обязанъ былъ, „когда время допуститъ со опредѣленными людьми.... учинить экзерцицію пушками, дабы оные были искусны; когда случится противъ непріятеля дѣйствовать". Въ бытность же флота въ портѣ предписывалось учить всѣхъ пушкарей всему, что надлежитъ къ стрѣльбѣ пушечной на корабляхъ. Для простаго пушкаря ученье не было сложно: считали достаточнымъ, если онъ въ разное время впродолженіи года дѣлалъ 15 выстрѣловъ; кромѣ ученья его употребляли на работу (1).

Но для арміи и флота нужны были артиллеристы, инженеры и моряки, которые владѣли бы *научнымъ спеціально-военнымъ образованіемъ*, а такъ какъ подобное образованіе требовало первоначально знакомства съ ариѳметикой и геометріей, то, еще въ 1700 г. была учреждена въ Москвѣ *математическая школа*, назначеніе которой главнымъ образомъ состояло въ томъ, чтобы подготовлять къ занятіямъ военнымъ искусствомъ. Учителями этой школы были англичане: Фарварсонъ, профессоръ абердинскаго университета, знавшій русскій языкъ, нововводитель арабскихъ цифръ въ Россію, Гвинъ, Грейсъ и русскій—Магницкій. Изъ писемъ Курбатова, подъ вѣденіемъ котораго находилась эта школа, видно, что въ 1703 г. въ ней было до 200 учениковъ всякихъ чиновъ людей; большинство въ это время учились ариѳметикѣ, „человѣкъ съ 10 учатъ радиксы и готовы совершенно въ геометрію, только имѣемъ нужду въ лишеніи инструментовъ... а въ геометріи безъ инструментовъ быти невозможно" (2). О характерѣ занятій въ математической школѣ можно отчасти судить по учебнику Магницкаго. По словамъ г. В., разбиравшаго этотъ учебникъ, собственно ариѳметика въ книгѣ Магницкаго обработана съ бо́льшею полнотою сравнительно съ другими частями: „онъ преимущественно старался указать тѣ случаи, гдѣ можно счесть или измѣ-

(1) П. С З. № 3485, гл. IV. 2. 10. № 3937 часть II, гл. IV, 12.
(2) Пек. I, 122—123, 269. Солов. XV, 99.

рить что нибудь при пособіи ариѳметики. Съ этою цѣлью онъ помѣстилъ въ своей книгѣ множество примѣровъ или прикладовъ... Методъ изложенія истинъ науки у Магницкаго довольно ясный, но, по нашимъ понятіямъ, неудовлетворительный; авторъ учитъ только производить дѣйствія, не представляя причинъ, почему такъ, а не иначе дѣлается". Такого же направленія держался и Копіевскій въ своей ариѳметикѣ. Того же метода направленія держались и въ геометріи; тогдашній учебникъ по этому предмету состоялъ изъ практическихъ задачъ (¹). Не смотря на подобный механическій способъ обученія, мало развивающій мыслительныя способности учащагося,—ученье въ математической школѣ, если вѣрить Курбатову, шло довольно успѣшно: „нынѣ *многіе* изъ всякихъ чиновъ и прожиточные люди *припознали тоя науки сладость* (по словамъ Перри, въ его время въ Россіи людей, знавшихъ ариѳметику, было весьма мало: они считались остроумнѣйшими головами, одаренными блестящими способностями; Пек. I, 269), отдаютъ въ тѣ школы дѣтей своихъ, а иные и *сами* недоросли и рейтарскіе дѣти и молодые изъ приказовъ подъячіе приходятъ *съ охотою не малою*" (²). Такое расположеніе общества къ наукѣ—явленіе чрезвычайно рѣдкое для того времени.

Послѣ знакомства съ математикой можно было приступать и къ основательному изученію *навигаціи*, *артиллерійскаго и инженернаго* искусствъ. Сначала обученье этому происходило при той же математической школѣ. Виніусъ въ письмѣ отъ 1706 г. говоритъ, что онъ „школу математическую ради изученія русскому народу въ наукѣ инженерской, бомбардирской, пушкарской устроилъ" (³). Самое названіе школы—„школа математическихъ и навигацкихъ, т. е. мореходныхъ хитростно искусствъ ученія" показываетъ, что одной изъ главныхъ цѣлей ея было—обучить молодыхъ людей, познакомившихся съ начальными свѣдѣніями по математикѣ, искусству мореплаванія,—сдѣлать изъ нихъ моряковъ. Впрочемъ не всѣ, познакомившіеся съ русской грамотой и цифирной наукой, принимались за изученіе навигаціи, а только дѣти „шляхетскіе". Эти дѣти были не только 12—17 лѣтъ,

(¹) Пекар. I, 270—271, 275—276, 20—21.
(²) Солов. XV, 100.
(³) Пек. I, 206.

но частенько и 20. „Русскій баричъ 17—18 лѣтъ, характеризуетъ Веселаго, считался неразумнымъ младенцемъ и жилъ въ своемъ помѣстьѣ въ самомъ безсознательномъ невѣжествѣ. Капризамъ балованнаго дитяти нерѣдко повиновалось окружающее, и ему, съ самыхъ пеленокъ, подобострастные нянюшки и дядьки вбивали въ голову барскую спѣсь и презрѣнье къ труду и работѣ, какъ дѣлу холопскому.. Нѣкоторые изъ этихъ юношей, еще бывши у себя въ деревнѣ, хаживали на медвѣдя, и естественно, кулачный бой считали однимъ изъ пріятнѣйшихъ препровожденій времени; другіе серьезно придерживались чарочки“. Послѣ знакомства съ ариѳметикой, геометріей и тригонометріей, обращали особенное вниманіе на навигацію. „Изъ астрономіи проходили необходимыя части морской астрономіи и подъ именемъ „географіи“ разумѣли немногія свѣдѣнія изъ географіи математической... Тяжелая схоластическая система преподаванія и новость русскаго научнаго языка до послѣдней крайности затемняли самыя простыя вещи. Надъ тѣми предметами, которые теперь играючи можно предать 13-лѣтнему мальчику не очень быстрыхъ способностей, взрослый ученикъ навигацкой школы убивалъ нѣсколько мѣсяцевъ постояннаго, усерднаго труда, и нерѣдко въ результатѣ оказывалось, что большая часть его знаній состояла въ изученіи безполезныхъ фразъ, пустыхъ опредѣленій и множество научныхъ фокусовъ, только для профановъ кажущихся наукою. Къ этому надо прибавить, что въ первые годы существованія школы, англичане худо знали русскій языкъ, и слѣдовательно уроки ихъ были мало понятны“. Кромѣ ариѳметики Магницкаго, которая включала въ себѣ и курсъ математики въ приложеніи къ мореплаванью, составлялись для навигаторовъ и другіе учебники— по тригонометріи, навигаціи; напечатаны также таблицы логариѳмовъ и тригонометрическихъ линій, таблицы склоненія солнца, географическія и морскія карты. Впрочемъ были и другія средства для образованія юношей. За большіе проступки наказывали плетьми, а на знатныхъ дворянъ, по царскому указу, налагали *пѣты*,—штрафъ за прогульные дни—за 1 день по 5 р., за 2—10, а за слѣдующіе по 15 р., и такихъ штрафовъ разъ накопилось до 8545 р. Но „строгій, часто даже грозный царь, въ своей любимой школѣ, былъ какъ добрый отецъ (среди) своего семейства. Здѣсь онъ уже видѣлъ первые плоды своей мысли,—преобразованія Россіи:

здѣсь начинали понимать его, и всегда, въ свою завѣтную башню часто приходилъ онъ отдыхать отъ трудовъ безпрестанныхъ, горькихъ столкновеній съ упрямствомъ и предразсудками" ([1]). Много для этой школы сдѣлалъ англичанинъ Фарварсонъ. Будучи знакомъ съ русскимъ языкомъ, принимая участіе въ составленіи учебниковъ, онъ кромѣ того, по словамъ Вебера, обучилъ многихъ молодыхъ людей, поступившихъ въ военную и морскую службу, и подготовилъ еще не мало учениковъ для вновь учрежденной морской академіи. Его заслуги подтверждаются и офиціальными свѣдѣніями; одна бумага 1737 г. говоритъ, что съ помощью его „едва-ли не всѣ при флотѣ россійскіе подданные отъ высшихъ и до нисшихъ чиновъ къ мореплаванью въ навигацкихъ наукахъ обучены. Не смотря на званіе профессора и на его труды, Фарварсонъ терпѣлъ нужду. Съ самаго пріѣзда онъ съ своими помощниками жаловался на это въ поданной просьбѣ. Хотя ему и назначено было жалованье въ 250 р., а Гвину и Грейсу по 150, однако онъ въ 1710 г. долженъ былъ униженно молить Апраксина, чтобы онъ напомнилъ о немъ царскому величеству, „для того что невозможно больше и долѣ въ такой скудости жить, какъ я по се число живу". Магницкому шло жалованье въ 90 рублей, а за составленье ариѳметики дано кормовыхъ за 11 мѣсяцевъ 50 р., на 200 учениковъ до 2000 р. ([2]).

Образованіе по другимъ спеціально-военнымъ наукамъ давалось главнымъ образомъ внѣ школы математическихъ и навигацкихъ наукъ.

Такъ въ 1712 г. государь велѣлъ сенату отдать 20 молодыхъ дворянъ *въ артиллерійскую науку* артиллеріи генералъ—майору Гинтеру ([3]). Въ 1717 г. велѣно было цехмейстеру Отто „учить простыхъ ребятъ артиллеріи столько, сколько простому командиру надлежитъ, числомъ 500 или 300 человѣкъ; обучать оныхъ зимою, а лѣтомъ быть во фло-

([1]) Г. Веселаго, авторъ «исторіи морскаго кадетскаго корпуса»—выдержки въ сборникѣ Тихомирова 247—259. Пекарскій I, 123—124. 270—272 II, 597. 286, 654, 655.

([2]) Записки Вебера. Р. Арх. 1872 г. 1361 стр. Пек. I, 122—123, 270. Солов. XV т. 53 прим.

([3]) Указъ у Голикова и въ замѣткѣ Глѣбова о военныхъ школахъ при Петрѣ В. Отеч. Зап. т. XLIV, VIII отд. 91.

тѣ". Впослѣдствіи же вообще на всякаго цейхмейстера возложена была морскимъ регламентомъ обязанность обучать лучшихъ и охочихъ людей изъ пушкарей не меньше 150 артиллерійскому дѣлу съ основанія, такъ чтобы они годились не только въ унтеръ но и въ оберъ-офицеры артиллеріи (1). Наконецъ именнымъ указомъ 13 марта 1721 г. учреждалась артиллерійская школа: „выбрать изъ артиллеріи учениковъ (30) и обучать ихъ при санктпетербургскомъ лабораторномъ домѣ всему, касающемуся до артиллеріи, а также ариѳметикѣ, геометріи и тригонометріи (2)".—Иногда русскіе артиллеристы,—„бомбардиры" обучались своему искусству заграницей. Такъ, уѣзжая въ 1697 г. изъ Кенигсберга, Петръ оставилъ тамъ для изученія артиллеріи 4 бомбардировъ; царевичъ имеритинскій учился бомбардирству въ Гагѣ. Въ числѣ отправленныхъ въ 1699 г. за границу былъ рядовой бомбардиръ, впослѣдствіи суровый управитель военно-учебныхъ заведеній, Скорняковъ-Писаревъ. Въ какихъ близкихъ отношеніяхъ стояли иногда эти учащіеся къ государю, показываютъ отрывки изъ уцѣлѣвшаго письма одного бомбардира Корчмина къ „Петру Михайлову": „мы съ Степкою Бужениновымъ, благодаря Богу, по 20 марта выучили фейерверкъ и всю артиллерію; нынѣ учимъ тригонометрію. Мастеръ нашъ (лейтенантъ артиллеріи),—человѣкъ добрый, знаетъ много и намъ указываетъ хорошо; только намъ въ томъ не полюбился, что проситъ съ насъ за ученье денегъ, а безъ платы пересталъ было и учить: проситъ съ человѣка, хотя по 100 талерей. Пожалуй, батка нашъ, прикажи объ мастерѣ вѣдомость учинить.... Изволишь писать, чтобы я увѣдомилъ какъ Степанъ (т. е. Бужениновъ) не учась грамотѣ, геометрію выучилъ, и я про то не вѣдаю: Богъ и слѣпцы просвѣщаетъ (3)". Элементарнымъ учебникомъ по артиллеріи могла служить книга Бринка: „Описаніе артиллеріи", предназначавшаяся авторомъ для молодыхъ людей, желающихъ изучать артиллерію, а также могла быть, по отзыву Виніуса, „потребна артиллерійскимъ служителямъ" (4).

---

(1) П. С. З. №№ 3122, 3937, ч. II, гл. IV, 2.

(2) Указъ этотъ сохранился, по словамъ Глѣбова, въ выпискѣ въ архивѣ 2-го кадетск. корпуса.

(3) Устр. III, 42, 426, 427. Пекар. I, 276.

(4) Пекар. II, 238, I, 208.

Для обученія *инженерному искуству* въ началѣ 1712 г. Петръ велѣлъ основать въ Москвѣ инженерную школу на 100 или 150 человѣкъ ($^2/_3$ изъ дворянскихъ дѣтей). Успѣли однако набрать только 23 человѣка, и въ концѣ 1713 г. является опять новый указъ,—„набрать въ военной канцеляріи изо всякихъ чиновъ людей, также изъ царедворцовыхъ дѣтей, за которыми есть до 50 дворовъ, семьдесятъ семь человѣкъ, чтобы всѣхъ въ школѣ было не менѣе ста“. Учить ихъ велѣно было сначала ариѳметикѣ, а когда окончатъ ее, геометріи, сколько до инженерства надлежитъ, а потомъ уже отдавать ихъ инженеру учить фортификаціи. Главное наблюденіе за этимъ дѣломъ поручено было полковнику инженеру Декулону. Жалованье учителю, ученикамъ и другіе расходы простирались до 3038 рублей. Черезъ шесть-семь лѣтъ послѣ основанія школы въ 1719 г. изъ семидесяти четырехъ учениковъ ея велѣно было уничить инженерную роту подъ вѣдѣніемъ того-же Декулона, оставивъ при нихъ и инженера и инструменты. На ихъ мѣсто вновь набраны были 100 человѣкъ, также переведенные въ 1724 г. въ инженерную роту. Жалованье ученикамъ этой роты отпускалось сообразно съ ихъ успѣхами въ изучаемомъ искусствѣ (1). Руководствомъ при занятіяхъ, вѣроятно, служила книга Штурма „Архитектура воинская“, изложенная въ формѣ разговора учителя съ ученикомъ (2).—Во время войны за испанское наслѣдство нѣсколько русскихъ училось инженерному искуству подъ надзоромъ знаменитаго въ свое время инженера Кэгорна (голланскій Вобанъ) (3). Изъ писемъ араба Абрама видно, что и онъ учился инженерской наукѣ во Франціи, во вновь открытой тамъ школѣ; ему, какъ и еще нѣкоторымъ русскимъ, назначено было 240 французскихъ ефимковъ на содержаніе, но учащіеся не могли прожить на эти деньги, такъ какъ каждый на эту сумму долженъ былъ и содержать себя, и платить за ученье. Къ тому же это жалованье высылалось неакуратно, притомъ векселями, упавшими въ цѣнѣ. Абрамъ писалъ, что ему съ товарищами грозитъ опасность

---

(1) П. С. З. № 2367, II, 17, №№ 2739 и 4567.
(2) Пек. II, 211.
(3) Idem, I, 10, II, 219.

умереть съ голоду, что они были принуждены отказать учившимъ ихъ мастерамъ за недостаткомъ денегъ и кредита [1].

Военному дѣлу учились еще дѣти Репнина, посланные за границу подъ руководство знаменитаго тогда полководца, принца Евгенія. Какъ истые баричи, вырвавшіеся на свободу, они оставили въ сторонѣ всякій серьезный трудъ. Отецъ писалъ, что по дошедшимъ до него свѣдѣніямъ дѣти его „въ обозѣ живутъ непотребно—со всякимъ непостоянствомъ“, „безпутнымъ житьемъ“, стоятъ ему 15000 рублей [2].

Давать по возможности *высшее военное образованіе*, преимущественно впрочемъ въ наукахъ, касающихся морскаго дѣла, было главнымъ назначеніемъ высшаго петровскаго военно-учебнаго заведенія—морской академіи. Инструкція, данная ей 1-го октября 1715 года [3], даетъ намъ понятіе о внутреннемъ строѣ этого учрежденія. Академія находилась подъ вѣденіемъ адмирала, но непосредственнымъ начальникомъ ея былъ директоръ академіи. Отъ него зависѣли профессора, за преподаваньемъ которыхъ онъ долженъ былъ наблюдать и для этого ежедневно находиться въ залахъ академіи, или классахъ, и особенно ученики. Смотря за прилежаніемъ послѣднихъ и принимая донесенія о поведеніи ихъ отъ полицейской власти академіи, офицера надъ караульными,—директоръ могъ наказывать учащихся. Но это право было особенно тягостно потому, что инструкція, т. е. законъ, стараясь за всякій проступокъ со стороны учащагося непремѣнно опредѣлить наказаніе, въ тоже время не опредѣляла степень этого наказанія для отдѣльнаго случая. Отсюда вытекала возможность почти безграничнаго произвола, тѣмъ болѣе что въ защиту учащагося не было ни одной статьи въ инструкціи. Законъ не допускалъ даже пассивнаго сопротивленія—выхода изъ заведенія. Учителя, хоть и находились „подъ наказаніемъ“, но, конечно, не въ такой степени. Предметами ученья были назначены слѣдующіе: ариѳметика, геометрія, навигація, артиллерія, полевая фортификація, географія, фехтъ или пріемы ружья и воинское обученіе съ мушкетами. Всему этому должно было обучать совершенно. Долговременной же фортификаціи, а также кора-

---

(1) Пекарскій; I, 163—167.
(2) Соловьевъ; XVI, 204.
(3) П. С. З. № 2937.

бельнымъ членамъ, должно было учиться такъ, чтобы только знали, что для чего дѣлается, а рисовать и на раппрахъ, сколько возможно. Наконецъ нѣкоторыхъ велѣно было учить астрономіи (¹). Осталось извѣстіе, что велѣно было въ академіи обучать 30 человѣкъ геодезіи, т. е. „такимъ образомъ въ географическихъ, дѣйствахъ обучить, чтобъ въ каждую провинцію по 2 человѣка для сниманія оной отправлены быть могли" (²). Учебники для разныхъ спеціально-военныхъ школъ могли быть введенными и въ академіи; остается упомянуть только объ учебникахъ по географіи, которую здѣсь проходили „совершенно". До 1718 г. у насъ существовало только одно печатное краткое руководство по этому предмету, изданное въ 1710 г.: „Географія или краткое земнаго круга описаніе", гдѣ на 106 страницахъ in 8° кромѣ общихъ опредѣленій описаны части свѣта и многія государства.

Гораздо полнѣе „Географія генеральная" Варенія, пользовавшаяся тогда извѣстностью и напечатанная на русскомъ языкѣ въ 1718 г. Въ ней авторъ обращаетъ особенное вниманіе не на политическую географію, а на описаніе частей земли и океана, мѣстоположеніе странъ, климатическія явленія, обычаи разныхъ народовъ. Хотя эта книга и назначалась для учащихся, однако переводчикъ ея Поликарповъ находилъ ее многотрудной и премудрой. Только въ 1719 г. была переведена географія Гюбнера, извѣстнаго въ свое время за талантливаго составителя учебниковъ, изъ которыхъ учащіеся легко понимали и усвоивали научныя свѣдѣнія (³).— Ученье начиналось утромъ. Въ 7, а лѣтомъ въ 6 часовъ морская гвардія (комплектъ для морской академіи былъ назначенъ въ 300 учащихся) должна была собираться въ залы академіи „подъ наказаніемъ". Наказаніе грозило и тому, кто въ назначенной залѣ не будетъ присутствовать на молитвѣ о потребной милости отъ Бога, о здравіи его ц. в. и о благополучіи его оружія. Послѣ молитвы долженъ былъ „со всякимъ почтеніемъ и со всевозможною учтивостью сѣсть каждый по мѣстамъ безъ всякой конфузіи, недосадя другъ другу, подъ наказаніемъ. Когда учителя и профессоры учить будутъ, то ученики должны принимать всѣ представленія

(¹) П. С. З. №№ 3271, 3937, 59. Пек. I, 124,
(²) Пекар. I, 348—349, № 4864.
(³) Пекар. I, 345 II. №№ 182, 390 и 410.

ихъ и имѣть надлежащее почтеніе подъ наказаніемъ, никакого крику ни шуму не чинить, ниже время провождать разговоромъ съ другими". При этомъ Петръ прибавилъ собственноручно-написанное приказаніе: „для унятія крика и безчинства выбрать изъ гвардіи отставныхъ добрыхъ солдатъ и быть имъ по человѣку во всякой камерѣ во время ученья, и имѣть хлыстъ въ рукахъ; и буде кто изъ учениковъ станетъ безчинствовать, онымъ бить, не смотря, какой бы онъ фамиліи не былъ, подъ жестокимъ наказаніемъ, кто помянитъ" (1). Но за поведеніемъ морской гвардіи зорко смотрѣли и не во время однихъ занятій. Ежедневно велѣно было разставлять у назначенныхъ дверей караульныхъ. Команда надъ ними поручалась офицеру, на котораго возложена была обязанность надсматривать не только за часовыми, находятся ли они на своихъ мѣстахъ, но и за жившими въ академіи гвардейцами—учениками, чтобы не было пьянства, божбы, ниже богохуленія, чинить рундъ надъ гвардіею каждый часъ днемъ и ночью; послѣ того, какъ пробьютъ тапту (2) отправлять патрули на дворъ академіи и вокругъ ея, чтобы арестовать и посадить въ караульню тѣхъ, которые окажутся внѣ заведенія. Послѣ тапты гвардейцы не должны отлучаться ни изъ камеръ своихъ, ни ночевать въ камерахъ другихъ. Въ другое же время всѣмъ изъ морской гвардіи позволялось отлучаться только за необходимыми причинами и неиначе, какъ только съ позволенія директора академіи, а изъ города только съ разрѣшенія адмирала. Если же бы кто захотѣлъ самовольно отстать отъ академіи,—тотъ отдается подъ военный судъ и судится, какъ дезертиръ (3).—Обширная власть директора, неопредѣленная точными границами и безправіе учащихся вели къ произволу и возможность частаго повторенія поступковъ въ родѣ того, который вызвалъ жалобу навигатора Угримова, подавшаго царю челобитную, что директоръ С. Илеръ билъ его по щекамъ и палкою при всей школѣ (4). Тяжесть положенія, увеличивавшаяся отъ господство-

---

(1) Инструкція морск. академіи. П. С. З. № 2937.

(2) Въ воинскомъ уставѣ сказано: «тапту надлежитъ бить тогда когда еще во 100 саженяхъ въ лице и цвѣтъ платья свободно видѣть возможно». П. С. З. № 3006, LX 4 п.

(3) Инструкц. морск. академіи. № 2937.

(4) Солов. XVI, 309.

вавшей и днемъ, и ночью военной дисциплины доводила учениковъ до того, что они массами бѣжали изъ академіи. Въ 1723 г., когда академіей завѣдывалъ Скорняковъ-Писаревъ, извѣстный своей строгостью и неуживчивостью, изъ 400 воспитанниковъ 116 были въ бѣгахъ ([1]).

Пріобрѣтенныя въ школахъ теоритическія знанія навигаторы или, какъ ихъ еще называли, гардемарины пополняли и прилагали къ практикѣ обученьемъ во флотѣ на морѣ и въ портѣ на верфи, на которой обучалось, ежегодно перемѣняясь, по 20 гардемариновъ.

Завѣдыванье этимъ дѣломъ поручалось (на морѣ) капитану корабля и (въ портѣ) командиру надъ портомъ и особымъ офицерамъ, поставленнымъ надъ гардемаринами. Ихъ обязанности такъ объясняются закономъ: „крѣпко радѣть объ ихъ (гардемариновъ) обученьи", обучать ихъ опредѣленнымъ наукамъ и вообще „крѣпко надъ ними смотрѣть и наказывать",—въ такомъ же порядкѣ „содержать, учить и наказывать, яко лейбъ-гвардію, безъ всякаго изъятія". Ежели не добро будутъ обучать, говорится про офицеровъ, надъ гардемаринами, или въ чемъ ихъ манить, должны дать отвѣтъ, „подъ штрафами и наказаніями". Относительно капитана сказано, что если онъ въ обученіи „лѣпостно поступитъ, тяжкой отвѣтъ будетъ имѣть..., а ежели въ другой разъ то учинитъ, то наказанъ за оное будетъ вычетомъ жалованья или лишеніемъ чина". Наконецъ капитанъ и офицеры должны были представлять вѣдомости объ обхожденіи гардемариновъ, или, какъ пояснено въ другомъ мѣстѣ, роспись, гдѣ означить „поведенія всякаго, поступокъ въ ихъ обученіи и прилежность въ наукѣ". Такимъ образомъ угрожаемые свыше лишеніями и наказаніями за нерадѣніе упомянутые начальники снабжены были относительно своихъ учениковъ правами: учить извѣстнымъ предметамъ (нѣкоторымъ предметамъ обучали мастеровые), слѣдить за нравственностью, оцѣнивать успѣхи, прилежаніе и поведеніе съ правомъ наказывать и представлять отзывы ([2]).

Разсмотримъ подробнѣе постановленія закона относительно обученья и способовъ слѣдить за нравственностью учащихся. На морѣ гардемарины обучались разнаго рода

([1]) Пекарск. I, 276.

([2]) П. С. З. № 3485 кн. III гл. I, 56 п. № 3937. Часть II, гл. XIX 1 и 2 пп. и гл. I, 3 п.

свѣдѣніямъ, преимущественно практическимъ, необходимымъ для матроса и для офицера, „повинны въ наукѣ своей, которую получили въ школахъ, всегда обращаться, для чего опредѣляется имъ время 4 часа въ день, для разныхъ наукъ: полтара часа для штурманскаго обученія, которое имъ долженъ указывать штурманъ корабельный, а офицеръ, приставленый къ гардемаринамъ, повиненъ тогда надсматривать, чтобъ тотъ штурманъ, который ихъ учитъ, отправлялъ должность свою и открывалъ имъ все, что онъ знаетъ въ своемъ художествѣ; полчаса для солдатскаго обученія съ мушкетами и для обращеній воинскихъ, и сіе будетъ указывать имъ ихъ начальникъ; часъ для обученія пушечнаго, какъ въ теоріи, которую приняли отъ офицера артиллерійскаго или констапеля, такъ и въ практикѣ; часъ для обученія корабельному правленію, если время позволяетъ, то повиненъ командовать капитанъ или капитан-лейтенантъ. Ежели капитану самому не досугъ, оной капитанъ прикажетъ гардемаринамъ командовать управленіемъ корабельнымъ, всякому поочередно, ихъ спрашивать и поправливать, въ чемъ не доразумѣютъ, изъяснить случаи, въ которыхъ какое управленіе надобно употребить“. Учились также прилагать къ практикѣ свои свѣдѣнія по навигаціи: „повинны сами брать обсервацію, т. е. усматривать высоту мѣста и прочее, нужное къ ихъ мореплаванію“ (¹).—Въ бытность въ портѣ гардемарины обучались въ недѣлю 2 часа инженерному искуству, 2 часа навигаціи, 4 часа въ палатѣ, гдѣ корабельные мастера и искусные офицеры будутъ имъ по правиламъ толковать строеніе кораблей и пропорціи всѣхъ частей въ кораблѣ, 2 дни въ мѣсяцъ экзерциціи солдатской. Въ тѣ дни, когда они въ другія науки не ходили, велѣно было обучать ихъ стрѣльбѣ изъ ружья и изъ пушекъ, какъ учили матросовъ, пушкарей и солдатъ“ (²). Наконецъ гардемарины должны были ходить учиться боцманской работѣ и работать своими руками, также быть при валяньи (?) кораблей и присматривать, какъ то отправляется, $1\frac{1}{2}$ или 2 часа (³).

Чтобъ успѣшнѣе слѣдить за нравственностью гардема-

(¹) П. С. З. № 3482. Кн. Ш гл. I 53 и гл. XX, 2 и 8.

(²) П. С. З. № 3937. Часть II морск. регл. XIX. 3 п. Здѣсь былъ еще особый начальникъ обер-сарваеръ.

(³) П. С. З. № 3937. о управл. адмиралт. гл. XII; 8 п. Часть II морск. регл. гл. XIX, 7 п.

риновъ, начальство выбирало себѣ помощниковъ изъ тѣхъ гардемариновъ „которые лучше и прилежнѣе въ наукахъ". Эти товарищи-начальники назывались сержантами и карпоралами и у нихъ были свои дивизіи (1). Заботы о нравственномъ воспитаніи не простирались дальше разнаго рода полицейскихъ запретительныхъ понудительныхъ и карательныхъ мѣръ. Такъ приказывали присутствовать на молитвѣ; за неисполненіе этого рядовые (а слѣд. и гардемарины?) наказывались кошками, офицеры же штрафомъ, начиная съ 25 копѣекъ и увеличивая далѣе вдвое; приказывали заботиться о чистотѣ ружья и платья; запрещали привозъ вина, женщинъ на корабль (2), а въ портѣ сержанты и корпоралы должны были „въ квартирахъ, гдѣ гардемарины живутъ, спрашивать хозяевъ о житьѣ оныхъ гардемариновъ, и ежели явятся непотребно живущіе, о тѣхъ доносить опредѣленнымъ офицерамъ". Во время занятій въ школахъ порта велѣно было сержантамъ и карпораламъ смотрѣть, чтобы между гардемаринами было тихо. Подобно морской академіи у дверей всякой школы (класса) офицеры разставляли часовыхъ, чтобы безъ вѣдома офицера никого не выпускать. Въ отпускъ съ Котлина въ Петербургъ можно было отправляться только съ разрѣшенія главнаго командира надъ портомъ, а въ домы—адмиралтейской коллегіи, кто не явится въ опредѣленный срокъ, имѣетъ быть наказанъ, „какъ солдатъ" (3).

Неплюевъ въ своихъ запискахъ замѣтилъ, что при опредѣленіи его гардемариномъ во флотъ, ему съ товарищами выдали паруссиные бостроки и назначили 2 р. 40 к. мѣсячнымъ жалованьемъ (4).

Кромѣ изученія искуства мореплаванія дома, русскіе учились ему и заграницей. Въ предисловіи къ морскому регламенту сказано, что Петръ „многое число благородныхъ послалъ въ Голландію и иныя государства учиться архитектуры и управленія корабельнаго" (5). Трудно съ точностью опредѣлить какъ велико было это „многое число благородныхъ". Извѣстно, что въ 1697 г. послано было 50 столь-

---

(1) 2 части морск. реглам. гл. XIX, 5 п. № 3937.
(2) Морск. уставъ кн. IV, гл. I № 3485.
(3) П. С. З. 2 части морск. регл. гл. XIX 10, 5, 6, 11 и 12 пп.
(4) Отечеств. Зап. 1823 г. ч. XVI, 173.
(5) Устр. II, 400.

никовъ и спальниковъ; въ промежутокъ времени между 1713—1715 гг. только въ Голландіи было въ навигацкой наукѣ 22 человѣка изъ самыхъ знатныхъ фамилій. Въ 1717 г. было послано 47 навигаторовъ, „дворянскихъ дѣтей". Кромѣ Голландіи посылали учиться въ Италію, Англію, Францію, Испанію (¹). Предметы занятій главнымъ образомъ вращались около наукъ и искусствъ, необходимыхъ для морскаго дѣла, хотя всетаки не всегда были одинаковы. Такъ инструкція, данная Толстому, обязывала 1) знать чертежи или карты, компасы и прочіе признаки морскіе; 2) владѣть судномъ, какъ въ бою такъ и въ простомъ шествіи, и знать всѣ снасти и инструменты, къ тому принадлежащіе: паруса, веревки, а на каторгахъ и на иныхъ судахъ весла и пр. 3) сколько возможно, искать того, чтобъ быть на морѣ во время боя, а кому и не случится, и то съ прилежаніемъ того искать, какъ въ то время поступать. 4) Ежели кто захочетъ впредь получить милость большую, по возвращеніи своемъ научился бы знать, какъ дѣлать тѣ суда, на которыхъ они искушеніе свое примутъ (²). Подобнымъ практитескимъ знакомствомъ съ морскимъ дѣломъ не всегда ограничивалось изученье его. Многіе знакомились съ научной стороной и изучали другія искусства. Такъ Неплюевъ послѣ практическаго знакомства съ наукой галернаго плаванія и послѣ участія въ битвахъ съ Турками учился въ кадикской академіи: „артикулу солдатскому, повседневно математикѣ, повседневно артиллерійскому искуству, на шпагахъ биться, танцовать". Семь русскихъ гардемариновъ въ Тулонѣ учились, кромѣ сейчасъ упомянутыхъ наукъ, инженерству, „рисовать мачтабы", кораблестроенію, боцманству, на лошадяхъ ѣздить (³). Князь Иванъ Андр. Щербатовъ писалъ про себя въ 1719 г., что онъ, кромѣ того, что всѣми силами старался быть въ практикѣ на военныхъ англійскихъ корабляхъ, научился еще отчасти ариѳметикѣ, геометріи, тригонометріи, астрономіи и навигаціи (⁴). Наконецъ всѣмъ учащимся не-

---

(¹) Пекар. I, 142; П. С. З. №№ 2999, 3058, 3067. и Записки Неплюева; Отеч. Зап. 1823; XVI, 176 и 180.

(²) Поповъ Путешествіе Толстаго. 6—7. объ исполненіи этой инструкціи 30—31, 55, 67—68.

(³) Отеч. Зап. за 1824 г. XIX, 250, 234.

(⁴) Пекар. I, 244.

обходимо было познакомиться съ языкомъ тѣхъ земель, въ которыхъ они учились или по крайней мѣрѣ съ латинскимъ. Трудно давалась большинству вся эта наука. М. М., меньшой Голицынъ, одинъ изъ учившихся въ 1711 г. въ Голландіи навигацкой наукѣ, знавшій только природный языкъ, тяготился своимъ положеніемъ „наука опредѣлена самая премудрая; хотя мнѣ всѣ дни живота моего въ той наукѣ себя трудить, а не принять будетъ, для того—не знамо учитца языка, не знамо науки". По словамъ Голицына, даже и для знакомыхъ съ латинскимъ языкомъ навигацкая наука оставалась трудной: „и тѣ въ три годы ни единъ человѣкъ ни половины окончать не можетъ" (¹). Если прибавить еще, что многимъ, незнакомымъ съ моремъ, приходилось переносить морскую болѣзнь, то понятно, что нужно было „понужденіе (къ) навигацкой наукѣ" (²) для учащихся ей за границей отъ лицъ, назначеныхъ для наблюденія за учениками. Но часто эти наблюдатели (письма Львова, Конона Зотова) оказывались безсильными не только принуждать къ ученью, но даже сдерживать своихъ соотечественниковъ. При внушающей если не отвращеніе, то ровнодушіе наукѣ, при отсутствіи всякой здоровой, привлекательной дѣятельности, учащейся молодежи оставалось направиться въ другую сторону и мѣрить свои силы количествомъ выпитаго вина и совершать буйные подвиги надъ своими и чужими. Это тѣмъ болѣе было возможно, что нравственныхъ сдержекъ, пріобрѣтаемыхъ большею частью съ молодости здоровымъ воспитаніемъ, не было, а внѣшнія—оказывались слабыми. Денежныя средства гардемарины также успѣвали находить себѣ: однимъ присылали деньги изъ дома, другіе входили въ долги. „Увѣдомились мы, говорится въ именномъ указѣ кн. Гагарину 1710 г. (³), что къ посланнымъ за море въ науку вашей братьи дѣтямъ, которые съ кн. Ив. Львовымъ, переводятъ отцы ихъ и братья, и прочіе свойственники для довольства имъ вексели черезъ иноземцевъ на великое число денегъ, мимо адмиралтейскаго приказа, отчего они тамъ живутъ въ волѣ и гуляютъ, а ученья принимаютъ мало". Подметное письмо изъ Голландіи подтверждаетъ этотъ указъ „нѣкоторые изъ нихъ („русскихъ господ-

(¹) Пекарск. I, 143.
(²) Тамъ-же, 142.
(³) П. С. З. № 2289.

чиковъ" живутъ) уже по закладнымъ и попродали вещи и деревни и деньги иждиваютъ въ безчиніи". Про долги англійскихъ навигаторовъ Львовъ писалъ: „не могу ихъ оплатить, а нынѣ пишутъ, что хотятъ уже въ тюрьмы сажать за долги"…. хотя бы вы изволили прислать 5000 фунтовъ, я чаю мало будетъ на англійскихъ навигаторовъ. Упомянутое выше подметное письмо говоритъ про трехъ братьевъ Шереметьевыхъ, которые, бывъ въ Венеціи, задолжали и не были выпущены, чего ради долженъ былъ одинъ изъ нихъ ѣхать въ Русь для денегъ на окупъ братьевъ, кои между тѣмъ сидѣли за карауломъ" ([1]). И дѣйствительно, русскіе „гуляли". Изъ Англіи шли въ 1711 году извѣстія, что навигаторы „научились тамъ больше пить и деньги тратить"; что одинъ изъ московскихъ вышибъ англичанину глазъ ([2]). Въ 1717 г. Кононъ Зотовъ писалъ царю изъ Парижа: „господинъ маршалъ Д'Этре призывалъ меня къ себѣ и выговаривалъ мнѣ о срамотныхъ поступкахъ нашихъ гардемариновъ въ Тулонѣ: дерутся часто между собою и бранятся такою бранью, что послѣдній человѣкъ здѣсь того не сдѣлаетъ. Того ради обобрали у нихъ шпаги". За тѣмъ вскорѣ новое письмо: „гардемаринъ Глѣбовъ покололъ шпагою гардемарина Борятинскаго и за то за арестомъ обрѣтается. Господинъ вицеадмиралъ не знаетъ, какъ ихъ приказать содержать, ибо у нихъ такихъ случаевъ никогда не бываетъ, хотя и колются, только честно на поединкахъ лицемъ къ лицу" ([3]). Подобное же было и въ средѣ товарищей Неплюева. У двоихъ изъ нихъ А. А. А. (Алексѣя Арбугова?) и Квашнина-Самарина, передавалъ впослѣдствіи Неплюевъ, „ссоры и драки были въ Венеціи, въ Корфу сея зимы; и А. А. послѣ драки въ Корфу говорилъ: ежели-де Вас. Самаринъ на предки будетъ меня бить, то я его заколю, понеже я съ нимъ драться не смогу". Черезъ нѣсколько времени, проигравши въ трактирѣ, разъ въ карты до поздней ночи, они вышли вдвоемъ, и на дорогѣ А. А. закололъ шпагой Самарина (о причинахъ, которыми хотѣлъ было оправдать себя убійца, издатель „Записокъ Неплюева" умалчиваетъ, „щадя чувствительность читателя").

([1]) III прилож. кн. XVI т. Ист. Росс. Соловьева. 406 стр. Пекар. I, 141.

([2]) Пек. I, 141.

([3]) Солов. XVI, 302.

Когда утромъ товарищи спрашивали А., зачѣмъ онъ замываетъ кафтанъ (бывшій въ крови), А., чтобы представить объясненіе, которое не возбуждало бы ихъ сомнѣній, сказалъ: „вечоръ я былъ пьянъ и облилъ кафтанъ краснымъ виномъ", и только другое обстоятельство открыло виновника преступленія (1).—Впрочемъ не всѣ вдавались въ разгулъ; иные избирали другой путь,—были случаи, что навигаторы шли въ монахи: такъ вологодскій помѣщикъ Иванъ Морковъ, посланный въ Венецію для навигацкой науки, ушелъ оттуда въ Россію и постригся; товарищъ же Неплюева, Прозоровскій, скрылся на афонскую гору (2). Только опасеніе за будущее, только страхъ передъ „страшнымъ судомъ", какъ сравниваетъ Неплюевъ экзаменъ при царѣ, только опасеніе „превеликаго бѣдствія" „безъ всякія пощады", „престрашнаго гнѣва" монарха (письмо Голицына, Пек. I, 143) могли понуждать навигаторовъ учиться и сдерживать свои буйные порывы. Охотниковъ же до навигацкой науки едва ли было хоть не много.

Выучившихся вышеупомянутымъ наукамъ навигаторовъ назначали офицерами во флотъ. Но и тутъ ученье не должно было оканчиваться, „ибо въ томъ нѣсть зазрѣнія офицерамъ, что они имѣютъ экзерциціи въ своихъ наукахъ". Въ морскомъ регламентѣ сказано: „когда лейтенантъ и унтерълейтенантъ обрѣтаются въ портѣ, то они повинны ходить въ школы, какъ командиръ надъ портомъ опредѣлитъ и быть при ученьи, которое тамо отправляется для обученія офицерскаго (3)".

Въ заключеніе я скажу нѣсколько словъ вообще объ отношеніяхъ, въ какія былъ поставленъ закономъ учащійся военному искуству относительно учителей; такъ какъ и этимъ обусловливается успѣшный ходъ обученья. Въ учителяхъ военнаго вѣдомства замѣтны особаго рода черты. Здѣсь почти *всякій*, выучившійся больше другихъ хоть на столько, чтобы получить званіе офицера, *обязанъ* былъ учить другихъ, не смотря на то, имѣетъ ли педагогическія способности, а главное расположеніе къ дѣлу, которое на него возложили. От-

---

(1) Отеч. Зап. 1823 г. XVI часть 194, 191. 436, 189, 437, 192.

(2) Тамъ-же, 183 и Солов. XVI 306.

(3) № 3937, часть II, гл. VIII. 1 п.

сюда являлась возможность появленія учителей—по не волѣ. Понятно, съ какой ревностью и любовью должны были они относиться къ обученью и ученикамъ. Кромѣ того почти всякій учащій поставленъ былъ въ отношеніи учащагося не только какъ учитель къ ученику, но вмѣстѣ еще какъ военный начальникъ, *командиръ* къ подчиненному. Законъ же гласитъ: „начальнику принадлежитъ повелѣвать, а подчиненному слушаться". Тотъ, кто будетъ непристойно разсуждать объ указахъ отъ начальника, наказывается. Кто будетъ жаловаться при военныхъ людяхъ или гдѣ публично на неисправную выдачу жалованья, наказывается, какъ возмутитель безъ всякой милости. Кто преслушаетъ повелѣніе начальника съ умысломъ или другихъ научать будетъ, оный имѣетъ всемѣрно живота лишенъ быть. Не говоря уже о правѣ начальниковъ наказывать, военный законъ слабо относился иногда и къ жестокостямъ начальника относительно подчиненнаго. Такъ, если кто изъ офицеровъ во время какой нужной работы ударитъ подчиненнаго своего какой нибудь тяжкой вещью (деревомъ, веревкой) по неопасному мѣсту до смерти, и если онъ не имѣлъ на подчиненнаго злобы, это *не почитается за убійство*, „понеже оное не за свою прихоть учинилъ, но наказанъ имѣетъ быть отставленіемъ *отъ чина на время* или *вычетомъ жалованья*, по винѣ смотря, за оное дерзновеніе, что тяжкою вещію а не *обыкновенною билъ*" ([1]). Чтоже могъ дѣлать подчиненный, кромѣ того что слушаться и переносить наказанія? Могъ жаловаться,—жалкое право при господствѣ произвола сильнаго въ судахъ!—Поставленный въ беззащитное положеніе противъ учителя—командира, учащійся былъ лишенъ даже права выразить свой протестъ безмолвнымъ удаленіемъ отъ учащаго,—ему грозило наказаніе какъ дезертиру.—Такимъ образомъ законъ установлялъ между большинствомъ учащихся военному искуству и морскому дѣлу и учащими почти такія же отношенія, какія существуютъ между рабами и ихъ господами.

Послѣ заботъ о распространеніи знаній по военному искуству и морскому дѣлу, Петръ особенно старался распространить, посредствомъ обученія, знанія, необходимыя для *добывающей, обработывающей и передаточной промышлен-*

([1]) П. С. З. № 3485 кн. V. гл. I, 9 и 11 к. съ толкованіемъ 42; гл. V, 60. гл. XV, 111.

ности. Учителями въ этомъ случаѣ были преимущественно иностранцы, призываемые въ Россію умножать промышленное дѣло вообще и обучать при этомъ русскихъ. Однако въ послѣдніе годы царствованія Петра стало оказываться, что „иноземцы - мастера, будучи на фабрикахъ и отживъ сроки, отъѣзжаютъ въ отечество, а по себѣ учениковъ безъ совершенства науки ихъ оставляютъ“, такъ что велѣно было прежде всего свидѣтельствовать вывезенныхъ мастеровъ, знаютъ ли они свое дѣло, и потомъ, ежели окажутся искусными, „со *всѣми* мастерами, которые употреблены будутъ въ какую нибудь фабрику и мануфактуру, договариться, чтобъ они изъ россійскихъ учениковъ при себѣ имѣли и мастерству своему обучали, поставя за то цѣну награжденія и и время, во сколько выучить“ (1).

Въ ученики могли поступать главнымъ образомъ свободные люди всякихъ чиновъ людей. Крѣпостныхъ же людей старались не иначе допускать, какъ только съ отпускной отъ помѣщика, а бѣглыхъ сначала совсѣмъ запрещали принимать, какъ заводчикамъ, фабрикантамъ, такъ и мастеровымъ (2). Но съ 1722 г. замѣтно колебаніе правительства относительно допущенія бѣглыхъ крестьянъ на заводы. Указомъ 18 іюля 1722 г. разрѣшено было до возвращенія государя изъ похода не отдавать бѣглыхъ помѣщикамъ (3). Этотъ указъ не былъ отмѣненъ, и въ указѣ слѣдующаго года (Демидову) также не запрещалось держать учениковъ изъ бѣглыхъ. Исключеніе составляли бѣглые солдаты (4). Въ маѣ же 1724 встрѣчаемъ противорѣчащее предыдущимъ распоряженіе сената: „какъ на заводы, такъ и въ приписныя къ нимъ слободы бѣглыхъ не принимать“ (5).— Петръ не довольствовался добровольно поступающими учениками, онъ издавалъ указы, требовавшіе чего-то въ родѣ небольшихъ наборовъ для обученія какому нибудь мастерству. Такъ въ 1711 году „государь указалъ прислать изъ церковниковъ и изъ служекъ монастырскихъ и изъ дѣтей ихъ 100 человѣкъ, которые были бы лѣтъ по 15 или 20 и умѣющихъ писать“, чтобъ раздать въ ученики къ мастерамъ по разнымъ дѣ-

(1) П. С. З. №№ 4381, 1, 4345, 3 п. 4378, и 25. 10
(2) П. С. З. №№ 3980, 3543, 3309; 4533.
(3) П. С. З. № 4055.
(4) П. С. З. № 4305.
(5) П. С. З. № 4518, 3 п.

ымъ. Потомъ велѣно было адмиралтейской коллегіи опредѣлять сиротъ послѣ умершихъ офицеровъ для обученія, по азсмотрѣнію ея, грамотѣ и въ мастерство, „кто куда пригойны (1)". Кромѣ этихъ мѣръ, касающихся поступленія учениковъ, дальше придется встрѣтиться и частными распоряженіями подобнаго рода.

Для обученія не было устроено особенныхъ школъ, гдѣ ы преподавались теоритическія или даже просто техничекія научныя и практическія свѣдѣнія, кромѣ школъ въ Екаеринбургѣ и въ адмиралтействѣ. Учили же большею частію при самомъ отправленіи дѣла, безъ учебниковъ, и, очень озможно, безъ строгой системы и порядка. „Выписывая и азывая иностранныхъ мастеровъ изъ за-границы, говоритъ фанасьевъ, Петръ въ тоже время посылалъ своихъ подданыхъ въ чужіе края учиться мануфактурамъ и ремесламъ. акія посылки начинаются съ перваго его путешествія по вропѣ. (1698). Въ 1700 г. онъ заставилъ многихъ мѣщанъ ослать своихъ дѣтей на казенный счетъ въ Амстердамъ, ондонъ, Тулонъ, Брестъ и др. извѣстные города, назначивъ, эму именно каждый долженъ учиться. Съ этого времени тправка молодыхъ русскихъ заграницу продолжалась безрерывно, но извѣстія объ этомъ неполны и отрывочны (2)... меннымъ указомъ 3 декабря 1723 г. велѣно было мануфакуръ-коллегіи „для вкорененія мануфактуръ и фабрикъ и для скуства художества посылать въ чужіе краи изъ молодыхъ люй такихъ, которые къ такому обученію склонны, и для того хъ обнадежить, что фамиліи ихъ даны будутъ нѣкоторыя ривиллегіи по разсмотрѣнію ихъ науки, они жъ награждены будутъ для тамошняго ихъ пропитанія жалованьемъ" (3).

Чтобы вполнѣ представить какого рода промышленнымъ аніямъ и въ какихъ размѣрахъ началось обученье при етрѣ, нужно припомнить то большее число фабрикъ, заодовъ и ремеслъ, которое возникло по иниціативѣ государя, исло мастеровъ разнаго рода, выписанныхъ и работавшихъ ь Россіи. Самое основаніе промышленнаго заведенія, мастеркой, даетъ право предполагать, что рабочимъ ихъ придется бучаться тому или другому, мастерамъ придется сообщать

---

(1) П. С. З. № 2499 и № 4227, 4 п.

(2) Государств. хозяйство при Петрѣ В. Совр. 1847. Іюль. 10—11

(3) П. С. З. № 4381, і.

свѣдѣнія, не дожидаясь объ этомъ указовъ свыше. Подробнымъ свѣдѣніямъ объ обученьи повсюду трудно было сохраниться; факты же, почерпнутые изъ законодательства, не раскроютъ всѣхъ, но только главнѣйшія стремленія и усилія Петра въ дѣлѣ обученья народа промышленности.

Желая развить горное дѣло въ Россіи, Петръ старался научить свой народъ *добывать руды и обдѣлывать добытое.*

Въ 1710 г. въ жалованной грамотѣ греку Левандіану, ставится ему въ заслугу то, что онъ на основанныхъ имъ серебряныхъ заводахъ въ Нерчинскѣ „выучилъ тамошнихъ жителей нѣсколько человѣкъ тому мастерству". Въ 1711 г. говорится о русскихъ ученикахъ руднаго дѣла,—всѣхъ ихъ велѣно было послать въ сибирскую губернію: тамъ по сыску явились серебряныя и желѣзныя руды. Ученикамъ шло жалованье (1).

Болѣе обстоятельныя свѣдѣнія сохранились объ ученьи на мѣдныхъ и желѣзныхъ заводахъ.

Извѣстно, что Петръ всегда принималъ близко къ сердцу все, способствовавшее развитію у насъ горнаго дѣла. Самыми дѣятельными помощниками въ этомъ случаѣ явились Татищевъ и Геннингъ, или Геннинъ; особенно много они сдѣлали для сибирскихъ заводовъ, можно сказать, создали ихъ. Что касается до обученія горному дѣлу на заводахъ, то прежде всего укажемъ на интересный въ этомъ отношеніи, хотя и неподтверждаемый, кажется, другими свидѣтельствами отрывокъ одного извѣстія, полученнаго Веберомъ изъ Петербурга. Онъ приводитъ его въ своихъ Запискахъ: „въ настоящее время (1718) царь повелѣлъ уже устроить въ своей резиденціи, въ Петербургѣ, небольшой горный заводъ съ двумя плавильными печами, серебро и мѣдно обжигательныя печи, бродильный и среброочистительный горны для того чтобы съ одной стороны показать русскимъ операціи, какимъ образомъ разработываются извлеченныя рудокопомъ изъ шахты руды и розсыпи, а съ другой чтобы нѣкоторымъ образомъ практически обучить и приохотить особенно способныхъ русскихъ людей къ плавленью металловъ и вообще къ горнозаводскому дѣлу" (2). Для той же цѣли во время пребыванія въ 1719 г. на петровскихъ заводахъ Петръ велѣлъ набрать 300 человѣкъ въ науку къ ору-

(1) П. С. З. №№ 2259; 2370 и 2438.

(2) Вебера Записки. Р. Архивъ 1872 г. 1624 стр.

жейному дѣлу и въ прочимъ (здѣсь плавили желѣзо, лили пушки и др. орудія). Впродолженіи года успѣли опредѣлить только 62 человѣка, назначивъ имъ ученичье жалованье, какъ прежде было ихъ братьи. На этихъ заводахъ за ходомъ дѣла часто наблюдалъ самъ царь (¹).

Теперь о Татищевѣ и Геннингѣ. Татищеву было поручено завѣдыванье сибирскими заводами только въ 1720 г. Съ нимъ, кромѣ нѣсколькихъ мастеровъ, отправились еще 4 ученика артиллерійской моск. школы и двое рудныхъ учениковъ съ олонецкихъ заводовъ. Вскорѣ по пріѣздѣ обнаружился недостатокъ въ знаніяхъ, недостатокъ въ мастерахъ и людяхъ грамотныхъ. И вотъ „лѣтомъ 1721 г., разсказываетъ г. Чупинъ въ своей брошюрѣ о Татищевѣ, съ разрѣшенія бергъ коллегіи учреждены были имъ школы въ Кунгурѣ и въ Уктусскомъ заводѣ, въ которыя собраны умѣющія грамотѣ дѣти подъячихъ и церковнослужителей, а въ уктусскую школу поступили кромѣ того многіе сыновья мастеровъ, рабочихъ и солдатъ. Въ этихъ школахъ назначено было обучать ариѳметикѣ, геометріи и *прочимъ горнымъ дѣламъ*. Главною цѣлью ученья было приготовленье къ службѣ горной... Татищевъ просилъ учителей у сибирскаго губернатора, но получилъ въ отвѣтъ, что „для обученія ариѳметики и геометріи въ Тобольскѣ умѣющихъ нынѣ нѣтъ". Поэтому онъ поручилъ обучать въ этихъ школахъ, изъ за должности шихтмейстерамъ (рудничнымъ смотрителямъ) изъ артиллерійскихъ школьниковъ... Учащимся въ школахъ сиротамъ и дѣтямъ бѣдныхъ родителей Татищевъ съ Бліеромъ 24 дек. 1721 г. опредѣлили каждому по полтора пуда въ мѣсяцъ ржаной муки и по рублю въ годъ на платье; а тѣмъ, у которыхъ отцы зажиточные, либо, находясь при церквахъ или въ службѣ заводской, получаютъ болѣе 10 рублей въ годъ, ничего отъ казны не выдавать, пока не начнутъ учить тройнаго правила: тогда и имъ выдавать тоже содержаніе, какое назначено сиротамъ. Кромѣ учениковъ, взятыхъ въ школу для приготовленія къ горной службѣ, (Татищевъ) велѣлъ принимать и постороннихъ желающихъ, „имая себѣ за трудъ отъ родителей по возможности ихъ, а отъ неимущихъ ничего не требовать".—Въ одной изъ школъ въ августѣ 1721 г.

(¹) П. С. З. № 3551 и Афанасьевъ. Іюль, 31 стр. Въ 1725 г. на казенныхъ заводахъ было 22 мастера, 33 подмастерья, 249 учениковъ и горныхъ работниковъ (Афан.).

было 29 учениковъ, и двое изъ нихъ учили уже тройное правило, а въ другой къ началу 1722 г.—двадцать семь (1).

Мѣсто Татищева, отозваннаго въ концѣ 1721 года въ Москву, занялъ Геннингъ, знатокъ горнаго дѣла. Инструкціей, данной ему, предписывалось обратить вниманіе на литье пушекъ, дѣлать укладъ, сталь, жесть, досчатое и кровельное желѣзо, устроить машины для рѣзанья желѣза и для проволочнаго дѣла „и которые похотятъ тому всему отъ партикулярныхъ заводовъ учиться, и такихъ учить". Къ сожалѣнію, болѣе извѣстны факты о его неутомимой дѣятельности вообще по умноженію и исправленію заводовъ, а не его заботы объ обученьи русскихъ. Извѣстно напр., что на мѣдноплавильнѣ кунгурскаго уѣзда онъ надѣялся съ плавкой металла начать обученье русскихъ людей, далъ Демидову плавильнаго мастера для очищенія мѣди и обученья его людей и хотѣлъ послать къ нему горнаго ученика для указанья, какъ вести штольны и шакты. Имъ же была выстроена и школа въ Екатеринбургѣ, гдѣ стали обучать горнымъ наукамъ. Во время же управленія Геннинга, при посредствѣ Татищева, состоялся указъ объ устройствѣ фабрики, гдѣ-бы обучали крестьянъ дѣлать складные и столовые ножи, ножницы, бритвы и т. п. желѣзныя издѣлія. Всѣ эти свѣдѣнія, такъ заботливо распространяемыя Петромъ, Татищевымъ и Геннингомъ, носили характеръ элементарныхъ. Но ими не удовольствовался Татищевъ. Въ сентябрѣ 1724 г. онъ сдѣлалъ слѣдующее предложеніе въ своей вѣдомости о сибирскихъ заводахъ: „потребно послать въ Швецію молодыхъ людей для обученія, чтобъ они могли онымъ великимъ и древнимъ строеніямъ и множеству разныхъ рудъ въ дѣйствѣ примѣниться, дабы съ таковымъ основательнымъ ученіемъ достойную мзду государству воздать могли". Эта мысль нашла энергическую поддержку въ Петрѣ. Поручивъ русскому посланнику Бестужеву добиться позволенія у шведскаго сената на помѣщеніе русскихъ учениковъ, онъ вскорѣ отправилъ съ Татищевымъ 22 учениковъ адмиралтейской и артиллерійской школъ. Татищеву удалось все устроить уже послѣ смерти Петра.

---

(1) Чупинъ. Василій Никитичъ Татищевъ и первое его управленіе уральскими заводами (изъ Пермск. губ. вѣд.); 6, 8, 25—27.

(2) П. С. З. №№ 3986 1 и 2 пп., 4529 7 п. Афан. Іюль. 23,25—26,28. Поповъ, Татищевъ и его время; 44 и 54 и др.

Въ 1712 г. велѣно было губернаторамъ выучить около 300 кузнецовъ и столяровъ дѣлать ружья. Въ случаѣ же недостатка ружейныхъ мастеровъ по губерніямъ, велѣно выслать такое же число на тульскіе оружейные заводы, снабдивъ деньгами, провіантомъ и одеждой на дорогу. Указомъ слѣдующаго года опредѣлено, по скольку именно на человѣка,— по 10 алтынъ, по полуосьминѣ, по мундиру сермяжному и по шубѣ. Этотъ же указъ говоритъ, что отъ посланныхъ на тульскіе заводы иные бѣжали съ дороги или съ заводу (¹).

Въ 1717 г. велѣно было компаніи Томилина, братьевъ Рюминыхъ съ товарищами, устроить игольный заводъ „и русскихъ людей тому игольному мастерству обучать, а во ученье брать въ Москвѣ и въ Рязани изъ бѣдныхъ и малолѣтнихъ, которые ходятъ по улицамъ и просятъ милостыни, и тѣмъ ученикамъ быть при томъ дѣлѣ до совершеннаго возраста, а провіантомъ и платьемъ содержать ихъ компанейщикамъ на своемъ коштѣ". Въ 1722 году копманія извѣщала, что мастеровъ и учениковъ съ 40 человѣкъ могутъ иглы дѣлать сами, и новымъ указомъ подтверждено „россійскій народъ обучать во всемъ противъ заморскаго дѣла иглъ" (²).

Кромѣ упомянутыхъ заводовъ и фабрикъ учились обработкѣ металловъ и на другихъ (³).

Впрочемъ не на однихъ фабрикахъ и заводахъ хотѣли учить русскихъ. Такъ въ 1715 году Петръ велѣлъ сыскать изъ шведовъ кузнецовъ добрыхъ, взять во всякую губернію по 2 человѣка и велѣть имъ учить кузнечному дѣлу русскихъ, въ которой губерніи сколько содержать можно (⁴). При типографіяхъ учили гравировальному художеству, пунсонному и словолитному дѣлу.

Въ извѣстіяхъ о типографіяхъ XVIII столѣтія Пекарскаго упоминаются нѣсколько русскихъ, обучавшихся у Шхонебека, „грыдорованнаго дѣла мастера" Пикарда и Никитина. Въ основанной по именному указу въ 1711 году петербургской типографіи для обученія россійскаго народа ти-

(¹) П. С. З. № 2575, 2736 и 2806.

(²) П. С. З. № 4006.

(³) Въ какихъ размѣрахъ шло обученье напр, на нѣкоторыхъ желѣзныхъ и оружейныхъ заводахъ, можно отчасти судить по слѣдующимъ цифрамъ: на екатеринбургскихъ мастер. подмаст. и учен. было 365
— казенныхъ сибирскихъ 506
въ 1725 г. въ литейномъ домѣ въ Спб. . . . . . . раб. 921 (Афан.).

(⁴) П. С. З. № 2898.

пографскому дѣлу, по словамъ директора этой типографіи Аврамова, „пунсонному и словолитному дѣлу изъ русскихъ людей пунсоны дѣлать и литеры отливать обучились мастерствомъ не хуже иноземцевъ, а грыдоровальныхъ дѣлъ мастеры и живописецъ здѣсь же въ дѣлахъ тѣхъ, а наипаче въ рисованіи наилучшую науку получили, изъ которыхъ Алексѣй Ростовцовъ не токмо грыдоровальному мастерству, но и небеснымъ и земнымъ глобусамъ обучился, которые при домѣ его и. в. въ своихъ мастерствахъ чужестранными мастерами достойными быть засвидѣтельствованы". По словамъ Голикова велѣно было въ 1719 году Скорнякову-Писареву отправить въ Москву для обученія гравированью двухъ геодезистовъ (1).

Добыванію и обработкѣ металловъ русскіе учились и за границей. Въ 1711 г. упоминается рудныхъ дѣлъ мастеръ Зубковъ, который, „былъ того руднаго дѣла въ Саксоніи во ученьи". Впослѣдствіи было поручено Татищеву взять изъ школъ молодыхъ людей и раздать въ Швеціи для наученія горному дѣлу, и онъ, дѣйствительно, роздалъ 16 русскихъ учениковъ на разные шведскіе заводы. Въ бытность въ Амстердамѣ Неплюевъ встрѣтилъ русскихъ, учившихся мѣдному ремеслу. По словамъ Соловьева, отъ 1722—24 г. возвращались домой учившіеся въ Англіи, Голландіи и Франціи русскіе мастеровые; между ними мастеровъ замочнаго и мѣднаго дѣла 4, мѣднаго литейнаго дѣла 2, грыдоровальнаго одинъ. Давъ имъ вспоможеніе на первое обзаведеніе, объявили, чтобы они учили русскихъ учениковъ (2).

Петръ заботился обучать русскихъ и *обработкѣ минераловъ*.

Въ 1724 году въ письмѣ къ Куракину о томъ, чтобы онъ отыскалъ мастера, умѣющаго выдувать круги стеклянные прямо и чисто, съ подмастерьемъ, Петръ предполагаетъ поставить такому мастеру однимъ изъ условій то, „чтобъ онъ и русскихъ выучилъ".—„Немедленно по возвращеніи изъ путешествія, Петръ послалъ нѣсколько молодыхъ людей изъ мѣщанъ въ Голландію для изученія каменнаго мастерства и лучшаго способа обжигать кирпичъ и выписалъ изъ Голландіи каменщиковъ и кирпичниковъ

(1) Пекарскій; II, 648, 650—652, 656, 659—660, 667—668.

(2) П. С. З. № 2438; Записки Неплюева. Отеч. Зап. 24 г. XX ч. 124; Солов. XVIII, 189—190, 178.

въ Петербургъ, которымъ отдалъ на обученіе русскихъ" (1).— „Въ 1700 г. онъ велѣлъ сибирскимъ воеводамъ отдавать въ обученье по 2—3 человѣка тобольскимъ кирпичникамъ и каменьщикамъ (2).—Такъ какъ петербургскимъ и московскимъ жителямъ въ извѣстныхъ случаяхъ велѣно было крыть строеніе только гонтомъ и черепицей, а петербургскіе гонтовые заводы не удовлетворяли требованіямъ, то велѣно было помѣщикамъ ближнихъ уѣздовъ присылать на гонтовые заводы своихъ крестьянъ и людей для обученія, которое можно окончить въ день или въ два. Для обученія же москвичей велѣно было выслать въ Москву изъ „малороссійцевъ, да изъ Смоленска по 3 человѣка съ пристойными инструментами; и сдѣлавъ нѣсколько гонтинъ и инструментовъ, чѣмъ оные дѣлать, для образца,... разослать по всѣмъ градскимъ воротамъ. Буде же кто похочетъ тому обучать людей и крестьянъ, и таковыхъ велѣть обучать онымъ же мастерамъ безъ денежной платы" (3).

Петръ Великій заботился обучить русскихъ улучшеннымъ способамъ *добыванья и обработки продуктовъ растительнаго царства*.

Петромъ была сдѣлана попытка научить крестьянина снимать хлѣбъ болѣе лучшимъ способомъ, чѣмъ переданное отъ продѣдовъ жнитво серпомъ. „Понеже въ здѣшнихъ краяхъ, говорится въ именномъ указѣ Голицыну, въ Курляндіи, Лифляндіи и въ Пруссахъ у мужиковъ обычай есть, что вмѣсто серповъ, хлѣбъ снимать малыми косами съ граблями, что предъ нашими серпами гораздо спорѣе и выгоднѣе, что средній работникъ за 10 человѣкъ сработаетъ,... того для сысковъ такихъ людей изъ здѣшнихъ мужиковъ по нѣскольку человѣкъ для обученія, послали мы отсель въ наши хлѣбородные города съ такими косами и граблями, съ нарочными посланными офицерами". При этомъ Петръ писалъ къ подпоручику Болотову: „принять тебѣ здѣшнихъ мужиковъ 9 человѣкъ и ѣхать съ ними въ Тамбовъ съ поспѣшеніемъ, дабы можно было съ ними поспѣть къ тому времени, какъ начинаютъ первой хлѣбъ снимать и будучи дорогою ихъ беречь, дабы не разбѣжались" (4).

(1) Афанасьевъ; 43 и 46 стр.
(2) П. С. З. № 1800.
(3) П. С. З. №№ 3858 и 4016.
(4) П. С. З. № 3781 и Афан. Іюнь 92.

Желая умноженія пеньковыхъ и льняныхъ промысловъ, Петръ велѣлъ: „гдѣ тому дѣлу необыкновенны, какъ ленъ и пеньку учреждать, дабы обучали крестьянъ“. Такъ какъ при браковаиьи льну и пеньки оказалась нужда для Петербурга въ бунтныхъ вязальщикахъ, то велѣно было выслать изъ близкихъ деревень 5 мастеровъ, живущихъ безъ дѣла для обученія другихъ. Въ провинціяхъ же учить чистить пеньку и вязать бунты поручалось промышленникамъ скупающимъ пеньку, пока уѣздные и градскіе люди то въ обычай себѣ не примутъ (¹).

Стремясь на основаніи „Духовнаго регламента“ ввести въ женскіе монастыри рукодѣлья, правительство старалось обучить незнакомыхъ съ послѣдними монахинь и готовящихся къ постриженію. Въ этомъ отношеніи замѣчателенъ синодскій указъ 11 сентября 1722 г. Рукодѣлья, которымъ должно было обучать, раздѣлены этимъ указомъ на 1) честныя (почетныя?), какъ шитье, низанье и т. п. и 2) прядильное мастерство, „нынѣшнее“, болѣе удобное сравнительно съ прежнимъ. Одному изъ первыхъ, по свободному выбору, велѣно было обучать монахинь, происходящихъ отъ благородныхъ и и честныхъ родителей, прядильному же мастерству монахинь изъ простонародья и тѣхъ изъ благородныхъ, которыя не хотятъ или не могутъ заниматься честнымъ рукодѣльемъ. Монастыри были обязаны обучить всѣхъ въ 2 или 3 мѣсяца со времени полученія указа. Учить прядильному мастерству посылались мастерицы изъ села Покровскаго (гдѣ была фабрика для пряжи льна.) При этомъ достойно замѣчанія стремленіе синода ввести между учащими и учащимися мягкія отношенія и ограничить власть первыхъ надъ послѣдними: (5 пунктъ): „мастерицамъ велѣть въономъ обученіи со опредѣленными къ тому ученію поступать кротко и смиренно, и показаніе къ скорому понятію чинить не скрытно, дабы оныя безъ продолженія времени совершенно изучиться и добрѣ дѣйствовать могли. (6 пунктъ.) Власти онымъ мастерицамъ никакой не имѣть, и хотя которыя изъ нихъ будутъ въ чемъ и неисправны, то доносить на нихъ тѣхъ монастырей игуменьямъ, которыя по усмотрѣнію вины и смирять ихъ должны; а самимъ имъ мастерицамъ никого изъ нихъ не точію чѣмъ бить но и ни какою бранью не бранить, и никакимъ словомъ

(¹) П. С. З. №№ 3966, 3195, 4210.

не оскорблять" [1].—Въ 1724 г. велѣно было дѣвочекъ сиротъ и подкидышей обучать въ монастыряхъ грамотѣ, а также пряжѣ, шитью, плетенью кружевъ и для этого выписать изъ Брабандіи сиротъ, наученныхъ въ монастыряхъ. Въ меморіи Петра, относящейся къ этому указу, добавлено: „также хотя бъ по одному монастырю, чтобъ и языки притомъ" [2]. Такимъ образомъ Петромъ были сдѣланы попытки, хотя и слабыя, ввести образованье и въ среду женщинъ.

Русскихъ еще учили при Петрѣ на заводахъ и фабрикахъ ткать полотна, скатерти, салфетки, тики, причемъ ученикамъ платилось жалованье [3].—Голиковъ упоминаетъ про учениковъ на парусной фабрикѣ Тиммермана. Петръ отправилъ въ Голландію Короткина для обученія бумажному (писчей бумаги) мастерству, и въ 1710 г., по его возвращеніи на основанную бумажную фабрику и мельницу, отдано ему нѣсколько молодыхъ людей въ ученики [4].

По случаю того, что въ Москвѣ въ 1701 году открылся недостатокъ въ дровахъ, Петръ позаботился научить русскихъ „пилованью дровъ",—для этого велѣно было послать въ близкія отъ Москвы мѣстности образцовыя ручныя пилы, чтобы всѣ готовили на продажу, на подрядъ и про себя изъ изъ 10 саженъ дровъ одну испиленную, и такимъ образомъ приучились бы къ пилованью [5].

Петръ стремился научить русскихъ разнымъ родамъ строительнаго искуства. Неплюевъ упоминаетъ про русскихъ, учившихся въ Амстердамѣ столярному ремеслу.—Для обученія строенія мазанокъ Петръ велѣлъ выставить въ Москвѣ нѣсколько образцовъ во всякомъ лѣсномъ ряду [6].—Въ одномъ указѣ 1712 г. упоминаются ученики при архитекторахъ. Неплюевъ говоритъ, что въ 1716 году посланы были во Францію для обученія архитектурѣ 4 человѣка. Въ 1723 велѣно было двухъ архитектурныхъ учениковъ, находившихся въ Римѣ, взять въ Петербургъ и опять послать вмѣсто нихъ столько-же въ Италію, а отъ 1724 г. уцѣлѣлъ указъ, данный русскому агенту фонъ-деръ-Бургу относительно 4,

---

(1) П. С. З. № 4089.
(2) П. С. З. № 4450 и Чистовичъ примѣч. на 140.
(3) П. С. З. №№ 2324, 2867, 3543.
(4) Афанасьевъ. Іюль. II, 61 и 68.
(5) П. С. З. № 1883.
(6) Отеч. Зап. за 24 г. XX ч. 124 стр.; П. С. З. 2972.

учащихся въ Голландіи и Брабандіи наукѣ архитектурной. Петръ велѣлъ ему надзирать, „чтобъ они выучили маверъ голланской архитектуры, а особливо фундаменты, которые нужны здѣсь, ибо равную ситуацію имѣютъ для низости воды и тонкости стѣнъ, къ тому бы обучились строенію огородовъ, какъ ихъ размѣривать и украшать, такожъ бы и слюзному дѣлу обучались, которое здѣсь зѣло нужно, и чтобъ они сему послѣднему паче первыхъ учились. И для того, гдѣ такая работа въ Голландіи случится, туда ихъ и посылай для практики" (1).—Съ обученіемъ архитектурѣ шло обученіе и тѣсно связаннымъ съ ней инженерному искуству и механикѣ. Такъ въ 1715 г. царь писалъ: „Суворова и Туваркова отправить въ Морданъ (у Соловьева въ Мардинъ), гдѣ новый каналъ дѣлаютъ, который изъ Океана въ Медитеранское море проведенъ и въ прочія мѣста, гдѣ дѣлаютъ каналы, доки, гавани и старые починиваютъ и чистятъ; чтобъ они могли присмотрѣться къ машинамъ и прочему и могли-бъ у тѣхъ фабрикъ учиться" (2). Неплюевъ упоминаетъ о 4 русскихъ, учившихся въ Амстердамѣ экипажеству и механикѣ (3). О Нартовѣ, посланномъ усовершенствовать свои знанія за границу, въ отзывѣ президента французской академіи говорится, что онъ „при изученіи учинилъ великіе успѣхи въ механикѣ, наипаче же въ оной части, которая касается до токарнаго станка", говорится о „чистотѣ, исправности и субтильности" его токарныхъ издѣлій. Нартовъ впослѣдствіи (1723) былъ сдѣланъ главнымъ токаремъ (4).

Но гораздо болѣе Петръ заботился обучить русскихъ кораблестроенію и судостроенію. Объ изученіи кораблестроенія вмѣстѣ съ изученіемъ навигаціи было сказано выше; но обученье одному кораблестроенію началось гораздо раньше. Такъ отъ 1692 г. сохранилось письмо 16 мостильщиковъ (плотниковъ) корабельнаго дѣла, обученныхъ самимъ государемъ—плотникомъ, при участіи и руководствѣ котораго они строили нѣсколько судовъ и первый военный корабль. Большая часть изъ 30 волонтеровъ великаго посольства была от-

(1) П. С. З. № 2988, 4 п.; Отеч. Зап. 23. XVI, 176 и Солов. XVIII, 194; П. С. З. № 4584.

(2) Пек. I, 227 и Солов. XVI, 331.

(3) Отеч. Зап. за 24, XX ч. 123.

(4) Пекар. I, IV-е прилож. 531 стр. и Устр. I, LVI.

дана въ Голландіи учиться, кто корабельному дѣлу, кто мачтовому, ботову, парусному, кто дѣлать блоки (1). Въ болѣе обширныхъ размѣрахъ пошло дѣло обученья съ учрежденіемъ адмиралтейства, гдѣ должно было работать 1000 человѣкъ изъ рекрутъ и матросовъ, кромѣ гардемариновъ. Здѣсь должно было быть по 3 человѣка учениковъ у мастеровъ корабельныхъ, галерныхъ, ластовыхъ судовъ, камельныхъ, мачтовыхъ, ботовыхъ, шлюпочныхъ, машинныхъ, парусныхъ, весельныхъ, блоковыхъ. Въ адмиралтействѣ же учили и нѣкоторымъ другимъ ремесламъ, болѣе или менѣе касающимся кораблестроенія: Котельники, паяльники, слѣсари, ложники, рѣщики, компасники, оконишные, фонарные, печники, трубочисты, прядильщики, парусные швецы, конопатчики, пильщики, столяры, токари, свѣчники должны были имѣть при себѣ учениковъ. При коммисарѣ надъ лѣсами, на обязанности котораго лежалъ осмотръ и правильная выдача доставляемаго лѣса и отчетность, были также ученики. Кромѣ того у каждаго мастера всякаго мастерства должны были быть по 2 подмастерья. „Всѣ какъ корабельные, такъ и прочихъ художествъ мастера должны учениковъ, данныхъ имъ со всякимъ прилежаніемъ учить, не скрывая ничего, понеже за то имъ опредѣлено награжденіе. И которые ученики тщательно будутъ приниматься или нѣтъ, о томъ мастерамъ подавать вѣдомости оберъ-сарваеру“, подъ вѣдѣніемъ котораго находились всѣ мастера. Замѣчательно распоряженіе, которымъ не велѣно было мастеровыхъ людей переводить отъ одного мастерства къ другому, — это дѣлалось за тѣмъ, чтобы „лучше въ своемъ художествѣ обыкли“. Для дѣтей плотниковъ и прочихъ мастеровыхъ людей адмиралтейства велѣно было устроить школу и обучать грамотѣ, цифири и платъ геометріи, чтобы потомъ могли добрыми мастеровыми быть (2). — Для распространенія въ Россіи вмѣсто староманерныхъ судовъ, — новыхъ: ботовъ разной величины, еверсовъ, гальотовъ и др., — Петръ не только запрещалъ строить прежнія суда, но и посылалъ въ разныя мѣста Россіи офицеровъ, мастеровыхъ, подмастерьевъ и учениковъ

---

(1) Устрялов. II, 142—143, 360; III, стр. 426.

(2) О управленіи адмиралтействомъ. № 3937. Опредѣленіе о мастеровыхъ, а также главы XXII, XLIII, 2 п., XX, 9 и 28 пп. гл. XII, 38 п. гл. I, 60 п.

изъ адмиралтейства, чтобы обучать этому дѣлу. Посланные большею частію строили въ разныхъ мѣстахъ образцовыя суда, по которымъ окрестные жители сами могли-бы учиться новому судостроенію. Такъ упоминаются образцовыя суда на Ладогѣ, Вышнемъ Волочкѣ, въ Твери, Дѣдиновѣ московской губерніи, въ Нижнемъ и въ другихъ мѣстахъ (1). Въ 1719 г. велѣно было подмастерью корабельнаго дѣла Сурмину ѣхать въ ярославскій и романовскіе уѣзды съ приказаніемъ дѣлать романовки по новому образцу, какой сдѣланъ въ Петербургѣ плотниками-крестьянами ярославскаго уѣзда, и объявить по пріѣздѣ имена послѣднихъ, чтобы судохозяева могли нанимать ихъ, а другіе учиться отъ этихъ плотниковъ (2). Указъ 11 января 1723 г. говоритъ, что на Олонцѣ промышленники уже изучены въ судовомъ строеніи, а ученика корабельнаго дѣла Илью Нѣмцева, бывшаго тамъ, нужно перемѣстить въ низовые города, гдѣ одному Шпаку трудно находиться въ разныхъ мѣстахъ у судостроенія (3). — Посылались въ мѣста судостроенія конопатчики учить крѣпко конопатить новоманерныя суда (4).

Наконецъ Петръ Великій заботился научить русскихъ *добываню и обработкѣ* нѣкоторыхъ *продуктовъ животнаго царства.*

Такъ въ завоеванную отъ Персіи провинцію Гилянь, богатую тутовыми садами, Петръ посылалъ молодыхъ людей изъ астраханцевъ и кизлярцевъ учиться шелководству (5). Въ 1718 г. позволено было армянину Сафару Васильеву на заводимый имъ заводъ для дѣланія шелку сырцу нанимать въ ученики всякихъ чиновъ людей, кромѣ солдатъ и матросовъ съ платежомъ за труды достойной платы. Изъ донесенія его (въ указѣ 20 мая 1726 г.) видно, что „къ обученью въ работу у него наняты городскіе обыватели армяны, тезики и черкасы, а также и кочевые татары 10 кибитокъ.... тѣ ученики и работники оному шелковому дѣлу являются заобычайны“ (6).

---

(1) П. С. З. №№ 3139, 3165, 3239, 3638, 3865, 4141, 5, 6, 11, 12 и 16 пп.
(2) П. С. З. № 3387.
(3) П. С. З. № 4141, 15.
(4) П. С. З. №№ 2956 и 4058.
(5) Афанасьевъ, іюнь, 113 стр.
(6) П. С. З. № 4887.

По предложенію Кассиса (1724 г.)—выписать италіанскихъ мастеровъ, какъ не только очень искусныхъ въ уходѣ за шелковичными червями, въ приготовленіи шелка и въ выдѣлкѣ разнаго рода шелковыхъ матерій, но и могущихъ научить всему этому русскихъ безъ большихъ издержекъ, Петръ поручилъ ему доставить въ Россію такихъ „мастеровъ шолковыхъ, которые около червей ходятъ и щелкъ строить по италіански умѣютъ", также бархатныхъ и лецкихъ парчей мастеровъ и отправить въ Италію „русскихъ ребятъ для ученья; но ежели скорѣе поймутъ, нежели опредѣленный срокъ ученикамъ, то-бы ихъ, освидѣтельствовавъ, прислать, хотя-бъ на то и особливое иждивеніе употребить" (¹). Больше вниманія Петръ обращалъ на обученіе фабричному производству шелковыхъ матерій. На основанную въ Петербургѣ фабрику, гдѣ приготовлялись позументы, тесьмы, шнурки, Петръ отдалъ иноземцамъ въ ученье русскихъ молодыхъ людей изъ бѣдныхъ новгородскихъ дворянъ и мѣщанъ. Онъ нерѣдко посѣщалъ эту первоначальную фабрику и слѣдилъ за успѣхами учениковъ. Старшіе изъ нихъ должны были каждую субботу послѣ обѣда являться во дворецъ съ образчиками своей работы, и государь расправшивалъ ихъ о занятіяхъ (²). Объ основанной въ 1714 г. по повелѣнію Петра „для народнаго обученія" шелковой фабрикѣ Милютина, научившагося самоучкой ткать шелковыя матеріи (³), послѣдній въ 1717 г. доносилъ, что онъ нанялъ мастера армянина для чистки пряжи и крашенья шелковъ съ платой 300 рублей, да сверхъ того поилъ и кормилъ, „а за тое плату училъ на моемъ же харчѣ учениковъ 6 человѣкъ и изъ того числа годныхъ обучилось 4 человѣка...." нанялъ (еще) „мастера гамбургца на 3 года, и платы ему плачу по 330 рублевъ на годъ.... и обѣщалъ оный мастеръ выучить 15 человѣкъ русскихъ людей ленты и позументы ткать, гладкіе и фигурные узоры набирать и рисовать чему онъ самъ умѣетъ; а вышеупомянутые ученики и работники всѣ на моемъ хлѣбѣ, также и на одежду даю имъ плату и набираю учениковъ изъ убогихъ людей, и держу съ записьми, а за записи плачу пошлины я же своими

(¹) П. С. З. № 4600.
(²) Афанасьевъ, іюль, II, 61—62.
(³) Тамъ же 64.

деньгами; въ томъ числѣ есть ученики добрые, а иные и злые: не хотятъ учиться и добрыми людьми быть, бѣгаютъ, покиня мастерство и противъ записей не держатся". — При основаніи шелковой фабрики Шафировымъ и Толстымъ (1718), было дано имъ право свободнаго найма въ ученики всякихъ чиновъ людей, кромѣ солдатъ и матросовъ (¹).

Упоминаются мастеръ и ученики воскобѣлильнаго завода (²).

Въ концѣ одного именнаго указа прибавлено: „мастера послать, дабы выучить солить треску" (³).

Нуждаясь въ хорошей шерсти для суконныхъ фабрикъ, правительство нашло нужнымъ научить русскихъ болѣе правильнымъ пріемамъ овцеводства, а для этого составило и объявило „регулы, какъ содержать овецъ по шленскому обыкновенію". Нѣкоторые великороссійскіе помѣщики, слѣдуя этимъ правиламъ, начали получать шерсть, которая стала цѣниться въ четверо дороже противъ прежней. Впослѣдствіи тоже самое было еще разъ подтверждено малороссіянамъ особымъ манифестомъ, обнадеживавшимъ ихъ милостью: „а мастеровъ, которые будутъ каждаго наставлять въ содержаніи по тѣмъ регуламъ овецъ и надсматривать, велѣли мы содержать на нашемъ жалованьи" (⁴). Около этого времени (1724 г.) Петръ хотѣлъ „послать Румянцеву на Украйнѣ ордеръ.... чтобы высылалъ своихъ людей для изученія ходить за овцами и баранами, такожъ чтобъ они научились стричь и порядочно выдѣлыватъ шерсть" (⁵). Въ томъ же году состоялся именной указъ: „въ Шлезію для достовѣрнаго усмотрѣнія и обученія россійскаго народа, какъ тамъ овецъ въ лѣтнее и зимнее время содержатъ и довольствуютъ и стригутъ и шерсть въ дѣло употребляютъ, послать изъ мануфактуръ-коллегіи коммисаромъ маіора Кологриваго и къ нему придать изъ дворянъ молодыхъ двухъ человѣкъ и съ ними изъ русскихъ овчаровъ, которые къ тому уже поза-

---

(¹) П. С З. № 3176; № 3089.
(²) П. С. З. № 3516.
(³) П. С. З. № 4420.
(⁴) П. С. З. № 4532.
(⁵) Афанасьевъ, іюнь, 117 стр.

обычайные, сколько человѣкъ пристойно....“; ихъ оставить тамъ года на два ([1]).

Еще въ 1705 г. упоминаются ученики суконнаго дѣла; ихъ вмѣстѣ съ мастерами и работниками поручено было вѣдать судомъ и расправою Менщикову и не велѣно было брать съ нихъ никакихъ податей, кромѣ двороваго тягла.—При заведеніи одной изъ суконныхъ фабрикъ (Щеголина и К°) въ 1719 г. велѣно было Петромъ „смотрѣть накрѣпко..... дабы россійскій народъ оной фабрики обучались съ прилежаніемъ“. Такъ какъ оказалось, что „нѣкоторые изъ россійскаго народа трудолюбивые и тщательные ко оной фабрикѣ, шерсть прясть и ткать научились, а красить и лощить, и гладить, и тискать, суконъ пристригать и ворсить еще необыкновенны: для того всѣхъ тѣхъ мастерствъ договариваясь съ мастерами, обучать изъ россійскаго народа безкрытно, дабы въ Россіи такого мастерства изъ россійскихъ людей было довольное число; а которыхъ мастеровъ при томъ суконномъ дѣлѣ нынѣ нѣтъ, и такихъ оной компаніи изъ иноземцевъ добраго мастерства и принадлежащіе инструменты выписывать самимъ“. Требованія правительства основывались и на томъ, что оно дало этой компаніи 30000 р. заимообразно съ правомъ уплачивать этотъ долгъ приготовленными на фабрикѣ сукнами ([2]).

Были также ученики на шпалерной фабрикѣ ([3]).

Желая ввести въ Россію улучшенные способы кожевеннаго производства, Петръ старался обучить имъ русскихъ промышленниковъ: „понеже юфть, говорится въ указѣ 1715 года, которая употребляется на обувь, весьма негодна есть къ ношенію, ибо дѣлается съ дегтемъ, и когда мокроты хватитъ, распалзывается и вода проходитъ: того ради оную надлежитъ дѣлать съ ворваннымъ саломъ и инымъ порядкомъ, чего ради посланы изъ Ревеля мастеры къ Москвѣ для обученія того дѣла, для чего повелѣвается всѣмъ вышеписаннымъ промышленникамъ во всемъ государствѣ, дабы отъ каждаго города по нѣсколько человѣкъ ѣхали въ Москву и обучались;

([1]) П. С. З. № 4459. Веберъ упоминаетъ о 20 шлезвигскихъ овцеводахъ, посланныхъ въ Казань «чтобы ознакомить русскихъ со стрижкою тамошнихъ овецъ и съ обработкой шерсти». Р. Арх. 1872 г. 1415 стр.

([2]) П. С. З. № 2081; №№ 3309 и 3526.

([3]) Соловьевъ, XVI, 221.

сему обученію дается срокъ два года". Невыучившимся запрещено подъ угрозой ссылки въ каторгу приготовлять юфть по прежнему ([1]).

Въ 1718 г. подтвержденъ этотъ указъ черезъ промышленниковъ, которые „учились" уже дѣлать кожи съ ворваннымъ саломъ.—Въ 1717 г. состоялся указъ о высылкѣ изъ городовъ, гдѣ есть кожевенные заводы по два и больше мастеровыхъ людей „къ кожевенному обученію".—Въ 1719 году велѣно было послать иноземцевъ мастеровъ юфтянаго дѣла для обученія русскихъ людей ([2]) въ кіевскую и азовскую губерніи, по 2 человѣка. На учрежденномъ въ Казани заводѣ пумповыхъ кожъ, по донесенію Кудрявцева (1720 г.) „англичанинъ пумповыхъ кожъ мастеръ Умфри учениковъ, по видимому, учитъ прилежно и ученики сказываютъ, что ни въ чемъ отъ нихъ не скрывается...." Наконецъ Петръ посылалъ въ Англію молодыхъ людей учиться выдѣлкѣ кожъ ([3]).

Отношенія, въ какія былъ поставленъ закономъ промышленный ученикъ къ людямъ, завѣдывавшимъ его обученіемъ,—къ мастерамъ, фабрикантамъ и заводчикамъ во многихъ случаяхъ сходны съ отношеніями, въ какія былъ поставленъ по закону тогдашній работникамъ къ капиталисту, но отъ введенія новаго элемента,—обученья, эти отношенія въ нѣкоторыхъ случаяхъ стали различаться.

Такъ завѣдывавшіе обученьемъ должны были желать вознагражденія за свои труды и заботы, и законъ позаботился объ этомъ. Хотя по указамъ отъ ученика не требовалось денежной платы за ученье, а напротивъ правительство и частныя лица безденежно предлагали свои услуги желающимъ учиться, платили жалованье мастеровымъ-учителямъ, даже часто давали харчи, одежду, „достойную плату", „ученичье жалованье" ([4]); но зато за свои услуги и затраты правительство и частныя лица, фабриканты, заводчики и мастеровые, по закону, вознаграждались трудомъ обучаемаго и

([1]) П. С. З. № 2949.
([2]) 3141, 3087. 3335.
([3]) Соловьевъ, XVI 223. Афанасьевъ, іюль, 72.
([4]) Кромѣ упомянутыхъ выше фактовъ о платѣ и жалованьи ученичьемъ есть еще общее постановленіе въ регламентѣ мануфактуръ-коллегіи № 4378, 12 п.

пользовались сообщенными знаніями не только во время самаго ученья но и послѣ,—ученикъ долженъ былъ „заживать урочные годы“. Обыкновенный срокъ былъ 7 лѣтъ, но иногда къ этому сроку прибавлялась еще трехлѣтняя обязательная работа въ качествѣ подмастерья. Сначала въ отдѣльныхъ указахъ, потомъ въ общемъ постановленіи, регламентѣ мануфактуръ-коллегіи, Петръ старался установить подобнаго рода вознагражденье за обученье, старался прикрѣпить учениковъ къ обучившимъ ихъ, предписывалъ наказаніе ученикамъ, бѣжавшимъ до срока и назначилъ сторублевый штрафъ съ лицъ, умышленно переманивавшихъ къ себѣ на работу, а съ принявшаго неумышленно—обыкновенный штрафъ за бѣглаго. Послѣ наказанія пойманнаго ученика обратно отдавали на заводъ или фабрику (¹). По окончаніи ученья мастеръ, какъ дѣлалось въ чужихъ краяхъ, давалъ свидѣтельствованное письмо о томъ, что ученикъ совершенно выучился, не то послѣдній не признавался за мастера (²).

Не вдаваясь въ обширный вопросъ объ отношеніяхъ работника къ капиталисту при Петрѣ, упомяну только со словъ Афанасьева, что внутреннее управленіе надъ фабрикой, даже самые судъ и расправа (кромѣ убійственныхъ дѣлъ) до самаго учрежденія мануфактуръ-коллегіи отдавалась фабрикантамъ или деректору надъ фабрикой. Это впрочемъ подтверждается и указомъ, которымъ Менщиковъ назначенъ былъ директоромъ суконной фабрики. Слѣдовательно фабричный ученикъ-работникъ и въ этомъ отношеніи становился зависимымъ отъ завѣдывавшаго его обученьемъ (³).

Такимъ образомъ если припомнимъ, что иногда учиться ремесламъ и мануфактурамъ отдавали безъ согласія учениковъ, что бывали ученики изъ нищихъ (на игольномъ заводѣ) и изъ бѣдняковъ (напр: на шелковой фабрикѣ у Милютина), т. е. люди, зависимые отъ фабриканта, какъ обыкновенно бѣднякъ зависитъ отъ богача, что были ученики изъ бѣглыхъ крестьянъ, нуждавшіеся для избѣжанія преслѣдованій помѣщика и закона въ убѣжищѣ и покровительствѣ фабриканта и чрезъ то также зависимые отъ него, и особенно,

---

(¹) П. С. З. №№ 3980, 3543, 4378, 12 п., 3309, 3176.
(²) П. С. З. №№ 1752, 2344, 3543, 3980.
(³) Афанасьевъ, іюль 18. П. С. З. № 2081.

если припомним тяжелый способъ вознагражденія за обученье—семилѣтнее закрѣпощенье, при юридическомъ безправіи (не говоря вообще о его экономическихъ отношеніяхъ къ капиталисту), мы должны придти къ заключенію, что ученики-работники поставляемы были часто къ завѣдывавшимъ ихъ обученьемъ не только въ неравноправныя отношенія, но являлись иной разъ безсильными личностями передъ произволомъ какого нибудь фабриканта.—Законъ только въ концѣ 1723 г. позаботился о промышленномъ ученикѣ, когда регламентомъ мануфактуръ-коллегіи предписано было ей „всякое попеченіе имѣть о ученикахъ", „смотрѣть за компанейщиками, чтобы не было препятствій обученію отъ нужды или недовольства ученикамъ и мастерамъ", и чтобы ихъ „порядочно содержали". Мануфактуръ же коллегіи поручено было и экзаменовать учениковъ ([1]).

Протестъ противъ невыгодныхъ, тяжелыхъ условій своего положенія ученики могли высказывать тѣмъ, что бѣгали съ фабрикъ, отъ мастеровъ. Если имъ приходилось попадать въ подобныя отношенія за границей, гдѣ для русскихъ было больше свободы въ дѣйствіяхъ, то ремесленные ученики не хотѣли ни у мастеровъ быть, ни у контрактовъ или записей рукъ прикладывать ([2]).

Стремясь расширить передаточную промышленность-*торговлю*, Петръ Великій заботился научить русскихъ *необходимымъ* для этого *свѣдѣніямъ*. Такъ онъ старался познакомить съ мореплаваніемъ не однихъ только военныхъ моряковъ, но и другихъ русскихъ людей. Гостямъ Баженинымъ не только позволено было свободно принимать и держать русскихъ, желавшихъ поступить на корабли „для науки морскія службы", но даже отнюдь не велѣно административнымъ лицамъ брать поступившихъ къ Баженинымъ на казенную службу. Въ Петербургѣ розданы были безденежно разныхъ чиновъ людямъ парусныя и гребныя суда, и чтобъ научить, какъ плавать и содержать ихъ, кромѣ изданныхъ для этаго правилъ, велѣно было съ мая до октября по разу еженедѣльно ѣздить по морю въ указномъ мѣстѣ „лавирами, полу- и фордовиндомъ для обученія" 2, 3, 4 часа, смотря по времени

([1]) П. С. З. № 4378, 24, 25 пп.
([2]) Фактъ у Соловьева XVI. 302—303.

года. Съ неявившихся на экзерцицію и уѣхавшихъ съ нея раньше срока брался штрафъ [1]. — Весьма вѣроятно, что желаніе обучить русскихъ было однимъ изъ побужденій сдѣлать распоряженіе, по которому на службу на торговые корабли позволялось преимущественно матросовъ русской націи, иноземцевъ же не больше четверти, а иноземцамъ позволено имѣть въ Россіи транспортныя суда только подъ условіемъ, если на нихъ будутъ матросами русскіе [2].

Пріучая русскихъ къ новому для нихъ торговому пути,— морю, Петръ вмѣстѣ хотѣлъ познакомить съ практикой самаго торговаго дѣла въ томъ видѣ, какъ оно велось за границей. Коммерцъ-коллегіи именнымъ указомъ отъ 8 ноября 1723 года велѣно было „посылать въ чужіе краи торговыхъ людей дѣтей, чтобъ никогда меньше 15 человѣкъ въ чужихъ краяхъ не было, и когда которые обучатся, брать назадъ, а на ихъ мѣсто новыхъ, а обученнымъ велѣть здѣсь обучать (понеже всѣхъ посылать невозможно); чего ради брать изо всѣхъ знатныхъ городовъ, дабы вездѣ сіе велось; а въ Ригу и Ревель человѣкъ 20 и роздать капиталистамъ сіе обое число изъ посадскихъ; къ томужъ коллегіи трудъ имѣть обучать коммерціи опредѣленныхъ изъ дворянскихъ дѣтей“ [3].

Послѣ разсказа о мѣрахъ, предпринятыхъ Петромъ Великимъ для обученія русскаго народа разнымъ видамъ военнаго искуства и промышленности, перейдемъ къ мѣрамъ обученія другимъ спеціальнымъ знаніямъ, привлекавшимъ меньшее сравнительно съ предыдущими вниманіе преобразователя. Прежде всего о мѣрахъ къ обученію *медицинѣ*. Медицинѣ учили при Петрѣ не люди, посвятившіе себя исключительно только этому педагогическому дѣлу, но, какъ было часто въ то время и въ другихъ случаяхъ, сообщавшіе свои знанія при отправленіи своихъ собственныхъ обязанностей. При этомъ дѣло обученья могло отодвигаться на второй планъ. Такимъ образомъ были ученики у лѣкарей полковыхъ, корабельныхъ, гошпитальныхъ.—По воинскому уставу, полковые лѣкари повинны ротныхъ фельдшеровъ не только для одного

---

[1] П. С. З. №№ 1749; 3193. Записки Вебера Русск. Арх. 72 г. 1067 стр.

[2] П. С. З. № 3937, 79 и № 3863.

[3] № 4348, 4 п.

Фритья солдатскаго употреблять, но и учить лѣкарскому дѣлу (¹). Во флотѣ подъ вѣдомствомъ главнаго доктора положено было имѣть при одномъ лѣкарѣ на большемъ кораблѣ по два лѣкарскихъ ученика, а на маломъ по одному; каждому ученику поручался уходъ за нѣсколькими больными (²). Въ портахъ при гошпиталяхъ, кромѣ доктора и старшаго лѣкаря были простые лѣкари по одному на 200 больныхъ, и каждому велѣно было имѣть по 2 гезеля и по 4 ученика, получающихъ квартиру и пищу при гошпиталѣ. Здѣсь велѣно было обучать не только однихъ учениковъ, но иногда и лѣкарей, и гезелей. Эта обязанность лежала на докторѣ, онъ долженъ былъ „чинить часто разобраніе анатомическое тѣламъ человѣческимъ въ камерѣ, опредѣленной на то, причемъ лѣкари, гезели и ученики должны быть, которымъ долженъ онъ толковать о всѣхъ членахъ, и о болѣзняхъ, и о лѣкарствахъ, употребляемыхъ въ тѣхъ болѣзняхъ, а особливо, когда умретъ больной странно, тѣхъ отнюдь не пропускать безъ анатоміи“ (³).

Въ учрежденномъ въ 1707 г. въ Москвѣ военномъ гошпиталѣ Петръ велѣлъ медику Николаю Бидлоо не только лечить больныхъ, но и набирать нѣсколько молодыхъ русскихъ людей, знающихъ латинскій и нѣмецкій языки, „хирургіи и лекарской анатоміи обучать“. [illegible]

[illegible]

скій и нѣмецкій языкъ, выбравъ изъ нижнихъ чиновъ, для обученія лѣкарскаго (1).

Въ 1698 г., по желанію дьяка посольскаго приказа Волкова, сынъ его былъ отправленъ Петромъ учиться медицинѣ въ падуанскій университетъ съ содержаніемъ въ 1000 ефимковъ. Во время пребыванія во Франціи Петръ просилъ искуснаго офталміатра Уальгоза взять для обученія русскаго ученика. Въ 1724 г. одинъ изъ учениковъ Бидлоо Яповскій былъ посланъ во Францію для усовершенствованія въ медицинѣ (2).

Вмѣстѣ съ устройствомъ новыхъ коллегіальныхъ учрежденій предприняты были мѣры для обученія тамъ практическимъ свѣдѣніямъ по *юриспруденціи*. Сначала въ каждую коллегію дозволено было принимать въ ученье 6—7 человѣкъ изъ шляхетства; но такъ какъ такого количества изъ шляхетства не поступало, а въ иныхъ коллегіяхъ даже не было ни одного человѣка, то велѣно было въ 1724 году, сдѣлавъ смотръ ученикамъ разныхъ школъ и выбравъ 100, разослать ихъ по коллегіямъ. Поступившихъ въ коллегію юнкеровъ послѣ первоначальнаго обученія письму черезъ переписку дѣлъ и ариѳметикѣ велѣно было, подъ угрозой жестокаго наказанія коллежскимъ членамъ за неисполненіе предписаннаго и за послабленіе, обучать подъ руководствомъ секретаря коллегіи отправленію всякихъ, начиная съ самымъ нижнихъ, приказныхъ дѣлъ, принадлежащихъ вѣденію извѣстной коллегіи (3). Въ табелѣ о рангахъ разъяснено нѣсколько, чему должно было учить, „а именно (тому), что касается до праваго суда, также торгамъ внѣшнимъ и внутреннимъ къ прибыли имперіи и экономіи.....: Которые научатся вышепиманнымъ наукамъ, тѣхъ изъ коллегіи посылать въ чужіе края по нѣсколько для практики той науки (4).

Но обученьемъ только при коллегіяхъ Петръ не довольствовался, онъ хотѣлъ завести юридическія школы. Такъ въ 1722 году въ инструкціи герольдмейстеру поручено было ему пока академіи исправятся, учинить краткую школу; и

---

(1) П. С. З. № 3375.

(2) Пекар. I, 225, 44; Смирновъ 239.

(3) П. С. З. № 4457 и № 3534, XXXVI.

(4) П. С. З. № 3890, 14-й пунктъ изъ приложенныхъ для руководства.

ему отъ всякой знатныхъ и среднихъ дворянскихъ фамилій обучать экономіи и гражданству указную часть" (1).

Сознавая необходимость образованія для духовенства, Петръ заботился и *о духовномъ просвѣщеніи*. Впрочемъ постояннаго и непосредственнаго участія въ созиданіи системы духовно-церковнаго образованія мало замѣтно. Онъ, выбравъ того или другаго ученаго монаха, предоставлялъ ему самому почти полную свободу относительно внутренняго устроенія учебной системы. Только въ послѣднее время непосредственно дополнялось имъ то или другое. Чаще же Петръ стремился способствовать дѣлу обученія духовенства вспомогательными и принудительными мѣрами. Потому въ системѣ духовно-церковнаго обученія, а именно въ важнѣйшей части ея, —школахъ, хотя замѣтно и вліяніе личности и взглядовъ государя, преимущественно отразились три направленія, соотвѣтственно лицамъ, завѣдывавшимъ дѣломъ образованія: 1) направленіе Лихудовъ и ихъ учениковъ или греческое, 2) направленіе Стефана Яворскаго и кіевскихъ ученыхъ или латинское и 3) направленіе Ѳеофана Прокоповича.

Направленіе, данное духовному образованію братьями Лихудами до Петра, продолжало существовать и въ первые годы его царствованія (считая и двоевластіе послѣ Софьи), когда все еще шло постарому. Съ 1690 г. началась читаться логика и физика по Аристотелю. При изложеніи послѣдней науки наставникъ полемизировалъ съ древними философами и толкователями Аристотеля, причемъ въ основу своихъ сужденій онъ часто бралъ священное писаніе и этимъ оружіемъ поражалъ древнихъ физиковъ и атомистовъ. Кромѣ того по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ ученики собирались въ аудиторію и слушали проповѣди или толкованіе библіи, иногда вели диспуты для пріобрѣтенія діалектической ловкости. Преподаванье шло главнѣйшимъ образомъ на греческомъ языкѣ. Съ удаленіемъ въ 1694 году братьевъ Лихудовъ по прошеніямъ іерусалимскаго патріарха и другихъ грековъ, вѣроятно, недовольныхъ тѣмъ, что Лихуды не хотѣли дѣлиться съ пріѣзжавшими въ Москву соотечественниками, дѣло, начатое Лихудами поддерживали до 1700 году ученики ихъ Поликарповъ и другіе препо-

---

(1) П. С. З. № 3896, 2 п.

давая грамматику, піитику и риторику на одномъ греческомъ языкѣ, изгнавъ совершенно латинскій (¹). Направленіе Лихудовъ отразилось и на ихъ бывшихъ ученикахъ; особенно это замѣтно въ Поликарповѣ (²). Выставляя въ своемъ букварѣ (1701 г.), что полезной цѣлью ученья можетъ считаться только то, что „учащійся въ царство небесно со святыми успѣетъ", онъ считаетъ нужнымъ помѣщать въ своей книгѣ творенія Григорія Назіанзинина и стословецъ патріарха Геннадія, а не рѣчи Солона, Цицерона и др., а тѣмъ болѣе „Есопа фригійскаго смѣхотворныя басни". Въ этомъ же букварѣ высказываются и его педагогическіе взгляды: онъ нашелъ нужнымъ помѣстить двѣ картинки, гдѣ ученики являются и на колѣняхъ, и кланяющимися въ ноги учителю, и разложенными на скамьѣ подъ ударами огромнаго пука розогъ съ поясненіемъ: „лѣнивіи за праздность біются" (³). Въ 1699 г. однако Поликарповъ съ товарищемъ вышли изъ академіи, поступивъ въ типографскіе справщики. Другихъ учителей, способныхъ поддерживать направленіе Лихудовъ, не оказывалось. Патріархъ Адріанъ, ревнитель греческаго направленія, состарился и мало заботился о школѣ. Петръ, сознавая неудовлетворительность подобнаго положенія дѣлъ, говорилъ Адріану, что нужно бы не одного человѣка въ учителя духовенству, что учениковъ въ московской академіи тоже мало, „никто школы, какъ подобаетъ, не назираетъ" (⁴). Наконецъ Курбатовъ извѣщалъ царя, что и внѣшняя сторона пришла въ разстройство: „школа...... въ разстройствѣ: ученики числомъ 150 человѣкъ очень недовольны, терпятъ во всемъ крайній недостатокъ и не могутъ учиться: потолки и печи обвалились" (⁵).

Неудовлетворявшее Петра состояніе академіи,—„отсутствіе знатнаго и искуснаго обученія", внѣшнее разстройство ея въ связи съ церковными безпорядками вообще и другими побужденіями,—повліяло на рѣшеніе Петра избрать блюстителемъ патріаршаго престола, а потомъ и протекторомъ академіи ученика кіевской академіи, окончившаго схоластическое образованіе въ

(¹) Смирновъ. 56, 61, 67, 35—38.
(²) О Головинѣ и Іовѣ смотри тамъ-же 75, 76, 77.
(³) Пекар. I, 174—176.
(⁴) Устряловъ, III, 511.
(⁵) Соловьевъ, XV, 117.

польскихъ іезуитскихъ школахъ ученаго монаха Стефана Яворскаго. Приэтомъ ему, по словамъ автора „Молотка на камень вѣры“ наиболѣе подтверждено было „дабы не жалѣя имѣнія и доходовъ дома патріаршаго, училища учредилъ и о наученіи закона христіанскаго крайне прилежалъ“....(1).

Іезуитскія школы пользовались въ то время еще большимъ уваженіемъ не только въ католической Европѣ, но и въ западной Россіи: по образцу ихъ была основана кіевская академія и цѣлое XVII столѣтіе еще упорно держалась іезуитскаго устройства, иные православные рѣшались измѣнять своей вѣрѣ, чтобы только поучиться въ этихъ школахъ. Даже Ѳеофанъ Прокоповичъ, враждебно относившійся къ католичеству и его слугамъ іезуитамъ и къ „латынщикамъ“, и тотъ не могъ, какъ увидимъ впослѣдствіи, отдѣлаться въ иныхъ случаяхъ отъ іезуитскаго образца. Наконецъ и впослѣдствіи, до нашихъ дней, сущность этой системы крѣпко держалась въ нашихъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ. Понятно, что Яворскій, въ качествѣ ученика лембергской и познанской школъ имѣвшій возможность познакомиться съ внутреннимъ устройствомъ этихъ школъ, а въ бытность въ Кіевѣ ученикомъ и учителемъ академіи узнавшій и устройство іезуитскаго образца, пересаженнаго на православную почву, вынесшій изъ іезуитскихъ школъ сильное нерасположеніе ко всему протестанскому, а скорѣе сочувствіе къ католичеству, Яворскій, торжественно получившій за свои знанія въ схоластическихъ наукахъ и особенно въ латинской словесности рѣдкій титулъ „poëta lavreatus“ (2) и обязанный своимъ возвышеніемъ схоластической учености, сдѣлавшись протекторомъ московской академіи, стремился сдѣлать изъ нея нѣчто подобное іезуитской или скорѣе кіевской академіи. Онъ въ этомъ тѣмъ болѣе могъ успѣть, что получилъ отъ Петра, если только самъ не добился, указъ: „завесть въ академіи ученія латинскія“ (3). Этимъ какъ бы узаконялось предпочтеніе латинско-кіевскаго направленія греческому. Яворскій

---

(1) Чистовичъ «Ѳеофанъ Прокоповичъ и его время» стр. 394. Арсеній Маціевскій, писавшій противъ «Молотка», не опровергаетъ существованія подобныхъ требованій отъ Яворскаго.

(2) Булгаковъ. Исторія кіевской академіи 161.

(3) Указъ этотъ упоминается у Смирнова, 80 стр.

не замедлилъ исполненіемъ указа. Съ вызовомъ кіевскихъ ученыхъ, занявшихъ административныя и судебныя должности, а можетъ быть, и подготовленныхъ учениковъ (1), чтб весьма вѣроятно, латинскія школы (такъ стала называться теперь академія) получили внутреннее устройство очень сходное съ кіевской академіей.

Подробное описаніе этого устройства содержится въ сочиненіяхъ Булгакова „Исторія кіевской академіи" и Смирнова „Исторія славяно-греко-латинской академіи".

Главныя черты внутренняго устройства заключались въ слѣдующемъ.

Гражданская власть почти совершенно устранялась отъ непосредственнаго участія въ дѣлахъ внутренняго управленія школами, предоставивъ это духовному начальству. Высшей властью внутри академіи обладалъ ректоръ, онъ распоряжался суммами, надзиралъ за преподаваніемъ и образомъ жизни наставниковъ, успѣхами и нравственностью учениковъ, съ неограниченнымъ правомъ суда и расправы надъ послѣдними. За нимъ слѣдовалъ рядъ другихъ начальниковъ, преимущественно монаховъ, въ видѣ префекта, суперъ-интенданта, учителей съ правами наказывать тѣлесно; а этими властями назначались еще своего рода начальники изъ „благонравнѣйшихъ" учениковъ, — аудиторы, цензоры, старшіе и пр. съ тѣмъ, чтобы помогать поставившимъ ихъ, слѣдить неотступно тайно и явно за своими товарищами (2).

Ученики (3), поступавшіе въ кіевской академіи добровольно, а въ московской иногда подъ угрозой отдачи въ солдаты лишены были права защиты передъ цѣлымъ строемъ начальниковъ, и жизнь ихъ въ академіи должна была подвергаться всѣмъ случайностямъ несдерживаемаго произвола (4).

---

(1) Смирновъ, 81.

(2) Булгаковъ, 50, 55—58.

(3) Число ихъ извѣстно только за нѣкоторые года; такъ въ 1715 г. въ Кіевѣ обучалось 1100, а въ 1717 въ Москвѣ слишкомъ 200.

(4) Къ сожалѣнію, относительно внутренняго устройства обѣихъ академій въ началѣ XVIII вѣка приходится довѣрять большею частію на слово Булгакову и Смирнову, такъ какъ первый описываетъ внутреннее состояніи академіи, при разсказѣ о второй половинѣ XVII вѣка и. утверждая, что подобное устройство надолго осталось и перешло въ моск. академію, не считаетъ нужнымъ при разсказѣ о XVIII в. касаться ея внутр. состоянія. Смирновъ-же только утверждаетъ о перенесеніи въ Москву кіевскихъ порядковъ, но не описываетъ ихъ.

если припомнимъ тяжелый способъ вознагражденія за обученье—семилѣтнее закрѣпощенье, при юридическомъ безправіи (не говоря вообще о его экономическихъ отношеніяхъ къ капиталисту), мы должны придти къ заключенію, что ученики-работники поставляемы были часто къ завѣдывавшимъ ихъ обученьемъ не только въ неравноправныя отношенія, но являлись иной разъ безсильными личностями передъ произволомъ какого нибудь фабриканта.—Законъ только въ концѣ 1723 г. позаботился о промышленномъ ученикѣ, когда регламентомъ мануфактуръ-коллегіи предписано было ей „всякое попеченіе имѣть о ученикахъ", „смотрѣть за компанейщиками, чтобы не было препятствій обученію отъ нужды или недовольства ученикамъ и мастерамъ", и чтобы ихъ „порядочно содержали". Мануфактуръ же коллегіи поручено было и экзаменовать учениковъ (1).

Протестъ противъ невыгодныхъ, тяжелыхъ условій своего положенія ученики могли высказывать тѣмъ, что бѣгали съ фабрикъ, отъ мастеровъ. Если имъ приходилось попадать въ подобныя отношенія за границей, гдѣ для русскихъ было больше свободы въ дѣйствіяхъ, то ремесленные ученики не хотѣли ни у мастеровъ быть, ни у контрактовъ или записей рукъ прикладывать (2).

Стремясь расширить передаточную промышленность-*торговлю*, Петръ Великій заботился научить русскихъ *необходимымъ* для этого *свѣдѣніямъ*. Такъ онъ старался познакомить съ мореплаваніемъ не однихъ только военныхъ моряковъ, но и другихъ русскихъ людей. Гостямъ Баженинымъ не только позволено было свободно принимать и держать русскихъ, желавшихъ поступить на корабли „для науки морскія службы", но даже отнюдь не велѣно административнымъ лицамъ брать поступившихъ къ Баженинымъ на казенную службу. Въ Петербургѣ розданы были безденежно разныхъ чиновъ людямъ парусныя и гребныя суда, и чтобъ научить, какъ плавать и содержать ихъ, кромѣ изданныхъ для этаго правилъ, велѣно было съ мая до октября по разу еженедѣльно ѣздить по морю въ указномъ мѣстѣ „лавирами, полу- и фордовиндомъ для обученія" 2, 3, 4 часа, смотря по времени

(1) П. С. З. № 4378, 24, 25 пп.
(2) Фактъ у Соловьева XVI. 302—303.

года. Съ неявившихся на экзерцицію и уѣхавшихъ съ нея раньше срока брался штрафъ [1]. — Весьма вѣроятно, что желаніе обучить русскихъ было однимъ изъ побужденій сдѣлать распоряженіе, по которому на службу на торговые корабли позволялось преимущественно матросовъ русской націи, иноземцевъ же не больше четверти, а иноземцамъ позволено имѣть въ Россіи транспортныя суда только подъ условіемъ, если на нихъ будутъ матросами русскіе [2].

Пріучая русскихъ къ новому для нихъ торговому пути,— морю, Петръ вмѣстѣ хотѣлъ познакомить съ практикой самаго торговаго дѣла въ томъ видѣ, какъ оно велось за границей. Коммерцъ-коллегіи именнымъ указомъ отъ 8 ноября 1723 года велѣно было „посылать въ чужіе краи торговыхъ людей дѣтей, чтобъ никогда меньше 15 человѣкъ въ чужихъ краяхъ не было, и когда которые обучатся, брать назадъ, а на ихъ мѣсто новыхъ, а обученнымъ велѣть здѣсь обучать (понеже всѣхъ посылать невозможно); чего ради брать изо всѣхъ знатныхъ городовъ, дабы вездѣ сіе велось; а въ Ригу и Ревель человѣкъ 20 и роздать капиталистамъ сіе обое число изъ посадскихъ; къ томужъ коллегіи трудъ имѣть обучать коммерціи опредѣленныхъ изъ дворянскихъ дѣтей“ [3].

Послѣ разсказа о мѣрахъ, предпринятыхъ Петромъ Великимъ для обученія русскаго народа разнымъ видамъ военнаго искуства и промышленности, перейдемъ къ мѣрамъ обученія другимъ спеціальнымъ знаніямъ, привлекавшимъ меньшее сравнительно съ предыдущими вниманіе преобразователя. Прежде всего о мѣрахъ къ обученію *медицинѣ*. Медицинѣ учили при Петрѣ не люди, посвятившіе себя исключительно только этому педагогическому дѣлу, но, какъ было часто въ то время и въ другихъ случаяхъ, сообщавшіе свои знанія при отправленіи своихъ собственныхъ обязанностей. При этомъ дѣло обученья могло отодвигаться на второй планъ. Такимъ образомъ были ученики у лѣкарей полковыхъ, корабельныхъ, гошпитальныхъ.—По воинскому уставу, полковые лѣкари повинны ротныхъ фельдшеровъ не только для одного

---

(1) П. С. З. №№ 1749; 3193. Записки Вебера Русск. Арх. 72 г. 1067 стр.

(2) П. С. З. № 3937, 79 и № 3863.

(3) № 4348, 4 п.

бритья солдатскаго употреблять, но и учить лѣкарскому дѣлу ([1]). Во флотѣ подъ вѣдомствомъ главнаго доктора положено было имѣть при одномъ лѣкарѣ на большемъ кораблѣ по два лѣкарскихъ ученика, а на маломъ по одному; каждому ученику поручался уходъ за нѣсколькими больными ([2]). Въ портахъ при гошпиталяхъ, кромѣ доктора и старшаго лѣкаря были простые лѣкаря по одному на 200 больныхъ, и каждому велѣно было имѣть по 2 гезеля и по 4 ученика, получавшихъ квартиру и пищу при гошпиталѣ. Здѣсь велѣно было обучать не только однихъ учениковъ, но иногда и лѣкарей, и гезелей. Эта обязанность лежала на докторѣ, онъ долженъ былъ „чинить часто разобраніе анатомическое тѣламъ человѣческимъ въ палатѣ, опредѣленной на то, причемъ лѣкари, гезели и ученики должны быть, которымъ долженъ онъ толковать о всѣхъ членахъ, и о болѣзняхъ, и о лѣкарствахъ, пристойныхъ къ тѣмъ болѣзнямъ, а особливо, которыя будутъ болѣзни странныя, тѣхъ отнюдь не пропускать безъ анатоміи“ ([3]).

Въ основанномъ въ 1707 г. въ Москвѣ военномъ гошпиталѣ Петръ велѣлъ доктору голландцу Бидлоо не только самому лѣчить, но и научить нѣсколько молодыхъ русскихъ людей, знающихъ голландскій и латинскій языки „хирургіи по основанію анатомическому“. Изъ прошенія этого доктора (1712 г.) видно, что онъ въ разное время набралъ до 50 студентовъ и обучалъ ихъ главнымъ образомъ анатоміи, хирургіи и во искуствѣ травъ, часто для этого собственноручно дѣлалъ операціи, не забывая учить пользовать и другія болѣзни, кромѣ хиругрическихъ. Изъ 50 его учениковъ 8 бѣжали, 6 умерли: нѣкоторые изъ остальныхъ усвоили, по словамъ Бидлоо, искуство основательно: „о хиругрической наукѣ такъ научилъ, что они во Франціи, Германіи и прочихъ государствахъ, такожъ и у вашего величества при дворцѣ во искуствѣ своего ученія похвалены“ ([4]).—Въ 1719 г., по предложенію адмирала, Петръ велѣлъ отослать къ доктору Блументросту изъ школьниковъ 30 человѣкъ, знающихъ латин-

---

([1]) П. С. З. № 3006, XXXIII гл. 4.
([2]) П. С. З. № 3485, отдѣлъ,—сколько какихъ чиновъ людей надлежитъ быть на кораблѣ. Кромѣ того кн. I, гл. VI, кн. III, гл. X.
([3]) П. С. З. № 3937 и XLVII, L, 10 п. LI, 2 и 5 пп.
([4]) Пек. I, 132—133, 136.

скій и нѣмецкій языкъ, выбравъ изъ нижнихъ чиновъ, для обученія лѣкарскаго (1).

Въ 1698 г., по желанію дьяка посольскаго приказа Волкова, сынъ его былъ отправленъ Петромъ учиться медицинѣ въ падуанскій университетъ съ содержаніемъ въ 1000 ефимковъ. Во время пребыванія во Франціи Петръ просилъ искуснаго офталміатра Уальгоза взять для обученія русскаго ученика. Въ 1724 г. одинъ изъ учениковъ Бидлоо Яповскій былъ посланъ во Францію для усовершенствованія въ медицинѣ (2).

Вмѣстѣ съ устройствомъ новыхъ коллегіальныхъ учрежденій предприняты были мѣры для обученія тамъ практическимъ свѣдѣніямъ по *юриспруденціи*. Сначала въ каждую коллегію дозволено было принимать въ ученье 6—7 человѣкъ изъ шляхетства; но такъ какъ такого количества изъ шляхетства не поступало, а въ иныхъ коллегіяхъ даже не было ни одного человѣка, то велѣно было въ 1724 году, сдѣлавъ смотръ ученикамъ разныхъ школъ и выбравъ 100, разослать ихъ по коллегіямъ. Поступившихъ въ коллегію юнкеровъ послѣ первоначальнаго обученія письму черезъ переписку дѣлъ и ариѳметикѣ велѣно было, подъ угрозой жестокаго наказанія коллежскимъ членамъ за неисполненіе предписаннаго и за послабленіе, обучать подъ руководствомъ секретаря коллегіи отправленію всякихъ, начиная съ самымъ нижнихъ, приказныхъ дѣлъ, принадлежащихъ вѣденію извѣстной коллегіи (3). Въ табелѣ о рангахъ разъяснено нѣсколько, чему должно было учить, „а именно (тому), что касается до праваго суда, также торгамъ внѣшнимъ и внутреннимъ къ прибыли имперіи и экономіи.....: Которые научатся вышепиманнымъ наукамъ, тѣхъ изъ коллегіи посылать въ чужіе края по нѣскольку для практики той науки (4).

Но обученьемъ только при коллегіяхъ Петръ не довольствовался, онъ хотѣлъ завести юридическія школы. Такъ въ 1722 году въ инструкціи герольдмейстеру поручено было ему пока академіи исправятся, учинить краткую школу; и

---

(1) П. С. З. № 3375.

(2) Пекар. I, 225, 44; Смирновъ 239.

(3) П. С. З. № 4457 и № 3534, XXXVI.

(4) П. С. З. № 3890, 14-й пунктъ изъ приложенныхъ для руководства.

ему отъ всякой знатныхъ и среднихъ дворянскихъ фамилій обучать экономіи и гражданству указную часть" (1).

Сознавая необходимость образованія для духовенства, Петръ заботился и *о духовномъ просвѣщеніи.* Впрочемъ постояннаго и непосредственнаго участія въ созиданіи системы духовно-церковнаго образованія мало замѣтно. Онъ, выбравъ того или другаго ученаго монаха, предоставлялъ ему самому почти полную свободу относительно внутренняго устроенія учебной системы. Только въ послѣднее время непосредственно дополнялось имъ то или другое. Чаще же Петръ стремился способствовать дѣлу обученія духовенства вспомогательными и принудительными мѣрами. Потому въ системѣ духовно-церковнаго обученія, а именно въ важнѣйшей части ея, —школахъ, хотя замѣтно и вліяніе личности и взглядовъ государя, преимущественно отразились три направленія, соотвѣтственно лицамъ, завѣдывавшимъ дѣломъ образованія: 1) направленіе Лихудовъ и ихъ учениковъ или греческое, 2) направленіе Стефана Яворскаго и кіевскихъ ученыхъ или латинское и 3) направленіе Ѳеофана Прокоповича.

Направленіе, данное духовному образованію братьями Лихудами до Петра, продолжало существовать и въ первые годы его царствованія (считая и двоевластіе послѣ Софьи), когда все еще шло постарому. Съ 1690 г. началась читаться логика и физика по Аристотелю. При изложеніи послѣдней науки наставникъ полемизировалъ съ древними философами и толкователями Аристотеля, причемъ въ основу своихъ сужденій онъ часто бралъ священное писаніе и этимъ оружіемъ поражалъ древнихъ физиковъ и атомистовъ. Кромѣ того по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ ученики собирались въ аудиторію и слушали проповѣди или толкованіе библіи, иногда вели диспуты для пріобрѣтенія діалектической ловкости. Преподаванье шло главнѣйшимъ образомъ на греческомъ языкѣ. Съ удаленіемъ въ 1694 году братьевъ Лихудовъ по прошеніямъ іерусалимскаго патріарха и другихъ грековъ, вѣроятно, недовольныхъ тѣмъ, что Лихуды не хотѣли дѣлиться съ пріѣзжавшими въ Москву соотечественниками, дѣло, начатое Лихудами поддерживали до 1700 году ученики ихъ Поликарповъ и другіе препо-

---

(1) П. С. З. № 3896, 2 п.

давая грамматику, піитику и риторику на одномъ греческомъ языкѣ, изгнавъ совершенно латинскій (1). Направленіе Лихудовъ отразилось и на ихъ бывшихъ ученикахъ; особенно это замѣтно въ Поликарповѣ (2). Выставляя въ своемъ букварѣ (1701 г.), что полезной цѣлью ученья можетъ считаться только то, что „учащійся въ царство небесно со святыми успѣетъ", онъ считаетъ нужнымъ помѣщать въ своей книгѣ творенія Григорія Назіанзинина и стословецъ патріарха Геннадія, а не рѣчи Солона, Цицерона и др., а тѣмъ болѣе „Есопа фригійскаго смѣхотворныя басни". Въ этомъ же букварѣ высказываются и его педагогическіе взгляды: онъ нашелъ нужнымъ помѣстить двѣ картинки, гдѣ ученики являются и на колѣняхъ, и кланяющимися въ ноги учителю, и разложенными на скамьѣ подъ ударами огромнаго пука розогъ съ поясненіемъ: „лѣнивіи за праздность біются" (3). Въ 1699 г. однако Поликарповъ съ товарищемъ вышли изъ академіи, поступивъ въ типографскіе справщики. Другихъ учителей, способныхъ поддерживать направленіе Лихудовъ, не оказывалось. Патріархъ Адріанъ, ревнитель греческаго направленія, состарился и мало заботился о школѣ. Петръ, сознавая неудовлетворительность подобнаго положенія дѣлъ, говорилъ Адріану, что нужно бы не одного человѣка въ учителя духовенству, что учениковъ въ московской академіи тоже мало, „никто школы, какъ подобаетъ, не назираетъ" (4). Наконецъ Курбатовъ извѣщалъ царя, что и внѣшняя сторона пришла въ разстройство: „школа...... въ разстройствѣ: ученики числомъ 150 человѣкъ очень недовольны, терпятъ во всемъ крайній недостатокъ и не могутъ учиться: потолки и печи обвалились" (5).

Неудовлетворявшее Петра состояніе академіи,—„отсутствіе знатнаго и искуснаго обученія", внѣшнее разстройство ея въ связи съ церковными безпорядками вообще и другими побужденіями,—повліяло на рѣшеніе Петра избрать блюстителемъ патріаршаго престола, а потомъ и протекторомъ академіи ученика кіевской академіи, окончившаго схоластическое образованіе въ

---

(1) Смирновъ. 56, 61, 67, 35—38.
(2) О Головинѣ и Іовѣ смотри тамъ-же 75, 76, 77.
(3) Пекар. I, 174—176.
(4) Устряловъ, III, 511.
(5) Соловьевъ, XV, 117.

польскихъ іезуитскихъ школахъ ученаго монаха Стефана Яворскаго. Приэтомъ ему, по словамъ автора „Молотка на камень вѣры“ наиболѣе подтверждено было „дабы не жалѣя имѣнія и доходовъ дома патріаршаго, училища учредилъ и о наученіи закона христіанскаго крайне прилежалъ“...(1).

Іезуитскія школы пользовались въ то время еще большимъ уваженіемъ не только въ католической Европѣ, но и въ западной Россіи: по образцу ихъ была основана кіевская академія и цѣлое XVII столѣтіе еще упорно держалась іезуитскаго устройства, иные православные рѣшались измѣнять своей вѣрѣ, чтобы только поучиться въ этихъ школахъ. Даже Ѳеофанъ Прокоповичъ, враждебно относившійся къ католичеству и его слугамъ іезуитамъ и къ „латынщикамъ“, и тотъ не могъ, какъ увидимъ впослѣдствіи, отдѣлаться въ иныхъ случаяхъ отъ іезуитскаго образца. Наконецъ и впослѣдствіи, до нашихъ дней, сущность этой системы крѣпко держалась въ нашихъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ. Понятно, что Яворскій, въ качествѣ ученика лембергской и познанской школъ имѣвшій возможность познакомиться съ внутреннимъ устройствомъ этихъ школъ, а въ бытность въ Кіевѣ ученикомъ и учителемъ академіи узнавшій и устройство іезуитскаго образца, пересаженнаго на православную почву, вынесшій изъ іезуитскихъ школъ сильное нерасположеніе ко всему протестанскому, а скорѣе сочувствіе къ католичеству, Яворскій, торжественно получившій за свои знанія въ схоластическихъ наукахъ и особенно въ латинской словесности рѣдкій титулъ „poëta lavreatus“ (2) и обязанный своимъ возвышеніемъ схоластической учености, сдѣлавшись протекторомъ московской академіи, стремился сдѣлать изъ нея нѣчто подобное іезуитской или скорѣе кіевской академіи. Онъ въ этомъ тѣмъ болѣе могъ успѣть, что получилъ отъ Петра, если только самъ не добился, указъ: „завесть въ академіи ученія латинскія“ (3). Этимъ какъ бы узаконялось предпочтеніе латинско-кіевскаго направленія греческому. Яворскій

---

(1) Чистовичъ «Ѳеофанъ Прокоповичъ и его время» стр. 394. Арсеній Маціевскій, писавшій противъ «Молотка», не опровергаетъ существованія подобныхъ требованій отъ Яворскаго.

(2) Булгаковъ. Исторія кіевской академіи 161.

(3) Указъ этотъ упоминается у Смирнова, 80 стр.

не замедлилъ исполненіемъ указа. Съ вызовомъ кіевскихъ ученыхъ, занявшихъ административныя и судебныя должности, а можетъ быть, и подготовленныхъ учениковъ (1), чтó весьма вѣроятно, латинскія школы (такъ стала называться теперь академія) получили внутреннее устройство очень сходное съ кіевской академіей.

Подробное описаніе этого устройства содержится въ сочиненіяхъ Булгакова „Исторія кіевской академіи" и Смирнова „Исторія славяно-греко-латинской академіи".

Главныя черты внутренняго устройства заключались въ слѣдующемъ.

Гражданская власть почти совершенно устранялась отъ непосредственнаго участія въ дѣлахъ внутренняго управленія школами, предоставивъ это духовному начальству. Высшей властью внутри академіи обладалъ ректоръ, онъ распоряжался суммами, надзиралъ за преподаваніемъ и образомъ жизни наставниковъ, успѣхами и нравственностью учениковъ, съ неограниченнымъ правомъ суда и расправы надъ послѣдними. За нимъ слѣдовалъ рядъ другихъ начальниковъ, преимущественно монаховъ, въ видѣ префекта, суперъ-интенданта, учителей съ правами наказывать тѣлесно; а этими властями назначались еще своего рода начальники изъ „благонравнѣйшихъ" учениковъ, — аудиторы, цензоры, старшіе и пр. съ тѣмъ, чтобы помогать поставившимъ ихъ, слѣдить неотступно тайно и явно за своими товарищами (2).

Ученики (3), поступавшіе въ кіевской академіи добровольно, а въ московской иногда подъ угрозой отдачи въ солдаты лишены были права защиты передъ цѣлымъ строемъ начальниковъ, и жизнь ихъ въ академіи должна была подвергаться всѣмъ случайностямъ несдерживаемаго произвола (4).

---

(1) Смирновъ, 81.

(2) Булгаковъ, 50, 55—58.

(3) Число ихъ извѣстно только за нѣкоторые года; такъ въ 1715 г. въ Кіевѣ обучалось 1100, а въ 1717 въ Москвѣ слишкомъ 200.

(4) Къ сожалѣнію, относительно внутренняго устройства обѣихъ академій въ началѣ XVIII вѣка приходится довѣрять большею частію на слово Булгакову и Смирнову, такъ какъ первый описываетъ внутреннее состояніи академіи, при разсказѣ о второй половинѣ XVII вѣка и утверждая, что подобное устройство надолго осталось и перешло въ моск. академію, не считаетъ нужнымъ при разсказѣ о XVIII в. касаться ея внутр. состоянія. Смирновъ-же только утверждаетъ о перенесеніи въ Москву кіевскихъ порядковъ, но не описываетъ ихъ.

Относительно же предметовъ учебныхъ занятій и метода изложенія преподаваемыхъ знаній можно сказать, что въ обѣихъ академіяхъ господствовала схоластика. Научившійся читать послявянски и писать могъ быть принятъ въ нисшій классъ академіи,—фару. Въ этомъ классѣ, точно также какъ и въ слѣдующихъ: инфимѣ, грамматикѣ и синтаксисѣ, особенное вниманіе обращалось на латинскій языкъ, такъ какъ на немъ читались почти всѣ другіе предметы, писались упражненія, говорились рѣчи и велись диспуты, онъ былъ обязательнымъ разговорнымъ языкомъ въ классахъ. Впрочемъ Максимовичъ замѣтилъ (1723—1724), что въ славяно-латинской академіи „учащіеся юноши истое познаніе латинскаго языка съ неудобствомъ пріемлютъ за скудостью лексиконовъ (¹). Но и уступившій свое мѣсто греческій не былъ забытъ какъ въ Кіевѣ, такъ и въ Москвѣ. Въ послѣдней въ 1704 г. была открыта греческая школа, гдѣ Лихуды учили и учениковъ латинскихъ школъ греческому языку (²). За то въ дурномъ состояніи было обученье славянскому языку. Вотъ что говоритъ про это въ 1721 г. Поликарповъ: „славянская грамматика въ тѣхъ училищахъ не преподаяшеся за оскуденіемъ сихъ книгъ..... грамматика... едва гдѣ обрѣтается, аки искра въ пеплѣ сокрываема“ (³). Съ слѣдующихъ затѣмъ классовъ піитики и риторики начиналось вполнѣ господство схоластики. Здѣсь руководствовались главнымъ образомъ правилами Цицерона и Квинтиліана. Въ піитикѣ цѣлый годъ знакомили съ разными родами и видами поэзіи и просодіи, преимущественно латинской, и затѣмъ учили по правиламъ стихосложенія слагать разнаго рода вирши и канты на праздники и торжественные случаи. Въ этихъ, въ большинствѣ мертвыхъ, сшитыхъ механически по мѣркѣ силлабахъ можно было найти много лести, напыщенныхъ фразъ и украшеній, но мало развивающаго, а еще меньше поэзіи (⁴). Риторика оставалась въ сущности той же средневѣковой учительницей краснорѣчія, которая впродолженіи двухъ лѣтъ „преподавала правила касательно размноженія словъ и мыслей вообще и въ част-

---

(¹) Смирновъ, 109; Булгаковъ, 54 и 75; Пекар. I, 194.
(²) Булгаковъ 77; Смирновъ, 73.
(³) Забѣлинъ Характеръ древняго обвазованія 11—12.
(⁴) Булгаковъ, 62, 78, 147; на 149 стр. конспектъ учебника поэзіи. 1720. Образцы и характеристика у Пекар. I, гл. XIII.

ности,.... правила, научающія сочинять рѣчи поздравительныя, привѣтственныя, просительныя, благодарственныя, прощальныя и надгробныя„ (1). Развѣ ту практическую пользу можно было извлечь изъ пiитики и риторики, что научившійся имъ могъ, забавляя слушателей пѣніемъ кантовъ и произнесеніемъ рѣчей, воскуряя фиміамъ предъ сильными міра сего, получить подачку въ какомъ нибудь видѣ (2).

Въ философіи читалась впродолженіи двухъ лѣтъ схоластическая философія по Аристотелю и коментаторамъ на него (къ Декарту относились недовѣрчиво). Подъ именемъ философіи преподавали скорѣе то, что могло составить предметъ логики, физики, магіи, метафизики, космографіи, астрологіи, физіологіи, психологіи, метеорологіи въ тогдашнемъ ихъ состояніи, такъ что тутъ наряду съ немногими живыми вопросами разсматривались и мельчайшіе виды силлогизма и вопросы въ родѣ, quid essentia formae et quidditas compositi? вопросы о симпатіи и антипатіи, о томъ, что такое пустота?, de subsistentia, de substantia, о числѣ небесъ, о вліяніи звѣздъ, о сиренахъ и розѣ безъ шиповъ, о душѣ прозябательной и т. п. (3).

Въ богословскомъ классѣ читался впродолженіи 4 лѣтъ обширный курсъ богословія по системѣ Ѳомы Аквината. Схоластики не довольствовались только тѣмъ, на что есть указанія въ библіи, а старались искать въ ученіи о Богѣ и ангелахъ сторонъ трудныхъ и непостижимыхъ, въ родѣ вопросовъ: о познаваемости и возможности воплощенія, въ чемъ состоитъ сущность свѣта славы въ жизни будущей? гдѣ сотворены ангелы? и т. п.

Въ богословіе входило также и объясненіе видовъ волшебства: договоровъ съ дьяволомъ, колдовства, оборотничества, и предлагались средства противъ этого (4). — Какимъ же методомъ рѣшались упомянутые философскіе и богословскіе вопросы? За отсутствіемъ экспериментальнаго

---

(1) Учебники 1689, 1698; конспекты риторики 1706, 1711, 1722 гг. у Булг. 64—65, 148—149.

(2) Булг. 79, 106—107; Смирн. 96; Пекар. I, 362

(3) Учебникъ философіи Лопатинскаго. Разборъ его у Смирнова 158—168. Булг. 67 и 68, 144.

(4) Смирновъ 143; Булгаковъ 69 и слѣд. Смирновъ 150.

и вообще научнаго метода вопросы рѣшались извѣстнымъ схоластическимъ способомъ. При этомъ ученику приходилось для объясненія, доказательства и подтвержденія всѣхъ тезисовъ, пунктовъ, возраженій и опроверженій заучивать тексты священнаго писанія, мнѣнія отцовъ церкви, догадки ученыхъ схоластиковъ, иногда предположенія, противорѣчившія одно другому, неоцѣненныя, оставленныя безъ всякаго вывода, распутывать мысленно всѣ отвлеченныя тонкости силлогизмовъ, запомнить посылки ихъ, чтобы самому съумѣть вывести заключеніе, а потомъ показать свои знанія на торжественномъ диспутѣ или на экзаменѣ. Мысль ученика, носясь вѣчно въ туманѣ предположеній и отвлеченностей, тѣмъ болѣе должна была сильно изнуряться, что даже для людей взрослыхъ и подготовленныхъ, какъ г. Булгаковъ „ничего не можетъ быть труднѣе, по его словамъ, для вниманія, какъ *читать* подобныя диспутаціи". Не менѣе обременялась и память ученика, набиваемая еще съ самаго поступленія латинскими и греческими вокабулами, метрами и риторическими фигурами. Тяжесть подобныхъ занятій сознавалась иногда и схоластиками. По крайней мѣрѣ Арріага говоритъ въ одномъ письмѣ: „вижу, что у тебя кругомъ голова пошла отъ столькихъ превращеній частей въ силлогизмахъ, и разсудокъ и память забиты повтореніемъ множества согласныхъ и гласныхъ: я 20 лѣтъ былъ въ школахъ и въ знаменитыхъ академіяхъ, присутствовалъ при множествѣ диспутовъ, и не зналъ ни одного, кто бы съ пользою могъ усвоить всѣ формы превращенія силлогизмовъ" (1).

Внѣшнее существованіе кіевской академіи поддерживалось главнымъ образомъ на доходы съ вотчинъ кіевобратскаго монастыря, при которомъ она находилась, и который заботился о училищномъ зданіи, и содержаніи (безъ жалованья) учащихъ и нѣсколькихъ учащихся, жившихъ въ бурсѣ при монастырѣ. Но доходы съ этихъ вотчинъ, кромѣ того что шли на содержаніе братіи и монастыря, были очень ограниченны и непостоянны, количество ихъ обусловливалось физическими явленіями, войной, хозяйственнымъ управленіямъ. Ѳеофанъ Прокоповичъ говорилъ, что до того времени, какъ онъ сдѣлался ректоромъ, „въ братскомъ монастырѣ такая была во всемъ нищета, что и вспомнить печально". Не смотря на то, что при Петрѣ число монастырскихъ вотчинъ увеличилось, что онъ велѣлъ ежегодно отпускать 50 рублей деньгами и

50 четвертей хлѣба, и тѣмъ положилъ начало ея независимымъ и постояннымъ средствамъ, всетаки этихъ средствъ было недостаточно для обезпеченія всѣхъ учащихся. Для воспитанниковъ академіи начальство прибѣгало къ сборамъ доброхотныхъ пожертвованій; одни изъ учениковъ поступали на кондиціи; другихъ же помѣщали при приходскихъ церквахъ исправлять церковныя службы; иные получали деньги за пѣніе кантовъ, а иные съ билетами отъ академіи расходились по кіевской губерніи для сбора пожертвованій и подаяній (¹).

Въ московской академіи по ходатайству Яворскаго опредѣлено было жалованье учителямъ—сначала по 100 рублей; въ 1710 г. оно было увеличено Петромъ до 300 р. ректору и до 150 учителямъ. Съ 1701 же года положено было и жалованье ученикамъ: богословамъ давалось на день по 8 денегъ; а съ 1718 г. 2 алтына; ученикамъ философіи по 8 денегъ постоянно; ученикамъ же прочихъ школъ по 6 денегъ. Такимъ образомъ въ промежутокъ времени отъ 1701—1713 г. ежегодно отпускалось среднимъ числомъ на жалованье почти 2756 р. Въ гораздо худшемъ состояніи находилась другая сторона академическаго хозяйства, какъ это видно изъ меморіала Яворскаго, поданнаго государю и писемъ Ѳеофилакта Лопатинскаго (1715—16 гг.): „школы обветшалыя и ворота раззоренныя и весь дворъ школьный исправленія требуютъ.... Кельи учительскія деревянныя и весьма сгнили и жить въ нихъ невозможно.... невозможно будетъ и ученикамъ въ школы ходить и учителямъ въ кельяхъ обветшалыхъ жити. Раззореніе сіе школъ многимъ смерть.... можетъ сотворити". Наконецъ послѣ многихъ просьбъ въ 1718 г. выдано было имъ указомъ 2746 рублей на поправку академіи (²). Учащимъ и учащимся приходилось еще выдерживать обиды отъ сильныхъ лицъ. Яворскій въ меморіалѣ говоритъ: „учителямъ и ученикомъ озлобленіе великое творится отъ сильныхъ лицъ и учениковъ біютъ безъ доложенія, кому надлежитъ, и на учительный дворъ разбоемъ и скопомъ находятъ; отъ которыхъ не малое безчестье и раззореніе чинится (³).

(¹) Булгаковъ, 50—52, 104—111; Чистовичъ, 19.
(²) Смирновъ 95—96, 88, Чистовичъ 31.
(³) Чистовичъ 31.

Разсмотрѣвъ внутреннее устройство академіи съ беззащитнымъ положеніемъ учащагося, съ трудной для изученія схоластической наукой, а также и нѣкоторыя черты внѣшняго быта, гдѣ ученикъ также былъ не въ безопасности, невольно задаешь себѣ вопросъ, что-же заставляло тогдашнихъ молодыхъ людей подчиняться произволу начальства и биться надъ непривлекательной сухой наукой? Удерживала при академіи боязнь попасть въ солдаты; кромѣ того побуждало оставаться въ ней то, хотя и скудное, содержаніе, которое выдавала академія или помогала получать отъ другихъ, и которое безъ этого было-бы трудно получить, особенно ребенку—бѣдняку (¹), а главное оставляла надежда на выгоды, которыя открывались для выучившихся. Можетъ быть привлекали и очень не многія свѣтлыя стороны тогдашней науки. Мнѣ кажется, что только этими побужденіями можно объяснить и то, что въ Кіевѣ, гдѣ выходъ изъ академіи, по словамъ Булгакова, былъ свободенъ, оставалось много учащихся при ней.

Но тяжелое положеніе брало верхъ надъ побужденіями остаться, и ученикъ выходилъ изъ академіи, какъ это бывало въ Кіевѣ и Москвѣ. Если же его лишали и права выхода, старались удержать, какъ это иногда бывало въ Москвѣ, онъ бѣжалъ изъ академіи. Въ 1716 г: Поликарповъ упоминаетъ о 40 подобныхъ бѣглыхъ. По словамъ г. Смирнова, одни изъ нихъ опредѣлялись въ математическую школу, другіе въ приказы, а иные укрывались въ домахъ родительскихъ или бродили по Москвѣ. Ихъ ловили и представляли на расправу въ академію.

Таково было въ общихъ чертахъ направленіе латинское, существовавшее въ кіевской академіи и введенное Яворскимъ и въ московскую.

Другихъ училищъ даже въ своей епархіи Яворскимъ не было основано, если только не считать того, что онъ позаботился объ ученьи требующихъ посвященья. Имъ изданы еще малыя книжицы съ толкованіемъ десяти заповѣдей (³).

(¹) Прокоповичъ говорилъ: «приходятъ *многіе* не для ученья, но еще иные и не способные по природѣ, *для жалованья*, только нищетною нуждою влекомы. Дух. регл. домы учил. 21 п.

(²) Духовный регл., домы училищныя XVI, 307. Смирн. 107.

(³) Чистовичъ, 394 стр. По словамъ автора «Молотка» дѣло здѣсь шло неуспѣшно.

Но кромѣ Яворскаго въ томъ же направленіи дѣйствовали и другіе. Такъ въ 1700 г. ученикомъ кіевской академіи Іоанномъ Максимовичемъ заведены были школы въ Черниговѣ. Въ 1705 году одинъ изъ его помощниковъ, іеромонахъ Антоній, писалъ уже: „живы будемъ,—въ настоящій годъ риторицкому ученью начало положено будетъ." Здѣсь риторикой и кончалось ученье. По примѣру кіевской академіи въ черниговскихъ школахъ желающіе безпрепятственно могли оставлять ихъ. Вообще, по словамъ Булгакова, черниговская семинарія была устроена по образу кіевской академіи и отъ нея получила первыхъ наставниковъ.

Въ Бѣлградѣ было заведено училище, гдѣ префектъ и учителя—монахи учили въ 8 школахъ тѣмъ же предметамъ, какъ въ кіевской академіи, кромѣ богословія. Для бѣдныхъ была заведена бурса ([2]).

Димитрій, получившій впослѣдствіи названіе Ростовскаго, назначенный въ 1702 г. Петромъ въ митрополиты Ростова, „завелъ училище при своемъ архіерейскомъ домѣ, и самъ ревностно занимался имъ, исполняя и учительскія обязанности, объясняя ученикамъ священныя книги". „Завелъ было, писалъ онъ къ Іову, училище греческое и латинское, ученики поучились года два и больше, ту-же начали было грамматику разумѣть не дурно; но попущеніемъ Божіимъ скудость архіерейскаго дома положила препятствіе, питающій насъ (Мусинъ Пушкинъ) вознегодовалъ, будто много издерживается на учителей и учениковъ, и отнято все, чѣмъ дому архіерейскому питаться—не только отчины, но и церковныя дани и вѣнечныя памяти" ([3]).

Филоѳей Лещинскій по пріѣздѣ въ Тобольскъ думалъ тоже завести школы и учить грамматикѣ славянской и латинской. Петръ велѣлъ ему черезъ Виніуса „паче простираться въ ученіи славянороссійской грамматики, и чтобы вся, аже попу или діакону надобно знать, изучились, и православной вѣры катехизисъ достаточно знали и по согласію содержащей въ ней артикулъ умѣли, и людей мірскихъ учили ([4])".

([1]) Пек. I, 109—110; II, 118. Булг. 91, Въ 1728 г. здѣсь училось 257 человѣкъ.

([2]) Пек. 110. Въ 1727 г. здѣсь учились 420 человѣкъ.

([3]) Соловьевъ XV, 126, XVI, 30.

([4]) Соловьевъ 127.

Такимъ образомъ латинское направленіе все больше и больше распространялось.

Въ тоже время и греческое направленіе, хотя, какъ выше было сказано, и уступило мѣсто латинскому, даже на время исчезло изъ московской академіи, всетаки нашло себѣ людей, желавшихъ поддержать его въ Россіи. Къ нимъ принадлежалъ извѣстный своей благотворительностью Іовъ, митрополитъ новгородскій. Съ позволенія Петра онъ вызвалъ къ себѣ братьевъ Лихудовъ и основалъ при своемъ домѣ греко-славянскую школу (1), гдѣ они и преподавали славянскую и греческую граматику, піитику, риторику. Для преподаванія славянской граматики не было и здѣсь хорошаго руководства. Рѣдко встрѣчавшійся обширный учебникъ Смотрицкаго, состоящій изъ вопросовъ и отвѣтовъ, съ трудными славянскими реченіями обременялъ память и затруднялъ пониманье учениковъ. Піитику и риторику Лихуды, вѣроятно, читали по своимъ руководствамъ. Изъ писемъ Іова видно, что въ 1706 г. и въ 1714 было въ этихъ школахъ слишкомъ 100 учениковъ, „которые отъ дому моего обычайный себѣ кормъ берутъ, да и учители.... кормомъ, и одеждами, и жалованьемъ за труды ихъ, пользы ради своей христіанскія церкви, изъ дому же моего награждаются". Кромѣ того заведено было 30 другихъ школъ по новгородской епархіи, гдѣ учили чтенію, письму и славянской граматикѣ; въ одной восемь человѣкъ учились греческому языку, а въ другой двое— риторикѣ (2).

Не одинъ Іовъ поддерживалъ греческое направленіе. Удаливши послѣднее изъ московской академіи, Яворскій потомъ почему-то нашелъ нужнымъ ввести въ латинскія школы преподаваніе греческаго языка, и оставивъ при себѣ Софронія Лихуда въ бытность послѣдняго въ 1708 г. въ Москвѣ, основалъ греческую школу, о которой было уже упомянуто выше.

По смерти Іова (1716 г.) и другой братъ Іоанникій былъ вызванъ въ Москву. Греческая школа продолжала существовать въ Москвѣ и во все остальное время царствованія Петра (3).

---

(1) Пекарскій I, 113—114, 185, 216—218. Смирновъ 52.

(2) Отъ 1706—1721 въ новгородской епархіи обучалось до 1007 человѣкъ.

(3) Смирновъ, 72—73 и у Пекарскаго.

Но рядомъ съ греческимъ и латинскимъ направленіемъ возникло и къ концу царствованія Петра значительно усилилось новое направленіе, появились люди, не сочувствующіе во многомъ ни прежнему направленію, ни представителямъ его въ школѣ и въ жизни, напротивъ желавшіе нововведеній въ систему духовнаго образованія, люди, сильные не своей численностью, а скорѣе поддержкой, которую они нашли въ Петрѣ. Важнѣйшимъ представителемъ этого новаго направленія можетъ считаться Ѳеофанъ Прокоповичъ.

Свѣтлый умъ и обширная ученость, состоящая не только въ знаніи древнихъ языковъ и схоластическихъ поэзіи, краснорѣчія и богословія, а основанная на изученіи отцовъ восточной и западной церкви, языческихъ и христіанскихъ древностей, классической литературы, на знакомствѣ съ протестанскими писателями, съ византійскими и славянскими лѣтописцами и историками, наконецъ его знанія по математикѣ, новой философіи (онъ изучалъ Бекона и Декарта) и новымъ языкамъ, его путешествія и его близкія наблюденія надъ строемъ римской церкви въ центрѣ католичества ([1]),— все это способствовало тому, что изъ него вышелъ не узкій схоластикъ, а ученый съ обширнымъ для своего времени взглядомъ на религію, науку, образованіе и на средства провести ихъ въ общество, поклонникъ науки, пропагандистъ просвѣщенія и ученья до гроба ([2]), врагъ невѣждъ и самодовольной ограниченности. Критически относясь къ католичеству и перейдя потомъ въ противники его „папежскаго духа“ и іезуитовъ, Прокоповичъ долженъ былъ враждебно смотрѣтъ на все, что носило вліяніе католицизма,—на русскихъ „латынщиковъ“ и на направленіе, введенное ими въ русскую учебную систему. Дѣйствительно, въ его частныхъ письмахъ, проповѣдяхъ и вообще въ его произведеніяхъ, кромѣ доказательствъ о необходимости духовнаго образованія и нападеній на невѣжество вообще, можно найти насмѣшки и намеки и на одностороннее направленіе въ духовномъ образованіи. Такъ въ „Духовномъ регламентѣ“ послѣ трактата въ защиту ученья

([1]) Пекарскій I, 483, 488. 341—332, Чист. 5, 22 и др.

([2]) «Просвѣщенный человѣкъ, говорилъ онъ, никогда сытости не имѣетъ въ познаніи своемъ, но не престанетъ никогда же учитися, аще бы онъ и Маѳусалевъ вѣкъ прежилъ». Дух. регл, домы училищные.

противъ считающихъ его виновникомъ ересей, Феофанъ говоритъ; „есть ученіе, которое имени того не достойно есть: а обаче отъ людей, хотя и умныхъ, но того не свѣдующихъ, судится быть за прямое ученье. Обычно вопрошаютъ мнози, въ которыхъ школахъ былъ онсица: и когда услышатъ, что онъ былъ въ реторикѣ, въ философіи, и въ богословіи, за единыя тыя имена высоко ставятъ, въ чемъ часто погрѣшаютъ". Объясняетъ это онъ между прочимъ и тѣмъ, что „многія училища въ прежней (средневѣковой) тинѣ остались, такъ что у оныхъ реторики, философіи и прочихъ ученій имена точію суть, и дѣло не тое...., таковаго же, тако рещи, привидѣннаго и мечтательнаго ученья вкусившіи человѣцы глупѣйшіе бываютъ отъ неученыхъ (1)". Опредѣленнѣе онъ высказывается въ другихъ случаяхъ. Такъ говоря о значеніи воспитанія въ дѣтскомъ возрастѣ, онъ прибавляетъ: „а воспитаніе токовое въ Россіи, кто не видитъ, какъ скудное....." говоритъ, что буквари „славенскимъ высокимъ діалектомъ, а не просторѣчіемъ написаны, того ради лишалися доселѣ отроцы подобающаго себѣ воспитанія", что религіозное образованіе заключается по мнѣнію многихъ, людей богобоязненныхъ, въ исполненіи внѣшнихъ обрядовъ, въ „тѣлесныхъ обученіяхъ", что вообще ученье нейдетъ далѣе одного чтенія: „не многіи ли обрѣтаются книгочіи, которые заповѣдей Божіихъ и силы молитвъ не знаютъ....."? Нѣкоторые же помышляютъ о себѣ, что „понеже читать умѣютъ, вельми мудри суть..." (2). Относительно обученья латинскому языку въ академіи, Феофанъ говоритъ, что то, что-бы слѣдовало пройти въ годъ, „у насъ за пять и за шесть мало кто постигаетъ;—что можно знать потому, что студентъ изъ философіи или богословіи изшедшій не можетъ перевесть и средняго стиля латинскаго" (3). Наконецъ относительно вообще односторонняго направленія тогдашнихъ схоластическихъ учителей, риторовъ, піитовъ, и богослововъ и о ихъ невѣжествѣ онъ пишетъ „наши латинщики также (какъ и іезуиты) высоко о себѣ думаютъ, не сомнѣваясь, что проглотили цѣлый океанъ мудрости. Лѣтъ 15 тому назадъ были въ модѣ такъ называемые ораторскіе пріемы (conceptus);

---

(1) Духовный регл., домы училищные.
(2) Пекарскій I. 178—779. Чистовичъ 50—51.
(3) Духовный регл., домы училищные.

церковныя каѳедры оглашались тогда (увы) чудными хитросплетеніями, напр., что значитъ 5 буквъ въ имени Маріи?.... и многое тому подобное. И давались на подобные вопросы отвѣты весьма важные и солидные. Потомъ настала другая болѣзнь. Всѣ начали стихотворствовать до тошноты, чѣмъ въ особенности страдала новая академія...... Но всетаки прежде мы не такъ еще тяжело болѣли. Нынѣ всѣ мы.... болѣемъ теологіею... Всѣ стремятся учить и почти никто нехочетъ учиться. И въ такія то мрачныя времена, когда почти нельзя найти ревностнаго усерднаго ученика божественныхъ знаній, вотъ тебѣ безчисленное множество учителей!" (1)—Враждебные протесты Ѳеофана противъ латинскаго направленія не ограничились только нападками и обличеніями т. е. занятіями отрицательнаго характера. Благодаря своей дѣятельной натурѣ, онъ былъ способенъ проводить свои взгляды въ жизнь. Это еще ясно обнаружилось, когда онъ, сдѣлавшись по возвращеніи изъ за границы учителемъ, а потомъ префектомъ кіевской академіи, по словамъ одного біографа „non solum logicam, methaphisicam, morumque doctrinam, sed etiam *phisicam, arithemeticam et geometriam* magno cum applausu explicuit..." „*methodo nova*, clara et facili", какъ добавляетъ другой біографъ (2). Къ тому же обстоятельства благопріятельствовали Ѳеофану. Онъ пріобрѣлъ сочувствіе и довѣріе преобразователя и подъ защитой и по желанію этой силы онъ началъ не только свободнѣе высказывать свои взгляды, составлять уставы, проекты, но съ согласія царя и разрушать старое, и прилагать въ широкихъ размѣрахъ выработанные имъ взгляды къ жизни.

Съ главными чертами того направленія, которое Петръ и Ѳеофанъ хотѣли ввести въ церковно-учебную систему можно познакомиться изъ „Духовнаго регламента", составленнаго Прокоповичемъ, поправленнаго въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Петромъ и получившаго потомъ силу закона, кромѣ того изъ

---

(1) Чистовичъ 39, а также 72.

(2) Тамъ же. 14. По словамъ Чистовича, физика, ариѳметика и геометрія до Прокоповича не читались. Физика читалась, но только схоластическая, а не экспериментальная, которую, вѣроятно, началъ читать Прокоповичъ, любитель опытовъ.

служебную роль матеріала для экзерциціи, т. е. переводовъ съ латинскаго на русскій и съ русскаго на латинскій. Приэтомъ Өеофанъ совѣтуетъ назначить особый день въ недѣлѣ, „въ который на картѣ будетъ показывать учитель циркулы, планисферіа и универсальную ситуацію міра, а еще лучше бы сіе дѣлать на глобусѣ и такъ обучать студентовъ, чтобы могли перстомъ показать, когда кто спроситъ ихъ, гдѣ Азія, гдѣ Африка, гдѣ Европа, и къ которымъ сторонамъ подъ нами лежитъ Америка, такожъ и особь о государствахъ, гдѣ Египетъ, гдѣ Хина, гдѣ Португалія и прочая, а другое полгода давать въ экзерциции переводить исторію универсальную, да краткую: только бы былъ авторъ чистаго языка латинскаго, яковый есть Юстинъ историкъ, и мощно будетъ послѣ другихъ усмотрѣть". Въ слѣдъ за тѣмъ Өеофанъ прибавляетъ, какіе, по его мнѣнію, плоды должно принести подобное совмѣстное изученіе грамматики съ географеей и исторіей: „и сіе весьма полезно: ибо ученицы великое (!) ко ученію возымѣютъ доброходство; когда невеселое языка ученье толь веселымъ (!) міра и мимошедшихъ въ мірѣ дѣлъ познаніемъ растворено имъ будетъ: и скоро отъ нихъ грубость отпадетъ (!)". Послѣ грамматики назначался годъ на ариөметику и геометрію. Затѣмъ послѣ трехгодичнаго изученія логики или діалектики, риторики, стихотворнаго ученья, физики и краткой метафизики вводился новый предметъ „политика краткая Пуффендорфова, но не рѣшительно: „аще она потребна судится быть", „можетъ она присовокупитися и къ діалектикѣ". Богословіе проходилось не въ 4 а въ 2 года, причемъ долженъ быть употребляемъ новый учено-историческій методъ, выработанный протестантской наукой, (по которому для подтвержденія догмата требовалось филологическое и историческое изученіе св. писанія и церковой древности (1). Если будутъ учителя, то допускалось также изученіе греческаго и еврейскаго языка.—Для пособія при обученіи должны быть выбраны лучшія заграничныя руководства по указаннымъ предметамъ, и кромѣ того при академіи должна быть заведена библіотека, которой пользуются учителя и ученики. Для изучившихъ языки даже поставлялось въ обязанность заниматься подъ руководствомъ учителя переводомъ какого нибудь автора въ опредѣленные часы и дни.

(1) Чистовичъ 17 стр.

„Но что паче всего, и почитай едино есть потребно и полезно: быть при академіи, а въ началѣ и безъ академіи семинаріумъ для ученія и воспитанія дѣтей, какіе вымышлено не мало во иноземныхъ странахъ“. Семинарія, въ которой предполагалось содержать 50—70 учащихся, должна была исполнять собственно назначеніе бурсы въ томъ случаѣ, если бы она находилась при академіи, такъ какъ учиться семинаристы могли бы въ послѣдней. При отдѣльномъ же отъ академіи существованіи, въ семинаріи пришлось бы, вѣроятно, не только жить, но тутъ-же вести и классныя занятія.

Въ семинаріи ректоръ также „верховная власть всѣхъ, всякимъ по разсужденію наказаніемъ наказывать можетъ“. Затѣмъ слѣдовали префекты или надсмотрщики, обязанностью которыхъ было наблюдать за соблюденіемъ порядка; каждый долженъ былъ смотрѣть за 8 или 9 семинаристами, живущими въ отдѣльномъ помѣщеніи. „А всякъ бы семинаристъ изъ избы своей безъ его благословенія не исходилъ и то съ объявленіемъ причины, куды и для чего исходитъ“. Надсмотрщикомъ можетъ быть „не вельми свирѣпый и не меланхоликъ“. Кромѣ префектовъ назначены были еще два ученыхъ монаха—экзаменаторы, т. е. „розыщики ученья“, какъ кто учится, лѣниво или прилежно. Префектамъ и экзаменаторамъ дана была власть наказывать провинившихся учениковъ малыхъ розгою, а среднихъ и большихъ словомъ угрозительнымъ, на неисправляющихся доносить ректору. Поступать могли дѣти отъ 10 до 15 лѣтъ; воспитанные же дома въ страхѣ и въ добромъ надсмотрѣ принимались и старше. Семинарію хотѣли сдѣлать вполнѣ закрытымъ заведеніемъ. Поступившій впродолженіи 3 лѣтъ не выпускался въ отпускъ никуда, и только по истеченіи этого времени позволялось 2 раза въ годъ по недѣлѣ побывать у родственниковъ, но и тутъ къ ученику приставляли провожатаго, который долженъ былъ находиться при отпущенномъ „вездѣ, всегда и при всякихъ случаяхъ“, и о всемъ доносить ректору, а утаившаго дурное велѣно „бить гораздо“. При свиданіяхъ съ родственниками въ академіи также велѣно было присутствовать академическимъ членамъ: ректору или экзаминатору.—Самъ Өеофанъ Прокоповичъ долженъ былъ признаться, что „таковое младыхъ человѣкъ житіе кажется быти стужительное и заключенію плѣнническому

подобное; но, утѣшаетъ дальше онъ, кто *обыкнетъ* такъ жить, хотя чрезъ единъ годъ, тому весьма сладко (?!..) будетъ". Однако всетаки онъ находитъ нужнымъ и возможнымъ развлекать плѣнниковъ тѣмъ, что во время трапезы будутъ читаться исторіи церковныя или воинскія, а иногда повѣсти „о мужахъ во ученіи просіявшихъ: церковныхъ великихъ учителяхъ, риторахъ, философахъ, астрономахъ, историкахъ" и др. и находитъ, что это должно быть очень пріятно. Для развлеченія же онъ вводитъ ученіе желающихъ музыкѣ, опредѣляетъ ежедневно *два* часа для всѣхъ на гулянье и игры, однажды или дважды въ годъ разрѣшаетъ устраивать рекреаціи, дважды или болѣе въ годъ диспуты, комедіи.

Духовный регламентъ обязываетъ также каждаго епископа основать при своихъ домахъ школы для приготовленія священнослужителей, опредѣляетъ учебную программу и средства содержанія. Синодскимъ указомъ 31 мая 1722 г. (¹) было дополнено предыдущее постановленіе Духовнаго регламента, такъ что оба эти постановленія стали требовать слѣдующаго: „учителей опредѣлить умныхъ и честныхъ, которые въ книжномъ чтеніи были бъ остры и разумны, и правоглаголаніе добро произносить и удареніе просодіи, и препинаніе строчное безпогрѣшно соблюдать знали, и другихъ научить были довольны". Отъ учителей требовалось, чтобы они дѣтей учили не только чисто, и ясно и точно по книгамъ честь, но и учились бы честь и разумѣть. Потомъ ученики должны были затвердить наизусть книжку съ толкованіемъ главнѣйшихъ догматовъ вѣры и 10 заповѣдей (букварь Прокоповича „Первое ученіе" отрокомъ, въ которомъ были буквы и слоги, также краткое толкованіе законнаго десятословія, молитвы господней, символа вѣры и девяти блаженствъ), а другую о должностяхъ всякихъ чиновъ. Затѣмъ начиналось обученіе славянской грамматикѣ, „а къ тому грамматическому ученью коемуждо архіерею ученыхъ людей получать, откуда кто возможетъ, и о томъ грамматическомъ ученьи всеприлежное имѣть тщаніе...." Наконецъ велѣно было обучать ариѳметикѣ, и нужнѣйшей части геометріи,—двумъ наукамъ потребнымъ и церкви, и гражданству. „Совершеннѣйшихъ же ученій богословскаго и философскаго, также и нужнѣй-

---

(¹) № 4021. въ П. С. З.

шихъ языковъ искуства еще за скудостью довольныхъ къ сему учителей преподавать не возможно".—Содержаніе учителя: кормъ и жалованье должны были идти изъ архіерейской казны, а потому епископамъ предлагалось сократить непроизводительные расходы, не держать лишнихъ учителей, не дѣлать не нужныхъ строеній, не умножать священническаго одѣянья и своего платья. На кормъ нуждающимся ученикамъ и на книги велѣно было брать отъ знатнѣйшихъ въ епархіи монастырей 20-ю, а отъ церковныхъ земель (гдѣ есть) 30-ю долю хлѣба.

Не одни академіи, семинаріи и архіерейскія школы предполагалось завести,—задумано было устроить при Невскомъ монастырѣ такое церковно-учебное заведеніе, гдѣ бы выучившіеся въ семинаріи и сдѣлавшіеся потомъ монахами могли съ 30-ти лѣтъ приготовляться къ высшимъ духовнымъ должностямъ.

Верховный надзоръ за школой поручался архимандриту монастыря, онъ слѣдилъ за успѣхами, нравственностью учащихся, могъ виновныхъ наказывать и смирять. При этомъ онъ руководствовался и докладомъ директора, втораго лица послѣ архимандрита, которое должно было слѣдить преимущественно за учебными и учеными занятіями упомянутыхъ монаховъ. Послѣдніе, освобожденные нѣсколько отъ строгости монашескаго искуса должны были пріучаться говорить проповѣди сначала въ трапезѣ, потомъ всѣ поочереди разъ по 10 въ церкви при семинаріи, въ Невскомъ монастырѣ, затѣмъ уже въ петербургскихъ и московскихъ церквахъ. Въ промежутки-же между приготовленіями къ очереднымъ проповѣдямъ (особенно если проповѣдниковъ будетъ не меньше 10) надлежитъ, гласитъ указъ, задавать имъ собственные труды, напр. переводить книги и сочинять трактаты о вещахъ, достойныхъ вѣденія. Для этого они должны были ежедневно по 2 часа до и послѣ полудня упражняться въ монастырской библіотекѣ въ чтеніи исторіи, учителей древнихъ и прочихъ и записывать, что покажется достойнымъ; особенное вниманіе имъ слѣдовало обращать на законы царскіе, правила древнихъ соборовъ, силу ихъ и употребленіе. Обязанность же директора заключалась тутъ въ томъ, чтобы осматривать, исправлять и свидѣтельствовать проповѣди (прежде чѣмъ проповѣдники будутъ говорить), переводы, трактаты и наблюдать за ихъ занятіями въ библіотекѣ. Оцѣнку сдѣланнаго

каждымъ съ прибавленіемъ своихъ мнѣній о нравственности и реестромъ трудовъ онъ и сообщалъ архимандриту (¹).

Таковы были общія законодательныя мѣры, обязанныя своимъ существованіемъ главнымъ образомъ Ѳеофану Прокоповичу и содѣйствію Петра, мѣры, которыми старались дать новое направленіе церковно-учебной системѣ.

Это новое направленіе выразилось въ томъ, что въ учебную программу академіи вводились ариѳметика, геометрія, дѣлались попытки ввести географію, исторію, политику извѣстнаго тогдашняго историка Пуффендорфа, измѣнялся схоластическій методъ въ преподаваніи богословія, допускались въ академію мастера музикійскихъ инструментовъ, въ низшихъ школахъ заботились ввести славянскую грамматику, ариѳметику и геометрію, наконецъ стали приготовлять къ церковно-ученой и проповѣднической дѣятельности. Но рядомъ съ этими нововводимыми предметами остаются схоластическія піитика, риторика и философія.—Сравнивая же отношенія, въ какія поставлены начальствующіе и учащіеся мѣрами Ѳеофана съ прежними, мы замѣчаемъ, что онъ не только узаконялъ юридическую неравноправность ученика относительно начальника, жестокія наказанія, но стремился закрѣпить его за академіей, т. е. лишить его и права свободнаго выхода изъ учебнаго заведенія. Кромѣ того Ѳеофанъ хотѣлъ ввести строго—закрытыя учебныя заведенія со всѣми дурными послѣдствіями ихъ для ученика; къ полнѣйшей зависимости отъ начальства во время класснаго ученья и во время бурсацкой жизни присоединялись еще всѣ невзгоды заключенія.

За изданіемъ этихъ законоположеній послѣдовало примѣненіе ихъ. Тутъ Ѳеофанъ по своей распорядительности и по своему вліянію является тоже главнѣйшимъ дѣятелемъ, часто развивая и дополняя при этомъ свои общія постановленія другими, преимущественно частнаго характера.

Такъ въ томъ же году, какъ былъ изданъ „Духовный регламентъ" и учрежденъ потомъ синодъ, послѣдовало распоряженіе, по которому академія подчинялась синоду и протекторомъ ея былъ назначенъ сторонникъ Ѳеофана,—архимандритъ Гавріилъ Бужинскій (²). Затѣмъ кромѣ упомянутаго ука-

---

(¹) № 4450, опред. II, 3—12 пп.

(²) Смирновъ 87.

за 1 сентября 1723 г. послѣдовали указы о наборѣ поповскихъ, дьяконскихъ и причетниковыхъ дѣтей въ академію; но такъ какъ въ народѣ смотрѣли на призывъ въ академію точно такъ же какъ дьячокъ интерлюдіи, который говоритъ:

„посмотрите какая на меня бѣда!
Дѣтей моихъ отъ меня отнимаютъ
и въ проклятую семинарію на муку обираютъ.
О, мои дѣтушки сердечные,
не на ученье васъ берутъ, а на мученье безконечное" (1)

то велѣно брать и „неволею", подъ угрозой лишенія должности тѣхъ отцовъ, которые не представятъ въ академію дѣтей или будутъ укрывать сбѣжавшихъ (2).

Указомъ Петра отъ 1725 года, упоминаемымъ г. Смирновымъ, было подтверждено „учить геометріи и (даже) тригонометріи всякаго званія людей, кто пожелаетъ" (3).

Вмѣстѣ съ тѣмъ задумано было учрежденіе новой академіи въ Петербургѣ, хотя въ представленномъ Ѳеофаномъ проэктѣ онъ предложилъ завести только семинарію съ названіемъ „Петеръ-гартенъ". Замѣчательно, какое либеральное для того времени нововведеніе хотѣлъ онъ сдѣлать въ этомъ учебномъ заведеніи относительно учителей и программы: „не таковыхъ ни есть, но изрядныхъ и свидѣтельствованныхъ учителей надобѣ, которыхъ призвать бы изъ академій иноземныхъ... и не надобѣ опасатися, дабы оные дѣтей нашихъ не совратили къ своей богословіи, ибо можно имъ артикулами опредѣлить, чего оные учить будутъ должны, и надсматривать, не учатъ ли нѣчто нашему исповѣданію противное. А именно преподавали бы они только ученія внѣшнія, языковъ, философіи, *юриспруденціи*, исторіи и проч., а не богословскихъ догматовъ, которыхъ учиться имѣютъ ученики отъ единовѣрныхъ себѣ учителей" (4) Въ томъ же 1721 г. онъ заботился о построеніи училищнаго дома, представилъ на разсмотрѣніе государя рисунокъ его, смѣту строительныхъ матеріаловъ, прося Макарова поторопиться этимъ дѣломъ,

(1) Пекарскій I, 454.
(2) П. С. З. № 4294 и у Смирнова на 106.
(3) Смирн. 85—86. 113.
(4) Пекарскій I, VII-е приложеніе §§ 3 и 4. 564 и слѣд. стр.

позаботиться о денежномъ коштѣ для построенія, предлагая употребить нѣсколько тысячъ повѣнечныхъ денегъ смоленскаго архіерея, хотѣвшаго было употребить ихъ на строеніе каменной церкви. Собравъ 20 учениковъ, Прокоповичъ предлагалъ устроить временное помѣщеніе хотя у себя на дому человѣкъ на 30. Государь велѣлъ отпустить изъ кабинета 2000 р. на строеніе семинаріи, а въ августѣ 1724 г. Синодъ подалъ докладъ государю, спрашивая, откуда довольствовать учителей, учениковъ и служителей,—слѣдовательно почти все было приготовлено къ открытію (1).

Наконецъ въ 1721 же году Ѳеофанъ завелъ при своемъ домѣ школу. Въ учителя между прочимъ былъ присланъ одинъ молодой человѣкъ, рекомендованный *лютеранскимъ пасторомъ.* Ѳеофанъ справлялся о его родителяхъ, характерѣ, способностяхъ. Извѣстно также, что отъ 1722—1725 г. былъ у него учителемъ *датчанинъ* Адамъ Селлій, а въ 1723 г. взялъ къ себѣ между прочимъ и для надзора за учениками іеродіакона Адама, котораго Родышевскій и Лопатинскій считали „лютераниномъ“, „только для виду православнымъ (2)“.

О внутреннемъ бытѣ этого училища можно судить по сохранившимся правиламъ семинаріи Ѳеофана (3).

По основаннымъ чертамъ они сходны съ постановленіями духовнаго регламента о академіи и семинаріи. Тѣже почти учебные предметы (введены еще римскія древности и рисованіе), тѣже надсмотрщики (XXV, 1 и 2) и провожатые, почти тѣже увеселенія, но здѣсь Ѳеофанъ довелъ свою воспитательную систему до крайностей, до жестокости и іезуитизма. Директоръ обязывался осматривать инквизиторскимъ взглядомъ даже письма, присылаемыя съ родины отъ отца, матери, брата и проч.. Даже пошептаться съ товарищами и то было нельзя. Такъ какъ самому директору нельзя же было постоянно слѣдить за исполненіемъ мельчайшихъ правилъ,

(1) Чистовичъ 133—136.

(2) Тамъ-же. 631, 632, 640.

(3) Эти правила помѣщены въ VIII. прилож. къ книгѣ Чистовича «Ѳеоф. Прок. и его время». Впрочемъ они написаны, повидимому, послѣ Ѳеофана, такъ какъ онъ названъ здѣсь архіепископомъ новгородскимъ и великолуцкимъ. Если даже при Петрѣ и не существовало письменныхъ правилъ, то Ѳеофанъ руководствовался подобными имъ по духу. Эти письменно—изложенныя правила не противорѣчатъ и его основнымъ взглядамъ на воспитаніе.

то узаконялось ябедничество не только для желающихъ, но даже требовалось отъ каждаго. Преступившій какое нибудь правило, иногда даже незначительное, а также и другіе, кто видѣлъ это и не донесъ подвергались „жестокимъ наказаніямъ".

Что касается до школъ, открываемыхъ другими архіереями ([1]), то, по дошедшимъ отъ 1727 - 28 гг. во многихъ отношеніяхъ не полнымъ донесеніямъ изъ разныхъ епархій ([2]), однѣ изъ школъ не открывались вовсе до этого времени (въ епархіяхъ крутицкой, воронежской переяславской, астраханской), другія (въ рязанской, псковской, устюжской) открылись уже по окончаніи дѣятельности Петра—въ 1725, 26 гг., большинство ихъ открылось только 1723—24 гг. и немногія (какъ въ нижегородской, тверской епархіяхъ) открыты были въ 21 и 22 гг. Численностью учениковъ и успѣхами обученія также не особенно отличались новыя школы. У большинства ихъ едва набиралось по 50 человѣкъ; только въ нижегородской школѣ оказалось довольно—значительное число (не меньше 500). Труднѣе точно опредѣлить научные успѣхи въ этихъ школахъ при жизни Петра. Извѣстно, что большинство учениковъ сидѣло еще за букварями, часословцами и псалтырями, и только меньшинство принималось за славянскую грамматику и латинскіе елементари, нововведеніе же Ѳеофана,—ариѳметика, преподавалась только въ одной казанской школѣ, да и то въ очень ограниченныхъ размѣрахъ. Въ Казани напр. изъ 52 человѣкъ обучились букварямъ наизусть, славянской грамматикѣ, начальнымъ основаніямъ латинскаго языка и ариѳметикѣ до дѣленія только пятеро. Въ нижегородской славяно-россійской школѣ въ 4—5 лѣтъ изъ 84 человѣкъ выучились грамматикѣ тоже пятеро.

Изъ указанныхъ донесеній нельзя вполнѣ объяснить, вслѣдствіе чего явилось подобное состояніе архіерейскихъ школъ. Замѣчательно то, что за тупость исключали незначительный процентъ, а въ донесеніи изъ холмогорской епархіи

([1]) Я не касаюсь состоянія школъ въ епархіяхъ кіевской, черниговской, бѣгогородской, новгородской, гдѣ продолжали существовать старыя школы и постановленія регламента духовнаго о архіерейскихъ школахъ, кажется, мало чѣмъ на нихъ отразились.

([2]) У Пекарск. I, 108—121.

отъ 27 года сказано, „изъ зачинаемыхъ же нынѣ [illegible] учениковъ и много есть, которые и скудные и индѣ учитися не имѣютъ гдѣ и за что, а весьма наслаждатися ученья желаютъ“.— Не мало, конечно, вліяло на школы отношеніе къ этому дѣлу людей, на которыхъ возложено было исполненіе его—отъ епископовъ. Относительно ихъ можно сказать, что при Петрѣ не много было личностей въ средѣ архіереевъ, которые бы высказали дѣятельное, энергическое желаніе поддерживать стремленія Ѳеофана и Петра въ дѣлѣ образованія духовенства. Напротивъ многіе изъ духовенства и монашества относились несочувственно къ Ѳеофану и вообще къ его направленію, въ частности же къ новой учебной системѣ,—ей задѣвались живыя струны: стали вмѣшиваться въ разные церковные доходы, которые духовенство и монашество привыкли считать своей собственностью, отъ епископовъ требовалось довольно безцеремонно уменьшеніе собственныхъ расходовъ—въ пользу школъ, а къ этому не всякій могъ равнодушно отнестись. Нѣкоторые факты, кажется, подтверждаютъ это, а именно у епископовъ, извѣстныхъ своимъ образованіемъ или дѣятельной жизнью дѣло идетъ лучше другихъ. Въ рязанской епархіи съ пріѣздомъ Гавріила Бужинскаго число учениковъ съ 70 возросло до 269. Извѣстный за дѣятельнаго епископа, Питиримъ, повидимому, энергически взялся и за школы.— Должна была вліять и тогдашняя наука, и учебные порядки; наприм. изъ александровской школы слишкомъ треть учениковъ „отстала отъ ученья за невзятіемъ науки и за скорбію“.—Задерживалъ успѣшный ходъ дѣла вообще низкій уровень умственнаго развитія общества: въ иныхъ епархіяхъ (крутицкой, рязанской, вятской) ученье останавливалось за недостаткомъ учителей. Архіереямъ приходилось отрывать отъ школы и посвящать въ священники, діяконы и причетники людей, едва научившихся букварю и тѣмъ удовлетворять незатѣйливымъ требованіямъ общества.—Наконецъ объясненія описаннаго положенія школъ нужно искать и въ характерѣ доходовъ, назначенныхъ на ихъ содержаніе Сборъ хлѣбомъ былъ доходъ не постоянный, обусловливался случайностями, неурожаемъ и др. Источниковъ для этого дохода не вездѣ было достаточно, а въ другихъ мѣстахъ и совсѣмъ не оказывалось:— это по крайней мѣрѣ выставляютъ на видъ донесенія многихъ епархій (бѣлогородской, казанской, вятской, переяслав-

ской, астраханской, нижегородской, тобольской, иркутской). Только въ послѣднее время Петръ старался описаніемъ монастырскихъ имѣній точнѣе опредѣлить сумму дохода.

Въ заключеніе обзора церковно-учебной системы нужно упомянуть еще о нѣсколькихъ ученикахъ московской академіи, получавшихъ по распоряженію Петра духовное образованіе за границей. Такъ въ 1716 г. Петръ велѣлъ послать заграницу изъ латинской школы лучшихъ ребятъ, которые „гораздо поострая". Изъ нихъ Горлецкій, Постниковъ и Каргопольскій назначены были царемъ въ парижскія училища, а Анохинъ и Козловскій должны были учиться въ Прагѣ вмѣстѣ съ Суворовымъ. Первые трое учились философіи, французскому языку и богословіи, остальные либеральнымъ наукамъ у іезуитовъ. Въ 1717 г. отправлены были по приказанію государя Иванъ Воейковъ и Иванъ Ильинскій во Франкфуртъ въ іезуитскую коллегію для изученія философіи и словесныхъ наукъ. При образованіи этихъ учениковъ богословіе было отодвинуто на второй планъ; судя по ихъ позднѣйшей дѣятельности, главнымъ образомъ переводческой, они скорѣе были языковѣды.—Матеріальное положеніе „парижскихъ студентовъ" часто было крайне незавидно. Вотъ отрывки одного изъ многихъ писемъ къ Зотову съ просьбой о помощи: „живемъ въ послѣдней бѣдности и нищетѣ—едва не отчаеваемся живота нашего, для того что всѣ насъ оставили..... мы бѣдные терпимъ холодъ, наготу, босоту, а въ каморахъ мы свѣчъ не имѣемъ и всегда мучимся, а не учимся..... многое время теряемъ безъ прибытка наукѣ..." (¹).

Вотъ система церковно-духовнаго образованія, которая была вводима въ Россію при поддержкѣ Петра Великаго.

Съ изученіемъ упомянутыхъ спеціальностей часто соединялось, какъ это и было видно, изученіе новыхъ и древнихъ *языковъ* (²); нерѣдко впрочемъ оно происходило отдѣльно отъ спеціальнаго образованія разныхъ родовъ, преслѣдуя другія цѣли.

(¹) Пекар. I, 238—241. Смирновъ 235.

(²) И указъ Петра относительно переводчиковъ художествъ гласитъ, что знаніе языка и знаніе спеціальности одно съ другимъ должно быть неразрывно.

Обученіе языкамъ происходило въ школахъ (¹), у учителей, жившихъ внѣ школы, а также и тамъ, гдѣ представлялась возможность или случай, особенно заграницей, на иностранныхъ корабляхъ, верфяхъ и другихъ мѣстахъ. Учителями за недостаткомъ русскихъ, знавшихъ языки, были почти все иностранцы, зачастую плохо, даже вовсе незнавшіе русскаго языка или иногдазнакомые съ своимъ языкомъ практически, а не научно, грамматически. Отъ такихъ учителей русскіе обучались (одному или нѣсколькимъ) языкамъ: нѣмецкому, италіанскому, французскому, голланскому, англійскому, турецкому, арабскому, персидскому, латинскому, греческому и еврейскому.—Кромѣ упомянутыхъ выше фактовъ объ изученіи языковъ извѣстны и другія свѣденія объ этомъ предметѣ. Такъ Лихуды, кромѣ преподаванья въ академіи, учили частнымъ образомъ латинскому языку. Потомъ въ 1697 г. по удаленіи изъ академіи велѣно было за казенное жалованье обучать италіанскооу языку 55 дѣтей бояръ, гостей и людей гостинной сотни и др, Лихуды, дѣйствительно, учили по италіански, но только 10 человѣкъ изъ разныхъ чиновъ, а остальные не явились по разнымъ обстоятельствамъ (²).—„Тѣ изъ плѣнныхъ шведскихъ офицеровъ, жившихъ въ Тобольскѣ, которые не могли заниматься никакимъ ремесломъ, опредѣлялись къ комменданту и другимъ значительнымъ лицамъ учителями нѣмецкаго языка (³)“. Этому же языку учиться велѣно было послать въ 1716 г. въ Кенигсбергъ 30 или 40 молодыхъ подъячихъ отъ 15 до 20 лѣтъ, умныхъ и добрыхъ, которые бы могли науки воспріять, и при нихъ надзирателя, чтобъ не гуляли. Содержаніе по 200 ефимковъ на человѣка должно было сбираться съ оставшихся подъячихъ (⁴).—Въ 1703 г. въ Амстердамѣ подъ надзоромъ вицеадмирала Крюйса учились русскіе ребята „по голлански и

(¹) Кромѣ греческой и латинскихъ, о которыхъ было сказано выше, были и другіе. Пекар. I, 128, 121. Сол. XVI, 307. и П. С. З. № 2389. По видимому, подъ именемъ школъ французской и нѣмецкой нужно понимать училище, заведенное Глюкомъ, о чемъ подробнѣе будетъ сказано ниже.

(²) Пекарск. I, 190; Смирновъ 69—70.

(³) Журналъ М. Н. П. за 1857 г. 3-й т. Шведская школа въ Тобольскѣ.

(⁴) П. С. З. №№ 2986 и 2997.

шихъ языковъ искуства еще за скудостью довольныхъ къ сему учителей преподавать не возможно".—Содержаніе учителя: кормъ и жалованье должны были идти изъ архіерейской казны, а потому епископамъ предлагалось сократить непроизводительные расходы, не держать лишнихъ учителей, не дѣлать не нужныхъ строеній, не умножать священническаго одѣянья и своего платья. На кормъ нуждающимся ученикамъ и на книги велѣно было брать отъ знатнѣйшихъ въ епархіи монастырей 20-ю, а отъ церковныхъ земель (гдѣ есть) 30-ю долю хлѣба.

Не одни академіи, семинаріи и архіерейскія школы предполагалось завести, —задумано было устроить при Невскомъ монастырѣ такое церковно-учебное заведеніе, гдѣ бы выучившіеся въ семинаріи и сдѣлавшіеся потомъ монахами могли съ 30-ти лѣтъ приготовляться къ высшимъ духовнымъ должностямъ.

Верховный надзоръ за школой поручался архимандриту монастыря, онъ слѣдилъ за успѣхами, нравственностью учащихся, могъ виновныхъ наказывать и смирять. При этомъ онъ руководствовался и докладомъ директора, втораго лица послѣ архимандрита, которое должно было слѣдить преимущественно за учебными и учеными занятіями упомянутыхъ монаховъ. Послѣдніе, освобожденные нѣсколько отъ строгости монашескаго искуса должны были пріучаться говорить проповѣди сначала въ трапезѣ, потомъ всѣ поочереди разъ по 10 въ церкви при семинаріи, въ Невскомъ монастырѣ, затѣмъ уже въ петербургскихъ и московскихъ церквахъ. Въ промежутки-же между приготовленіями къ очереднымъ проповѣдямъ (особенно если проповѣдниковъ будетъ не меньше 10) надлежитъ, гласитъ указъ, задавать имъ собственные труды, напр. переводить книги и сочинять трактаты о вещахъ, достойныхъ вѣденія. Для этого они должны были ежедневно по 2 часа до и послѣ полудня упражняться въ монастырской библіотекѣ въ чтеніи исторіи, учителей древнихъ и прочихъ и записывать, что покажется достойнымъ; особенное вниманіе имъ слѣдовало обращать на законы царскіе, правила древнихъ соборовъ, силу ихъ и употребленіе. Обязанность же директора заключалась тутъ въ томъ, чтобы осматривать, исправлять и свидѣтельствовать проповѣди (прежде чѣмъ проповѣдники будутъ говорить), переводы, трактаты и наблюдать за ихъ занятіями въ библіотекѣ. Оцѣнку сдѣланнаго

каждымъ съ прибавленіемъ своихъ мнѣній о нравственности и реестромъ трудовъ онъ и сообщалъ архимандриту ([1]).

Таковы были общія законодательныя мѣры, обязанныя своимъ существованіемъ главнымъ образомъ Ѳеофану Прокоповичу и содѣйствію Петра, мѣры, которыми старались дать новое направленіе церковно-учебной системѣ.

Это новое направленіе выразилось въ томъ, что въ учебную программу академіи вводились ариѳметика, геометрія, дѣлались попытки ввести географію, исторію, политику извѣстнаго тогдашняго историка Пуффендорфа, измѣнялся схоластическій методъ въ преподаваніи богословія, допускались въ академію мастера музикійскихъ инструментовъ, въ низшихъ школахъ заботились ввести славянскую грамматику, ариѳметику и геометрію, наконецъ стали приготовлять къ церковно-ученой и проповѣднической дѣятельности. Но рядомъ съ этими нововводимыми предметами остаются схоластическія піитика, риторика и философія.—Сравнивая же отношенія, въ какія поставлены начальствующіе и учащіеся мѣрами Ѳеофана съ прежними, мы замѣчаемъ, что онъ не только узаконялъ юридическую неравноправность ученика относительно начальника, жестокія наказанія, но стремился закрѣпить его за академіей, т. е. лишить его и права свободнаго выхода изъ учебнаго заведенія. Кромѣ того Ѳеофанъ хотѣлъ ввести строго—закрытыя учебныя заведенія со всѣми дурными послѣдствіями ихъ для ученика; къ полнѣйшей зависимости отъ начальства во время класснаго ученья и во время бурсацкой жизни присоединялись еще всѣ невзгоды заключенія.

За изданіемъ этихъ законоположеній послѣдовало примѣненіе ихъ. Тутъ Ѳеофанъ по своей распорядительности и по своему вліянію является тоже главнѣйшимъ дѣятелемъ, часто развивая и дополняя при этомъ свои общія постановленія другими, преимущественно частнаго характера.

Такъ въ томъ же году, какъ былъ изданъ „Духовный регламентъ“ и учрежденъ потомъ синодъ, послѣдовало распоряженіе, по которому академія подчинялась синоду и протекторомъ ея былъ назначенъ сторонникъ Ѳеофана,—архимандритъ Гавріилъ Бужинскій ([2]). Затѣмъ кромѣ упомянутаго ука-

---

([1]) № 4450, опред. II, 3—12 пп.

([2]) Смирновъ 87.

за 1 сентября 1723 г. послѣдовали указы о наборѣ поповскихъ, дьяконскихъ и причетниковыхъ дѣтей въ академію; но такъ какъ въ народѣ смотрѣли на призывъ въ академію точно такъ же какъ дьячокъ интеріmедіи, который говоритъ:

„посмотрите какая на меня бѣда!
Дѣтей моихъ отъ меня отнимаютъ
и въ проклятую семинарію на муку обираютъ.
О, мои дѣтушки сердечные,
не на ученье васъ берутъ, а на мученье безконечное" (1)

то велѣно брать и „неволею", подъ угрозой лишенія должности тѣхъ отцовъ, которые не представятъ въ академію дѣтей или будутъ укрывать сбѣжавшихъ (2).

Указомъ Петра отъ 1725 года, упоминаемымъ г. Смирновымъ, было подтверждено „учить геометріи и (даже) тригонометріи всякаго званія людей, кто пожелаетъ" (3).

Вмѣстѣ съ тѣмъ задумано было учрежденіе новой академіи въ Петербургѣ, хотя въ представленномъ Ѳеофаномъ проэктѣ онъ предложилъ завести только семинарію съ названіемъ „Петеръ-гартенъ". Замѣчательно, какое либеральное для того времени нововведеніе хотѣлъ онъ сдѣлать въ этомъ учебномъ заведеніи относительно учителей и программы: „не каковыхъ ни есть, но изрядныхъ и свидѣтельствованныхъ учителей надобѣ, которыхъ призвать бы изъ академій иноземныхъ.... и не надобѣ опасатися, дабы оные дѣтей нашихъ не совратили къ своей богословіи, ибо мощно имъ артикулами опредѣлить, чего оные учить будутъ должны, и надсматривать, не учатъ ли нѣчто нашему исповѣданію противное. А именно преподавали бы они только ученія внѣшнія, языковъ, философіи, *юриспруденціи*, исторіи и проч., а не богословскихъ догматовъ, которыхъ учиться имѣютъ ученики отъ единовѣрныхъ себѣ учителей" (4) Въ томъ же 1721 г. онъ заботился о построеніи училищнаго дома, представлялъ на разсмотрѣніе государя рисунокъ его, смѣту строительныхъ матеріаловъ, прося Макарова поторопиться этимъ дѣломъ,

(1) Пекарскій I, 454.
(2) П. С. З. № 4291. и у Смирнова на 106.
(3) Смирн. 85—86, 113.
(4) Пекарскій I, VII-е приложеніе §§ 3 и 4. 561. и слѣд. стр.

позаботиться о денежномъ коштѣ для построенія, предлагая употребить нѣсколько тысячъ повѣнечныхъ денегъ смоленскаго архіерея, хотѣвшаго было употребить ихъ на строеніе каменной церкви. Собравъ 20 учениковъ, Провопович предлагалъ устроить временное помѣщеніе хотя у себя на дому человѣкъ на 30. Государь велѣлъ отпустить изъ кабинета 2000 р. на строеніе семинаріи, а въ августѣ 1724 г. Синодъ подалъ докладъ государю, спрашивая, откуда довольствовать учителей, учениковъ и служителей,—слѣдовательно почти все было приготовлено къ открытію (1).

Наконецъ въ 1721 же году Θеофанъ завелъ при своемъ домѣ школу. Въ учителя между прочимъ былъ присланъ одинъ молодой человѣкъ, рекомендованный *лютеранскимъ пасторомъ.* Θеофанъ справлялся о его родителяхъ, характерѣ, способностяхъ. Извѣстно также, что отъ 1722—1725 г. былъ у него учителемъ *датчанинъ* Адамъ Селлій, а въ 1723 г. взялъ къ себѣ между прочимъ и для надзора за учениками іеродіакона Адама, котораго Родышевскій и Лопатинскій считали „лютераниномъ“, „только для виду православнымъ (2)“.

О внутреннемъ бытѣ этого училища можно судить по сохранившимся правиламъ семинаріи Θеофана (3).

По основаннымъ чертамъ они сходны съ постановленіями духовнаго регламента о академіи и семинаріи. Тѣже почти учебные предметы (введены еще римскія древности и рисованіе), тѣже надсмотрщики (XXV, 1 и 2) и провожатые, почти тѣже увеселенія, но здѣсь Θеофанъ довелъ свою воспитательную систему до крайностей, до жестокости и іезуитизма. Директоръ обязывался осматривать инквизиторскимъ взглядомъ даже письма, присылаемыя съ родины отъ отца, матери, брата и проч.. Даже пошептаться съ товарищами и то было нельзя. Такъ какъ самому директору нельзя же было постоянно слѣдить за исполненіемъ мельчайшихъ правилъ,

(1) Чистовичъ 133—136.

(2) Тамъ-же. 631, 632, 640.

(3) Эти правила помѣщены въ VIII. прилож. къ книгѣ Чистовича «Θеоф. Прок. и его время». Впрочемъ они написаны, повидимому, послѣ Θеофана, такъ какъ онъ названъ здѣсь архіепископомъ новгородскимъ и великолуцкимъ. Если даже при Петрѣ и не существовало письменныхъ правилъ, то Θеофанъ руководствовался подобными имъ по духу. Эти письменно—изложенныя правила не противорѣчатъ и его основнымъ взглядамъ на воспитаніе.

то узаконялось ябедничество не только для желающихъ, но даже требовалось отъ каждаго. Преступившій какое нибудь правило, иногда даже незначительное, а также и другіе, кто видѣлъ это и не донесъ подвергались „жестокимъ наказаніямъ".

Что касается до школъ, открываемыхъ другими архіереями ([1]), то, по дошедшимъ отъ 1727 - 28 гг. во многихъ отношеніяхъ не полнымъ донесеніямъ изъ разныхъ епархій ([2]), однѣ изъ школъ не открывались вовсе до этого времени (въ епархіяхъ крутицкой, воронесжкой переяславской, астраханской), другія (въ рязанской, псковской, устюжской) открылись уже по окончаніи дѣятельности Петра—въ 1725, 26 гг., большинство ихъ открылось только 1723—24 гг. и немногія (какъ въ нижегородской, тверской епархіяхъ) открыты были въ 21 и 22 гг. Численностью учениковъ и успѣхами обученія также не особенно отличались новыя школы. У большинства ихъ едва набиралось по 50 человѣкъ; только въ нижегородской школѣ оказалось довольно—значительное число (не меньше 500). Труднѣе точно опредѣлить научные успѣхи въ этихъ школахъ при жизни Петра. Извѣстно, что большинство учениковъ сидѣло еще за букварями, часословцами и псалтырями, и только меньшинство принималось за славянскую грамматику и латинскіе елементари, нововведеніе же Ѳеофана,—ариѳметика, преподавалась только въ одной казанской школѣ, да и то въ очень ограниченныхъ размѣрахъ. Въ Казани напр. изъ 52 человѣкъ обучились букварямъ наизусть, славянской грамматикѣ, начальнымъ основаніямъ латинскаго языка и ариѳметикѣ до дѣленія только пятеро. Въ нижегородской славяно-россійской школѣ въ 4—5 лѣтъ изъ 84 человѣкъ выучились грамматикѣ тоже пятеро.

Изъ указанныхъ донесеній нельзя вполнѣ объяснить, вслѣдствіе чего явилось подобное состояніе архіерейскихъ школъ. Замѣчательно то, что за тупость исключали незначительный процентъ, а въ донесеніи изъ холмогорской епархіи

([1]) Я не касаюсь состоянія школъ въ епархіяхъ кіевской, черниговской, бѣгогородской, новгородской, гдѣ продолжали существовать старыя школы и постановленія регламента духовнаго о архіерейскихъ школахъ, кажется, мало чѣмъ на нихъ отразились.

([2]) У Пекарск. I, 108—121.

отъ 27 года сказано, „изъ зачинаемыхъ же нынѣ много учениковъ и много есть, которые и скудные и индѣ учитися не знаютъ гдѣ и за что, а весьма наслаждатися ученья желаютъ“.— Не мало, конечно, вліяло на школы отношеніе къ этому дѣлу людей, на которыхъ возложено было исполненіе его—тѣхъ епископовъ. Относительно ихъ можно сказать, что при Петрѣ не много было личностей въ средѣ архіереевъ, которые бы высказали дѣятельное, энергическое желаніе поддержать стремленія Ѳеофана и Петра въ дѣлѣ образованія духовенства. Напротивъ многіе изъ духовенства и монашества отнеслись несочувственно къ Ѳеофану и вообще къ его направленію, въ частности же къ новой учебной системѣ,—ей задѣвались живыя струны: стали вмѣшиваться въ разные церковные доходы, которые духовенство и монашество привыкли считать своей собственностью, отъ епископовъ требовалось довольно безцеремонно уменьшеніе собственныхъ расходовъ—въ пользу школъ, а къ этому не всякій могъ равнодушно отнестись. Нѣкоторые факты, кажется, подтверждаютъ это, а именно у епископовъ, извѣстныхъ своимъ образованіемъ или дѣятельной жизнью дѣло идетъ лучше другихъ. Въ рязанской епархіи съ пріѣздомъ Гавріила Бужинскаго число учениковъ съ 70 возросло до 269. Извѣстный за дѣятельнаго епископа, Питиримъ, повидимому, энергически взялся и за школы.— Должна была вліять и тогдашняя наука, и учебные порядки; наприм. изъ александровской школы слишкомъ треть учениковъ „отстала отъ ученья за невзятіемъ науки и за скорбію“.—Задерживалъ успѣшный ходъ дѣла вообще низкій уровень умственнаго развитія общества: въ иныхъ епархіяхъ (крутицкой, рязанской, вятской) ученье останавливалось за недостаткомъ учителей. Архіереямъ приходилось отрывать отъ школы и посвящать въ священники, діяконы и причетники людей, едва научившихся букварю и тѣмъ удовлетворять незатѣйливымъ требованіямъ общества.—Наконецъ объясненія описаннаго положенія школъ нужно искать и въ характерѣ доходовъ, назначенныхъ на ихъ содержаніе Сборъ хлѣбомъ былъ доходъ не постоянный, обусловливался случайностями, неурожаемъ и др. Источниковъ для этого дохода не вездѣ было достаточно, а въ другихъ мѣстахъ и совсѣмъ не оказывалось:— это по крайней мѣрѣ выставляютъ на видъ донесенія многихъ епархій (бѣлогородской, казанской, вятской, переяслав-

ской, астраханской, нижегородской, тобольской, иркутской). Только въ послѣднее время Петръ старался описаніемъ монастырскихъ имѣній точнѣе опредѣлить сумму дохода.

Въ заключеніе обзора церковно-учебной системы нужно упомянуть еще о нѣсколькихъ ученикахъ московской академіи, получавшихъ по распоряженію Петра духовное образованіе за границей. Такъ въ 1716 г. Петръ велѣлъ послать заграницу изъ латинской школы лучшихъ ребятъ, которые „гораздо поостряя". Изъ нихъ Горлецкій, Постниковъ и Каргопольскій назначены были царемъ въ парижскія училища, а Анохинъ и Козловскій должны были учиться въ Прагѣ вмѣстѣ съ Суворовымъ. Первые трое учились философіи, французскому языку и богословіи, остальные либеральнымъ наукамъ у іезуитовъ. Въ 1717 г. отправлены были по приказанію государя Иванъ Воейковъ и Иванъ Ильинскій во Франкфуртъ въ іезуитскую коллегію для изученія философіи и словесныхъ наукъ. При образованіи этихъ учениковъ богословіе было отодвинуто на второй планъ; судя по ихъ позднѣйшей дѣятельности, главнымъ образомъ переводческой, они скорѣе были языковѣды.—Матеріальное положеніе „парижскихъ студентовъ" часто было крайне незавидно. Вотъ отрывки одного изъ многихъ писемъ къ Зотову съ просьбой о помощи: „живемъ въ послѣдней бѣдности и нищетѣ—едва не отчаеваемся живота нашего, для того что всѣ насъ оставили..... мы бѣдные терпимъ холодъ, наготу, босоту, а въ каморахъ мы свѣчъ не имѣемъ и всегда мучимся, а не учимся..... многое время теряемъ безъ прибытка наукѣ..." (1).

Вотъ система церковно-духовнаго образованія, которая была вводима въ Россію при поддержкѣ Петра Великаго.

Съ изученіемъ упомянутыхъ спеціальностей часто соединялось, какъ это и было видно, изученіе новыхъ и древнихъ *языковъ* (2); нерѣдко впрочемъ оно происходило отдѣльно отъ спеціальнаго образованія разныхъ родовъ, преслѣдуя другія цѣли.

---

(1) Пекар. I, 238—241. Смирновъ 235.

(2) И указъ Петра относительно переводчиковъ художествъ гласитъ, что знаніе языка и знаніе спеціальности одно съ другимъ должно быть неразрывно.

Обученіе языкамъ происходило въ школахъ (1), у учителей, жившихъ внѣ школы, а также и тамъ, гдѣ представлялась возможность или случай, особенно заграницей, на иностранныхъ корабляхъ, верфяхъ и другихъ мѣстахъ. Учителями за недостаткомъ русскихъ, знавшихъ языки, были почти все иностранцы, зачастую плохо, даже вовсе незнавшіе русскаго языка или иногдазнакомые съ своимъ языкомъ практически, а не научно, грамматически. Отъ такихъ учителей русскіе обучались (одному или нѣсколькимъ) языкамъ: нѣмецкому, италіанскому, французскому, голланскому, англійскому, турецкому, арабскому, персидскому, латинскому, греческому и еврейскому.—Кромѣ упомянутыхъ выше фактовъ объ изученіи языковъ извѣстны и другія свѣденія объ этомъ предметѣ. Такъ Лихуды, кромѣ преподаванья въ академіи, учили частнымъ образомъ латинскому языку. Потомъ въ 1697 г. по удаленіи изъ академіи велѣно было за казенное жалованье обучать италіанскоау языку 55 дѣтей бояръ, гостей и людей гостинной сотни и др. Лихуды, дѣйствительно, учили по италіански, но только 10 человѣкъ изъ разныхъ чиновъ, а остальные не явились по разнымъ обстоятельствамъ (2).—„Тѣ изъ плѣнныхъ шведскихъ офицеровъ, жившихъ въ Тобольскѣ, которые не могли заниматься никакимъ ремесломъ, опредѣлялись къ комменданту и другимъ значительнымъ лицамъ учителями нѣмецкаго языка (3)". Этому же языку учиться велѣно было послать въ 1716 г. въ Кенигсбергъ 30 или 40 молодыхъ подъячихъ отъ 15 до 20 лѣтъ, умныхъ и добрыхъ, которые бы могли науки воспріять, и при нихъ надзирателя, чтобъ не гуляли. Содержаніе по 200 ефимковъ на человѣка должно было сбираться съ оставшихся подъячихъ (4).—Въ 1703 г. въ Амстердамѣ подъ надзоромъ вице-адмирала Крюйса учились русскіе ребята „по голландски и

(1) Кромѣ греческой и латинскихъ, о которыхъ было сказано выше, были и другіе. Пекар. I, 128, 121. Сол. XVI, 307. и П. С. З. № 2389. По видимому, подъ именемъ школъ французской и нѣмецкой нужно понимать училище, заведенное Глюкомъ, о чемъ подробнѣе будетъ сказано ниже.

(2) Пекарск. I, 190; Смирновъ 69—70.

(3) Журналъ М. Н. П. за 1857 г. 3-й т. Шведская школа въ Тобольскѣ.

(4) П. С. З. №№ 2986 и 2997.

по французски". Матвѣевъ нашелъ ихъ изрядно выученными „какъ письму, такъ и порядку здѣшнему" (¹).—Еще въ 1700 г. для миссіонерскихъ цѣлей Петръ велѣлъ выбрать въ Малороссіи добраго и ученаго инока съ 3 или 2 другими учеными и добрыми монахами, „которые бы могли китайскому и мунгальскому языку и грамотѣ научитись....". Это приказаніе Петра, кажется, не приводилось въ исполненіе раньше конца его жизни, когда съ Саввой Рагузинскимъ отправлены были въ Китай трое учениковъ московской академіи съ упомянутыми цѣлями.—Указомъ 1716 г. предписано было „на Москвѣ изъ латинскихъ школъ выбрать изъ учениковъ робятъ добрыхъ молодыхъ 5 человѣкъ, такихъ, которые бы по меньшей мѣрѣ грамматику выучили, для посылки въ Персиду при посланникѣ г. Волынскомъ для ученья языкамъ турецкому, арабскому и персидскому". Ниже будутъ указаны и другія мѣры для обученія языкамъ.

Для изученія иностраннаго языка такъ, чтобы не только понимать разговоръ на немъ, но и умѣть правильно, точно переводить на родной языкъ требуется соединеніе многихъ условій. Прежде всего—знакомства съ роднымъ языкомъ. Грамматическія же знанія при Петрѣ были очень ограничены (дальше грамматики Смотрицкаго почти вовсе не шли) и не распространены. Даже въ славено-россійскихъ Аѳинахъ, какъ мы видѣли, не преподавалось долгое время славянской грамматики. Наконецъ въ то время славянскій и русскій языкъ былъ скуденъ словами,—для многихъ предметовъ и понятій еще не было подыскано подходящихъ именъ и выраженій, не говоря уже о техническомъ языкѣ (²). Затѣмъ способствуютъ изученію языка учебныя пособія, какъ грамматики иностранныхъ языковъ, лексиконы. При Петрѣ же дѣльныя пособія тѣмъ болѣе могли быть полезны, что во многихъ случаяхъ могли бы замѣнить учителей—иностранцевъ, и они, дѣйствительно, время отъ времени появлялись. Были напечатаны латинская грамматика и вокабулы Копіевскаго, переводъ голланской грамматики Севела (1717 г.), нѣмецкіе азбука и вокабулы. Въ 1704 г. вышелъ въ Москвѣ „Лексиконъ треязычный, сирѣчь реченій славенскихъ, еллино-

(¹) Соловьевъ XV, 64.

(²) Переводъ ихъ довелъ Волкова, переводчика, до отчаянія. Пекарскій I, 226.

греческихъ и латинскихъ сокровище" Полика[illegible] начальнаго знакомства съ этими языками (1). Изъ [illegible] напечатанныхъ при Петрѣ руководствъ нельзя [illegible] значительныхъ пробѣловъ въ нихъ, особенно по [illegible] камъ. Сравненіе количества пособій для изученія [illegible] ныхъ языковъ у насъ съ тѣмъ, что было по этому [illegible] на западѣ, привело Максимовича къ заключенію: „сіе [illegible] всероссійское государство даже до сего времени безъ сего [illegible] бываетъ успѣянія...." (2) —Относительно пріемовъ преподаванія замѣчателенъ, между прочимъ, способъ, какимъ хотѣли научить русскихъ гардемариновъ иностранному языку: ихъ размѣщали по одному или по два на какой нибудь иностранный корабль, среди людей, непонимающихъ ни слова по русски (3). При встрѣчѣ только съ упомянутыми неблагопріятными условіями изученіе языковъ, особенно новыхъ, и то для многихъ должно было представлять немалыя затрудненія, а тутъ еще въ самихъ учебникахъ множество препятствій для учащагося въ изложеніи, языкѣ. Въ правѣ ли мы теперь требовать многаго отъ тогдашнихъ молодыхъ людей, если даже и при существованіи подготовленныхъ учителей, улучшенныхъ методовъ и учебныхъ пособій невсегда легко дается полное и основательное знаніе иностраннаго языка?...

До сихъ поръ разсматривались мѣры, посредствомъ которыхъ Петръ Великій хотѣлъ ввести въ народъ спеціально-прикладное образованіе.

При разборѣ предметовъ, входившихъ въ отдѣлы спеціальнаго образованія при Петрѣ, можно замѣтить, что нѣкоторые изъ нихъ, какъ чтеніе, ариѳметика, отчасти языки и др. входили въ составъ программъ при изученіи многихъ спеціальностей, и притомъ безъ вреда для чисто спеціальныхъ предметовъ могли изучаться отдѣльно. Отдѣльное изученіе указанныхъ предметовъ могло скорѣе поддерживать и распространять спеціальныя свѣденія. Отъ хорошей общеобра-

---

(1) Тамъ же. 19—20, 197, 298—300, 195. Только въ 1724 г. вышелъ полный Лексиконъ Максимовича 192.

(2) Пек. I, 193.

(3) Записки Неплюева. Отеч. Зап. 23 г. XVI, 180 стр.

зовательной подготовки зависитъ и бо́льшая или меньшая успѣшность спеціальныхъ занятій. Но кромѣ распространенія въ странѣ знаній спеціально-прикладныхъ необходимо развитіе ихъ, а оно зависитъ отъ степени развитія теоретической науки въ извѣстной странѣ. Вообще заботы о первоначальныхъ, обще-необходимыхъ для разныхъ спеціальностей знаній, а также развитіе теоретической науки никогда не могутъ вредить спеціальному образованію, а напротивъ— способствуютъ росту его.

Сознаніе ли значенія общеобразовательныхъ предметовъ для спеціальнаго образованія, или сознаніе пользы одного общаго образованія безъ отношенія къ спеціальному ([1]), чтобы тамъ ни руководило Петромъ, только вмѣстѣ съ мѣрами объ обученьи народа спеціальнымъ знаніямъ видны его стремленія познакомить русскихъ *съ общеобразовательными предметами и высшими научными знаніями.*

Такъ инструкціи земскимъ комисарамъ возлагали на нихъ обязанность заботиться о томъ, чтобъ по всюду дѣтей „сколько возможно читанью и письму обучали“, хотя при этомъ не указано, какимъ образомъ онъ долженъ исполнять эту обязанность ([2]).

Основаніе начальнымъ школамъ законодательнымъ путемъ было положено „Уставомъ главнаго магистрата“ и „Инструкціей магистратамъ“ (1721 и 1724 гг.). Поставляя главному магистрату въ обязанность помогать зависящими отъ него средствами академіямъ и школамъ, „Уставъ“ прибавляетъ: „а что до содержанія малыхъ школъ принадлежитъ, въ которыхъ токмо читать, писать и ариѳметикѣ обучаться будутъ, о томъ магистратамъ во всѣхъ городахъ самимъ имѣть стараніе“ ([3]). Инструкція же высказалась еще опредѣленнѣе: „стараться прилежно, чтобъ малолѣтные не токмо пожиточныхъ, но и бѣдныхъ людей гражданскихъ жителей дѣти, читать, писать

([1]) Въ инструкціи магистратамъ побудительной причиной учрежденія школъ для начальнаго образованія выставляется то, что малолѣтніе, а особливо бѣдныхъ гражданъ дѣти безъ обученія ростутъ въ непотребство и вредъ, и что, напротивъ, выучившись, они могутъ разными способами приносить обществу пользу П. С. З. № 4622 33 и 32 п.

([2]) П. С. З. № 3245. 20.

([3]) П. С. З. № 3708. XXI. Учениковъ непослушныхъ своимъ учителямъ вольно было сажать въ сидѣтельный день. XX пд.

и ариѳметикѣ или цифирнаго счисленія обучались, и для того при церквахъ имъ, гдѣ пристойно, учредить школы" ([1]).

Съ 1714 г. начинаются указы о цифирныхъ школахъ. Эти школы должно было открывать по всѣмъ губерніямъ при архіерейскихъ домахъ и при знатныхъ монастыряхъ. Учителя этихъ школъ, назначенные изъ учениковъ навигацкихъ школъ ([2]), выучившихся геометріи и географіи, по 2 въ каждую губернію, должны были учить сначала только дѣтей дворянъ и приказнаго чина отъ 10—15 лѣтъ, а съ 1715 г. вообще молодыхъ ребятокъ изъ всякихъ чиновъ людей ариѳметикѣ и нѣкоторой части геометріи. За это учителямъ опредѣлено было жалованье изъ губернскихъ доходовъ по 3 алтына 2 деньги въ день; съ учениковъ же велѣно было брать только послѣ выучки 1 р., при чемъ учитель давалъ свидѣтельствованное письмо, доставлявшее выучившемуся право вступленія въ законный бракъ ([3]).

Учителя были посланы,—нужно было только учениковъ. Но изъ нихъ дворянскіе дѣти были еще въ началѣ 1716 года освобождены отъ поступленія въ упомянутыя школы ([4]). Дѣти торговыхъ людей большею частью сидѣли въ рядахъ за товарами или были въ отъѣздахъ для торговъ, учились торговому дѣлу, и по отзывамъ отцовъ, вышеписанной наукѣ (цифирн.) обучались сами собою,—былъ это предлогъ или въ самомъ дѣлѣ такъ было, но только торговымъ людямъ не хотѣлось отдавать дѣтей въ цифирныя школы. Другихъ чиновъ люди иные хотѣли тоже отбыть отъ ученья; напр. въ Новгородѣ и Ярославлѣ они прибѣгали къ уловкамъ,—толковали, что слова указа дѣти „всякихъ чиновъ людей" не относятся къ ихъ дѣтямъ, такъ что учителя должны были просить новаго указа съ объясненіемъ, что слова „всякихъ чиновъ людей" относятся и къ посадскимъ, и къ церковникамъ, и къ др. ([5]) Правительству доносили, что въ нѣкоторыя школы совсѣмъ не высылаютъ учениковъ, что только въ ярославскую прислано было изъ церковниковъ 26 человѣкъ, что въ губерніяхъ и провинціяхъ

([1]) П. С. З. № 4624, 33 п.

([2]) По указу 1715 г. Сначала же были названы учениками математическихъ школъ.

([3]) П. С. З. №№ 2762, 2778, 2971.

([4]) П. С. З. № 2979 «о кромѣ дворянскихъ дѣтей»,—вѣроятно, они предназначались для военныхъ школъ.

([5]) П. С. З. № 3575.

обрѣтается вообще малое число и только въ Москвѣ 70 учениковъ (1). Что же сдѣлало правительство? Пыталось оно разобрать, отъ чего ученики нейдутъ въ школы? Оно посылало указъ за указомъ, которые снова повелѣвали учить „неотмѣнно", а чтобы не пропадало учительское жалованье, учениковъ „изъ губерній и провинцій въ тѣ школы опредѣлять, не упуская времени" (2). Ревностные исполнители закона въ родѣ Скорнякова—Писарева не только „таскали" дѣтей для „поставки" въ обученье, но, какъ писали посадскіе нѣкоторыхъ городовъ, „принуждаютъ высылкою дѣтей ихъ изъ Каргополя въ Новгородъ, а съ Устюга на Вологду, а изъ Калуги къ Москвѣ и въ томъ держатъ многихъ изъ нихъ въ тюрьмахъ и за карауломъ" (3). Жалобы обижаемыхъ, а можетъ быть и опасеніе потерять плательщиковъ податей и пошлинъ побудило правительство указомъ 1720 г. не понуждать посадскихъ людей и довольствоваться только добровольно поступающими изъ нихъ. Послѣ упомянутыхъ насилій трудно было ожидать со стороны этихъ людей какого нибудь довѣрія къ вновь заведенному дѣлу. Приказавъ крѣпко смотрѣть, чтобъ ученики имѣли дома въ близости, а не въ дальномъ разстояніи отъ училища, правительство надѣялось, что у него и безъ посадскихъ будетъ довольное число изъ тѣхъ, „которые *возмутся* у другихъ чиновъ людей" (4). Вообще по 1722 годъ учениковъ было въ присылкѣ 1389; изъ этого числа выучено 93 человѣка, а за тѣмъ, какъ только „Духовнымъ регламентомъ" была высказана необходимость ахріерейскихъ школъ для поповскихъ и причетниковыхъ дѣтей, „оставшіе едва не всѣ синодальной команды *бѣжали*" (5). Въ ноябрѣ 1722 года синодъ нанесъ еще тяжелый ударъ этимъ школамъ указомъ: „ариѳметическихъ школъ учителямъ при архіерейскихъ домахъ и монастыряхъ школъ не имѣть" (6). Каковы были успѣхи, можно судить по донесенію отъ 1727 г. о переяславско-рязанской цифирной школѣ, открытой

---

(1) П. С. З. № 3447, 3703. Неплюевъ впрочемъ говоритъ, что ихъ изъ новгородской школы въ 1715 г., выбравъ 24 человѣка, отправили въ Нарву къ навигатору. Отет. Зап. 23 г., XVI, 171.
(2) П. С. З. № 3447, 3575.
(3) № 3575.
(4) №№ 3854, 10 п. и 4975.
(5) П. С. З. № 4126.

въ маѣ 1722 года. Учениковъ въ ней было 96; изъ нихъ 59 отлучились отъ нея „самовольно"; обучились только 4 (!), и изъ оставшихся въ 1727 году 32-хъ 11 сидѣло за нумераціей, только 2 изучали десятичныя дроби, 1 циркулярные пріемы геометріи и 1 тригонометрію (¹). Не находя выгоднымъ поддерживать отдѣльное, самостоятельное существованіе падавшихъ цифирныхъ школъ, сенатъ въ сентябрѣ 1723 г. предложилъ присоединить ихъ съ учителями къ архіерейскимъ, что оказалось возможнымъ только въ новгородской епархіи, такъ какъ въ другихъ еще не были открыты архіерейскія школы, какъ отозвался синодъ (²). Архіерейскія школы какъ бы дѣлались такимъ образомъ общеобразовательными учебными заведеніями. Указомъ 17 октября того же года велѣно было въ новгородской епархіи „для словеснаго и письменнаго правильнаго обученія свѣтскихъ всякихъ чиновъ людямъ, которые такихъ учителей у себя не имѣютъ, дѣтей своихъ малолѣтнихъ обучать у тѣхъ архіерейскихъ учителей, чтобъ таковое правильное обученіе умножилось".

Назначивъ въ началѣ 1724 г. нѣсколько женскихъ монастырей для воспитанія сиротъ и подкидышей, Петръ велѣлъ монахинямъ учить ихъ грамотѣ, по достиженіи же мальчиками 7-лѣтняго возраста помѣщать ихъ въ выведенные монастыри, и устроивъ тамъ школы, обучать сверхъ вѣры и заповѣдей божіихъ цифири и геометріи (³). Баскакову, назначенному приводить въ исполненіе это дѣло, велѣно было взять на расходы деньги изъ сбора съ раскольниковъ (⁴).

Въ 1703 г. поручено было Петромъ нѣмецкому пробсту Глюку открыть въ Москвѣ первоначальную гимназію для разночинцевъ. Выборъ учителей и составленіе програмы были предоставлены Глюку. Онъ, какъ нѣмецъ-пасторъ, посвятившій себя изученію восточныхъ языковъ и богословія, пригласилъ въ учителя иностранцевъ (судя по фамиліямъ больше нѣмцевъ), старался отвести значительное сравнительно съ

(¹) Пекарск. I, 117.

(²) П. С. З. № 4326. Въ февралѣ 1726 г. присоединены были и остальныя.

(³) П. С. З. № 4450, опред. I, 13 и 14. Въ меморіяхъ Петра прибавлена еще грамматика чист. 140.

(⁴) П. С. З. № 4516 и потомъ ко всякимъ художествамъ въ ученики», № 4421, 2 п.

другими предметами мѣсто языкознанію. Изъ напечатанной имъ программы видно, что у него было намѣреніе преподавать языки французскій, нѣмецкій, латинскій съ латинской риторикой, греческій, еврейскій, сирскій, халдейскій, а также ариѳметику, географію, политику,дѣятельную и картезіанскую философію. Кромѣ того танцовальный мастеръ долженъ былъ учить тѣлесному благолѣпію и комплиментамъ чиномъ французскимъ, и нѣмецкимъ; былъ еще учитель для рыцарской конной ѣзды и берейторскаго обученія лошадей. Глюкомъ было написано и нѣсколько учебниковъ по языкамъ. На содержаніе этой школы велѣно было отпускать 3000 р. и для нея былъ отведенъ бывшій домъ Нарышкина. Послѣ смерти Глюка училище перешло въ завѣдываніе Іоанна Вернера Пауза ([1]).

Число общеобразовательныхъ заведеній въ Россіи умножилось съ присоединеніемъ Эстляндіи и Лифляндіи. За тамошними университетомъ и школами оставлены были всѣ прежнія привиллегіи. Петру впрочемъ хотѣлось ввести славянскій языкъ, и онъ предоставилъ себѣ право назначить особаго профессора ([2]).

Ѳеофанъ Прокоповичъ послалъ въ Ливонію въ школу Нирота 3-хъ молодыхъ людей, прибывшихъ изъ Кіева, для изученія еврейскаго, греческаго и латинскаго языковъ, также географіи и исторіи. Кромѣ ихъ были въ этой школѣ и еще нѣсколько русскихъ ([3]).

Къ общеобразовательнымъ же заведеніямъ приходится отнести и случайно явившуюся въ Россіи школу въ Тобольскѣ, основанную стараніями капитана Фонъ-Вреха и другихъ плѣнныхъ офицеровъ, посланныхъ въ Тобольскъ, при денежныхъ пособіяхъ со стороны германскихъ и московскихъ піэтистовъ. Число воспитанниковъ впродолженіи 6-7 лѣтъ постоянно возрастало (въ 1717 г. было 56.). Между учащимися было въ 1715 г. 4 русскихъ мальчика, въ 1717 г. 3

([1]) Пек. I, 126—131. Не тѣ-ли это школы вѣденія Веселовскаго, въ которыхъ было 9 человѣкъ учителей и 38 учениковъ и на содержаніе которыхъ отпускалось тоже 3000 рублей (1050 р. на учителей и 1894 на учениковъ) П. С. З. № 2389?

([2]) П. С. З. № 2304 на 4 п., 2277, 2278, 2279, 4 статья 2286, 48. 2298, 3, 5 пп.

([3]) Чистовичъ 49—50.

русскихъ и одинъ маленькій монголъ; въ 1719 было 8 русскихъ ([1]). Сообразно цѣли этой школы, — воспитать набожныхъ, нравственныхъ и учтивыхъ дѣтей, въ ней главнѣйшее вниманіе обращено было на изученіе закона божія: въ первыхъ 4-хъ классахъ большую часть дня дѣти занимались чтеніемъ библіи, ученьемъ наизусть и толкованьемъ ея, молитвами и пѣніемъ псалмовъ, проводили время въ назидательныхъ разговорахъ между собой или съ выбранными изъ строго-благочестивыхъ людей учителями; съ послѣдними не иначе, какъ съ непокрытой головой. Кромѣ того въ первыхъ 4 классахъ учили читать и писать, въ 5 мъ же еще латинскому, нѣмецкому и французскому языкамъ, географіи, ариѳметикѣ и рисованію. Ученіе производилось на нѣмецкомъ языкѣ. Съ возвращеніемъ плѣнныхъ домой въ 1721 г. школа прекратила свое существованіе ([2]).

Дѣятельность Петра Великаго какъ учителя народа заканчивается основаніемъ высшаго учебнаго заведенія,—академіи наукъ.

Намѣреніе государя основать ее ясно выразилось въ его законодательствѣ еще въ 1721 году, когда на меморіалѣ Фика Петръ написалъ: „сдѣлать академію, а нынѣ пріискать изъ русскихъ, кто ученъ и къ тому склонность имѣетъ". По этому поводу появилось нѣсколько проэктовъ, и наконецъ 28 Января 1724 т. государь выслушалъ и утвердилъ уставъ новаго учрежденія, принявшій форму закона ([3]).

Высокая цѣль,—чтобъ „чрезъ обученіе и размноженіе наукъ польза въ народѣ впредь была" руководила и при основаніи и высшаго учебнаго заведенія. Образцомъ для него могли бы служить подобныя заграничныя учрежденія,—академіи, университеты; но находя, что въ странѣ не имѣющей еще „прямыхъ школъ,—гимназій и семинарій" въ отдѣльномъ существованіи академіи или университета было бы мало пользы, сочли болѣе удобнымъ, а главное выгоднымъ въ матеріальномъ отношеніи замѣнить три рода учебныхъ заведеній,—гимназію, университетъ и академію—однимъ, которое испол-

---

([1]) Веберъ говоритъ, что будто въ шведскую школу присылались сыновья русскихъ изъ Москвы и Вологды. Р. Архивъ 1872 г. 1399 стр.

([2]) Шведская школа въ Тобольскѣ Ж. М. Н. П. 1857 г. томъ 3.

([3]) П. С. З. №№ 3208, 4427 и 4443. Пекарск. I, 59 и слѣд. IV глава, а также у Чист. 617.

ской, астраханской, нижегородской, тобольской, иркутской). Только въ послѣднее время Петръ старался описаніемъ монастырскихъ имѣній точнѣе опредѣлить сумму дохода.

Въ заключеніе обзора церковно-учебной системы нужно упомянуть еще о нѣсколькихъ ученикахъ московской академіи, получавшихъ по распоряженію Петра духовное образованіе за границей. Такъ въ 1716 г. Петръ велѣлъ послать заграницу изъ латинской школы лучшихъ ребятъ, которые „гораздо поострая". Изъ нихъ Горлецкій, Постниковъ и Каргопольскій назначены были царемъ въ парижскія училища, а Анохинъ и Козловскій должны были учиться въ Прагѣ вмѣстѣ съ Суворовымъ. Первые трое учились философіи, французскому языку и богословіи, остальные либеральнымъ наукамъ у іезуитовъ. Въ 1717 г. отправлены были по приказанію государя Иванъ Воейковъ и Иванъ Ильинскій во Франкфуртъ въ іезуитскую коллегію для изученія философіи и словесныхъ наукъ. При образованіи этихъ учениковъ богословіе было отодвинуто на второй планъ; судя по ихъ позднѣйшей дѣятельности, главнымъ образомъ переводческой, они скорѣе были языковѣды.—Матеріальное положеніе „парижскихъ студентовъ" часто было крайне незавидно. Вотъ отрывки одного изъ многихъ писемъ къ Зотову съ просьбой о помощи: „живемъ въ послѣдней бѣдности и нищетѣ—едва не отчаеваемся живота нашего, для того что всѣ насъ оставили..... мы бѣдные терпимъ холодъ, наготу, босоту, а въ каморахъ мы свѣчъ не имѣемъ и всегда мучимся, а не учимся..... многое время теряемъ безъ прибытка наукѣ..." (¹).

Вотъ система церковно-духовнаго образованія, которая была вводима въ Россію при поддержкѣ Петра Великаго.

Съ изученіемъ упомянутыхъ спеціальностей часто соединялось, какъ это и было видно, изученіе новыхъ и древнихъ *языковъ* (²); нерѣдко впрочемъ оно происходило отдѣльно отъ спеціальнаго образованія разныхъ родовъ, преслѣдуя другія цѣли.

(¹) Пекар. I, 238—241. Смирновъ 235.

(²) И указъ Петра относительно переводчиковъ художествъ гласитъ, что знаніе языка и знаніе спеціальности одно съ другимъ должно быть неразрывно.

Обученіе языкамъ происходило въ школахъ ([1]), у учителей, жившихъ внѣ школы, а также и тамъ, гдѣ представлялась возможность или случай, особенно заграницей, на иностранныхъ корабляхъ, верфяхъ и другихъ мѣстахъ. Учителями за недостаткомъ русскихъ, знавшихъ языки, были почти все иностранцы, зачастую плохо, даже вовсе незнавшіе русскаго языка или иногдазнакомые съ своимъ языкомъ практически, а не научно, грамматически. Отъ такихъ учителей русскіе обучались (одному или нѣсколькимъ) языкамъ: нѣмецкому, италіанскому, французскому, голланскому, англійскому, турецкому, арабскому, персидскому, латинскому, греческому и еврейскому.—Кромѣ упомянутыхъ выше фактовъ объ изученіи языковъ извѣстны и другія свѣденія объ этомъ предметѣ. Такъ Лихуды, кромѣ преподаванья въ академіи, учили частнымъ образомъ латинскому языку. Потомъ въ 1697 г. по удаленіи изъ академіи велѣно было за казенное жалованье обучать италіанскоoу языку 55 дѣтей бояръ, гостей и людей гостинной сотни и др. Лихуды, дѣйствительно, учили по италіански, но только 10 человѣкъ изъ разныхъ чиновъ, а остальные не явились по разнымъ обстоятельствамъ ([2]).—„Тѣ изъ плѣнныхъ шведскихъ офицеровъ, жившихъ въ Тобольскѣ, которые не могли заниматься никакимъ ремесломъ, опредѣлялись къ комменданту и другимъ значительнымъ лицамъ учителями нѣмецкаго языка ([3])“. Этому же языку учиться велѣно было послать въ 1716 г. въ Кенигсбергъ 30 или 40 молодыхъ подъячихъ отъ 15 до 20 лѣтъ, умныхъ и добрыхъ, которые бы могли науки воспріять, и при нихъ надзирателя, чтобъ не гуляли. Содержаніе по 200 ефимковъ на человѣка должно было сбираться съ оставшихся подъячихъ ([4]).—Въ 1703 г. въ Амстердамѣ подъ надзоромъ вице-адмирала Крюйса учились русскіе ребята „по голлански и

([1]) Кромѣ греческой и латинскихъ, о которыхъ было сказано выше, были и другіе. Пекар. I, 128, 121. Сол. XVI, 307. и П. С. З. № 2389. По видимому, подъ именемъ школъ французской и нѣмецкой нужно понимать училище, заведенное Глюкомъ, о чемъ подробнѣе будетъ сказано ниже.

([2]) Пекарск. I, 190; Смирновъ 69—70.

([3]) Журналъ М. Н. П. за 1857 г. 3-й т. Шведская школа въ Тобольскѣ.

([4]) П. С. З. №№ 2986 и 2997.

по французски". Матвѣевъ нашелъ ихъ изрядно выученными „какъ письму, такъ и порядку здѣшнему" ([1]).—Еще въ 1700 г. для миссіонерскихъ цѣлей Петръ велѣлъ выбрать въ Малороссіи добраго и ученаго инока съ 3 или 2 другими учеными и добрыми монахами, „которые бы могли китайскому и мунгальскому языку и грамотѣ научитись....". Это приказаніе Петра, кажется, не приводилось въ исполненіе раньше конца его жизни, когда съ Саввой Рагузинскимъ отправлены были въ Китай трое учениковъ московской академіи съ упомянутыми цѣлями.—Указомъ 1716 г. предписано было „на Москвѣ изъ латинскихъ школъ выбрать изъ учениковъ робятъ добрыхъ молодыхъ 5 человѣкъ, такихъ, которые бы по меньшей мѣрѣ грамматику выучили, для посылки въ Персиду при посланникѣ г. Волынскомъ для ученья языкамъ турецкому, арабскому и персидскому". Ниже будутъ указаны и другія мѣры для обученія языкамъ.

Для изученія иностраннаго языка такъ, чтобы не только понимать разговоръ на немъ, но и умѣть правильно, точно переводить на родной языкъ требуется соединеніе многихъ условій. Прежде всего—знакомства съ роднымъ языкомъ. Грамматическія же знанія при Петрѣ были очень ограничены (дальше грамматики Смотрицкаго почти вовсе не шли) и не распространены. Даже въ славено-россійскихъ Аѳинахъ, какъ мы видѣли, не преподавалось долгое время славянской грамматики. Наконецъ въ то время славянскій и русскій языкъ былъ скуденъ словами,—для многихъ предметовъ и понятій еще не было подыскано подходящихъ именъ и выраженій, не говоря уже о техническомъ языкѣ ([2]). Затѣмъ способствуютъ изученію языка учебныя пособія, какъ грамматики иностранныхъ языковъ, лексиконы. При Петрѣ же дѣльныя пособія тѣмъ болѣе могли быть полезны, что во многихъ случаяхъ могли бы замѣнить учителей—иностранцевъ, и они, дѣйствительно, время отъ времени появлялись. Были напечатаны латинская грамматика и вокабулы Копіевскаго, переводъ голланской грамматики Севела (1717 г.), нѣмецкіе азбука и вокабулы. Въ 1704 г. вышелъ въ Москвѣ „Лексиконъ треязычный, сирѣчь реченій славенскихъ, еллино-

---

([1]) Соловьевъ XV, 64.

([2]) Переводъ ихъ довелъ Волкова, переводчика, до отчаянія. Пекарскій I, 226.

греческихъ и латинскихъ сокровище" Поз[illegible] начальнаго знакомства съ этими языками (1). И[illegible] напечатанныхъ при Петрѣ руководствъ нельзя [illegible] значительныхъ пробѣловъ въ нихъ, особенно по [illegible]камъ. Сравненіе количества пособій для изученія [illegible]ныхъ языковъ у насъ съ тѣмъ, что было по этому [illegible] на западѣ, привело Максимовича къ заключенію: „сіе [illegible] всероссійское государство даже до сего времени безъ сего пребываетъ успѣянія....“ (2) —Относительно пріемовъ преподаванія замѣчателенъ, между прочимъ, способъ, какимъ хотѣли научить русскихъ гардемариновъ иностранному языку: ихъ размѣщали по одному или по два на какой нибудь иностранный корабль, среди людей, непонимающихъ ни слова по русски (3). При встрѣчѣ только съ упомянутыми неблагопріятными условіями изученіе языковъ, особенно новыхъ, и то для многихъ должно было представлять немалыя затрудненія, а тутъ еще въ самихъ учебникахъ множество препятствій для учащагося въ изложеніи, языкѣ. Въ правѣ ли мы теперь требовать многаго отъ тогдашнихъ молодыхъ людей, если даже и при существованіи подготовленныхъ учителей, улучшенныхъ методовъ и учебныхъ пособій невсегда легко дается полное и основательное знаніе иностраннаго языка?...

До сихъ поръ разсматривались мѣры, посредствомъ которыхъ Петръ Великій хотѣлъ ввести въ народъ спеціально-прикладное образованіе.

При разборѣ предметовъ, входившихъ въ отдѣлы спеціальнаго образованія при Петрѣ, можно замѣтить, что нѣкоторые изъ нихъ, какъ чтеніе, ариѳметика, отчасти языки и др. входили въ составъ программъ при изученіи многихъ спеціальностей, и притомъ безъ вреда для чисто спеціальныхъ предметовъ могли изучаться отдѣльно. Отдѣльное изученіе указанныхъ предметовъ могло скорѣе поддерживать и распространять спеціальныя свѣденія. Отъ хорошей общеобра-

(1) Тамъ же. 19—20, 197, 298—300, 195. Только въ 1724 г. вышелъ полный Лексиконъ Максимовича 192.

(2) Пек. I, 193.

(3) Записки Неплюева. Отеч. Зап. 23 г. XVI, 180 стр.

зовательной подготовки зависитъ и бо́льшая или меньшая успѣшность спеціальныхъ занятій. Но кромѣ распространенія въ странѣ знаній спеціально-прикладныхъ необходимо развитіе ихъ, а оно зависитъ отъ степени развитія теоретической науки въ извѣстной странѣ. Вообще заботы о первоначальныхъ, обще-необходимыхъ для разныхъ спеціальностей знаній, а также развитіе теоретической науки никогда не могутъ вредить спеціальному образованію, а напротивъ— способствуютъ росту его.

Сознаніе ли значенія общеобразовательныхъ предметовъ для спеціальнаго образованія, или сознаніе пользы одного общаго образованія безъ отношенія къ спеціальному ([1]), чтобы тамъ ни руковидило Петромъ, только вмѣстѣ съ мѣрами объ обученьи народа спеціальнымъ знаніямъ видны его стремленія познакомить русскихъ *съ общеобразовательными предметами и высшими научными знаніями.*

Такъ инструкціи земскимъ комисарамъ возлагали на нихъ обязанность заботиться о томъ, чтобъ по всюду дѣтей „сколько возможно читанью и письму обучали", хотя при этомъ не указано, какимъ образомъ онъ долженъ исполнять эту обязанность ([2]).

Основаніе начальнымъ школамъ законодательнымъ путемъ было положено „Уставомъ главнаго магистрата" и „Инструкціей магистратамъ" (1721 и 1724 гг.). Поставляя главному магистрату въ обязанность помогать зависящими отъ него средствами академіямъ и школамъ, „Уставъ" прибавляетъ: „а что до содержанія малыхъ школъ принадлежитъ, въ которыхъ токмо читать, писать и ариѳметикѣ обучаться будутъ, о томъ магистратамъ во всѣхъ городахъ самимъ имѣть стараніе" ([3]). Инструкція же высказалась еще опредѣленнѣе: „стараться прилежно, чтобъ малолѣтные не токмо пожиточныхъ, но и бѣдныхъ людей гражданскихъ жителей дѣти, читать, писать

([1]) Въ инструкціи магистратамъ побудительной причиной учрежденія школъ для начальнаго образованія выставляется то, что малолѣтные, а особливо бѣдныхъ гражданъ дѣти безъ обученія ростутъ въ непотребство и вредъ, и что, напротивъ, выучившись, они могутъ разными способами приносить обществу пользу П. С. З. № 4622 33 и 32 п.

([2]) П. С. З. № 3245, 20.

([3]) П. С. З. № 3708, XXI. Учениковъ непослушныхъ своимъ учителямъ велѣно было сажать въ смирительный домъ XX гл.

и ариѳметикѣ или цифирнаго счисленія обучались, и для того при церквахъ имъ, гдѣ пристойно, учредить школы" (1).

Съ 1714 г. начинаются указы о цифирныхъ школахъ. Эти школы должно было открывать по всѣмъ губерніямъ при архіерейскихъ домахъ и при знатныхъ монастыряхъ. Учителя этихъ школъ, назначенные изъ учениковъ навигацкихъ школъ (2), выучившихся геометріи и географіи, по 2 въ каждую губернію, должны были учить сначала только дѣтей дворянъ и приказнаго чина отъ 10—15 лѣтъ, а съ 1715 г. вообще молодыхъ ребятокъ изъ всякихъ чиновъ людей ариѳметикѣ и нѣкоторой части геометріи. За это учителямъ опредѣлено было жалованье изъ губернскихъ доходовъ по 3 алтына 2 деньги въ день; съ учениковъ же велѣно было брать только послѣ выучки 1 р., при чемъ учитель давалъ свидѣтельствованное письмо, доставлявшее выучившемуся право вступленія въ законный бракъ (3).

Учителя были посланы,—нужно было только учениковъ. Но изъ нихъ дворянскіе дѣти были еще въ началѣ 1716 года освобождены отъ поступленія въ упомянутыя школы (4). Дѣти торговыхъ людей большею частью сидѣли въ рядахъ за товарами или были въ отъѣздахъ для торговъ, учились торговому дѣлу, и по отзывамъ отцовъ, вышеписанной наукѣ (цифирн.) обучались сами собою,—былъ это предлогъ или въ самомъ дѣлѣ такъ было, но только торговымъ людямъ не хотѣлось отдавать дѣтей въ цифирныя школы. Другихъ чиновъ люди иные хотѣли тоже отбыть отъ ученья; напр. въ Новгородѣ и Ярославлѣ они прибѣгали къ уловкамъ,—толковали, что слова указа дѣти „всякихъ чиновъ людей" не относятся къ ихъ дѣтямъ, такъ что учителя должны были просить новаго указа съ объясненіемъ, что слова „всякихъ чиновъ людей" относятся и къ посадскимъ, и къ церковникамъ, и къ др. (5) Правительству доносили, что въ нѣкоторыя школы совсѣмъ не высылаютъ учениковъ, что только въ ярославскую прислано было изъ церковниковъ 26 человѣкъ, что въ губерніяхъ и провинціяхъ

---

(1) П. С. З. № 4624, 33 п.

(2) По указу 1715 г. Сначала же были названы учениками математическихъ школъ.

(3) П. С. З. №№ 2762, 2778, 2971.

(4) П. С. З. № 2979 «о кромѣ дворянскихъ дѣтей»,—вѣроятно, они предназначались для военныхъ школъ.

(5) П. С. З. № 3575.

обрѣтается вообще малое число и только въ Москвѣ 70 учениковъ (1). Что же сдѣлало правительство? Пыталось оно разобрать, отъ чего ученики нейдутъ въ школы? Оно посылало указъ за указомъ, которые снова повелѣвали учить „неотмѣнно“, а чтобы не пропадало учительское жалованье, учениковъ „изъ губерній и провинцій въ тѣ школы опредѣлять, не упуская времени“ (2). Ревностные исполнители закона въ родѣ Скорнякова—Писарева не только „таскали“ дѣтей для „поставки“ въ обученье, но, какъ писали посадскіе нѣкоторыхъ городовъ, „принуждаютъ высылкою дѣтей ихъ изъ Каргополя въ Новгородъ, а съ Устюга на Вологду, а изъ Калуги къ Москвѣ и въ томъ держатъ многихъ изъ нихъ въ тюрьмахъ и за карауломъ“ (3). Жалобы обижаемыхъ, а можетъ быть и опасеніе потерять плательщиковъ податей и пошлинъ побудило правительство указомъ 1720 г. не понуждать посадскихъ людей и довольствоваться только добровольно поступающими изъ нихъ. Послѣ упомянутыхъ насилій трудно было ожидать со стороны этихъ людей какого нибудь довѣрія къ вновь заведенному дѣлу. Приказавъ крѣпко смотрѣть, чтобъ ученики имѣли дома въ близости, а не въ дальномъ разстояніи отъ училища, правительство надѣялось, что у него и безъ посадскихъ будетъ довольное число изъ тѣхъ, „которые *возмутся* у другихъ чиновъ людей“ (4). Вообще по 1722 годъ учениковъ было въ присылкѣ 1389; изъ этого числа выучено 93 человѣка, а за тѣмъ, какъ только „Духовнымъ регламентомъ“ была высказана необходимость архіерейскихъ школъ для поповскихъ и причетниковыхъ дѣтей, „оставшіе едва не всѣ синодальной команды *бѣжали*“ (5). Въ ноябрѣ 1722 года синодъ нанесъ еще тяжелый ударъ этимъ школамъ указомъ: „ариѳметическихъ школъ учителямъ при архіерейскихъ домахъ и монастыряхъ школъ не имѣть“ (6). Каковы были успѣхи, можно судить по донесенію отъ 1727 г. о переяславско-рязанской цифирной школѣ, открытой

---

(1) П. С. З. № 3447, 3703. Неплюевъ впрочемъ говоритъ, что ихъ изъ новгородской школы въ 1715 г., выбравъ 24 человѣка, отправили въ Нарву къ навигатору. Отет. Зап. 23 г., XVI, 171.

(2) П. С. З. № 3447, 3575.

(3) № 3575.

(4) №№ 3854, 10 п. и 4975.

(5) П. С. З. № 4126.

въ маѣ 1722 года. Учениковъ въ ней было 90, [illegible] 59 отлучились отъ нея „самовольно"; обучались [illegible] (!), и изъ оставшихся въ 1727 году 32-хъ 11 [illegible] мераціей, только 2 изучали десятичныя дроби, 1 [illegible] ные пріемы геометріи и 1 тригонометрію (¹), [illegible] дя выгоднымъ поддерживать отдѣльное, самостоятельное [illegible] ствованіе падавшихъ цифирныхъ школъ, сенатъ въ [illegible] 1723 г. предложилъ присоединить ихъ съ учителями къ архіерейскимъ, что оказалось возможнымъ только въ новгородской епархіи, такъ какъ въ другихъ еще не были открыты архіерейскія школы, какъ отозвался синодъ (²). Архіерейскія школы какъ бы дѣлались такимъ образомъ общеобразовательными учебными заведеніями. Указомъ 17 октября того же года велѣно было въ новгородской епархіи „для словеснаго и письменнаго правильнаго обученія свѣтскихъ всякихъ чиновъ людямъ, которые такихъ учителей у себя не имѣютъ, дѣтей своихъ малолѣтнихъ обучать у тѣхъ архіерейскихъ учителей, чтобъ таковое правильное обученіе умножилось".

Назначивъ въ началѣ 1724 г. нѣсколько женскихъ монастырей для воспитанія сиротъ и подкидышей, Петръ велѣлъ монахинямъ учить ихъ грамотѣ, по достиженіи же мальчиками 7-лѣтняго возраста помѣщать ихъ въ выведенные монастыри, и устроивъ тамъ школы, обучать сверхъ вѣры и заповѣдей божіихъ цифири и геометріи (³). Баскакову, назначенному приводить въ исполненіе это дѣло, велѣно было взять на расходы деньги изъ сбора съ раскольниковъ (⁴).

Въ 1703 г. поручено было Петромъ нѣмецкому пробсту Глюку открыть въ Москвѣ первоначальную гимназію для разночинцевъ. Выборъ учителей и составленіе программы были предоставлены Глюку. Онъ, какъ нѣмецъ-пасторъ, посвятившій себя изученію восточныхъ языковъ и богословія, пригласилъ въ учителя иностранцевъ (судя по фамиліямъ больше нѣмцевъ), старался отвести значительное сравнительно съ

(¹) Пекарск. I, 117.

(²) П. С. З. № 4326. Въ февралѣ 1726 г. присоединены были и остальныя.

(³) П. С. З. № 4450, опред. I, 13 и 14. Въ меморіяхъ Петра прибавлена еще грамматика чист. 140.

(⁴) П. С. З. № 4516 и потомъ ко всякимъ художествамъ въ ученики», № 4421, 2 п.

другими предметами мѣсто языкованію. Изъ напечатанной имъ программы видно, что у него было намѣреніе преподавать языки французскій, нѣмецкій, латинскій съ латинской риторикой, греческій, еврейскій, сирскій, халдейскій, а также ариѳметику, географію, политику,дѣятельную и картезіанскую философію. Кромѣ того танцовальный мастеръ долженъ былъ учить тѣлесному благолѣпію и комплиментамъ чиномъ французскимъ, и нѣмецкимъ; былъ еще учитель для рыцарской конной ѣзды и берейторскаго обученія лошадей. Глюкомъ было написано и нѣсколько учебниковъ по языкамъ. На содержаніе этой школы велѣно было отпускать 3000 р. и для нея былъ отведенъ бывшій домъ Нарышкина. Послѣ смерти Глюка училище перешло въ завѣдываніе Іоанна Вернера Пауза ([1]).

Число общеобразовательныхъ заведеній въ Россіи умножилось съ присоединеніемъ Эстляндіи и Лифляндіи. За тамошними университетомъ и школами оставлены были всѣ прежнія привиллегіи. Петру впрочемъ хотѣлось ввести славянскій языкъ, и онъ предоставилъ себѣ право назначить особаго профессора ([2]).

Ѳеофанъ Прокоповичъ послалъ въ Ливонію въ школу Нирота 3-хъ молодыхъ людей, прибывшихъ изъ Кіева, для изученія еврейскаго, греческаго и латинскаго языковъ, также географіи и исторіи. Кромѣ ихъ были въ этой школѣ и еще нѣсколько русскихъ ([3]).

Къ общеобразовательнымъ же заведеніямъ приходится отнести и случайно явившуюся въ Россіи школу въ Тобольскѣ, основанную стараніями капитана Фонъ-Вреха и другихъ плѣнныхъ офицеровъ, посланныхъ въ Тобольскъ, при денежныхъ пособіяхъ со стороны германскихъ и московскихъ піэтистовъ. Число воспитанниковъ впродолженіи 6-7 лѣтъ постоянно возрастало (въ 1717 г. было 56.). Между учащимися было въ 1715 г. 4 русскихъ мальчика, въ 1717 г. 3

([1]) Пек. I, 126—131. Не тѣ-ли это школы вѣденія Веселовскаго, въ которыхъ было 9 человѣкъ учителей и 38 учениковъ и на содержаніе которыхъ отпускалось тоже 3000 рублей (1050 р. на учителей и 1894 на учениковъ) П. С. З. № 2389?

([2]) П. С. З. № 2304 на 4 п., 2277, 2278, 2279, 4 статья 2286, 48. 2298, 3, 5 пп.

([3]) Чистовичъ 49—50.

русскихъ и одинъ маленькій монголъ; въ 1719 было 8 русскихъ (¹). Сообразно цѣли этой школы, — воспитать набожныхъ, нравственныхъ и учтивыхъ дѣтей, въ ней главнѣйшее вниманіе обращено было на изученіе закона божія: въ первыхъ 4-хъ классахъ большую часть дня дѣти занимались чтеніемъ библіи, ученьемъ наизусть и толкованьемъ ея, молитвами и пѣніемъ псалмовъ, проводили время въ назидательныхъ разговорахъ между собой или съ выбранными изъ строго-благочестивыхъ людей учителями; съ послѣдними не иначе, какъ съ непокрытой головой. Кромѣ того въ первыхъ 4 классахъ учили читать и писать, въ 5-мъ же еще латинскому, нѣмецкому и французскому языкамъ, географіи, ариѳметикѣ и рисованію. Ученіе производилось на нѣмецкомъ языкѣ. Съ возвращеніемъ плѣнныхъ домой въ 1721 г. школа прекратила свое существованіе (²).

Дѣятельность Петра Великаго какъ учителя народа заканчивается основаніемъ высшаго учебнаго заведенія,—академіи наукъ.

Намѣреніе государя основать ее ясно выразилось въ его законодательствѣ еще въ 1721 году, когда на меморіалѣ Фика Петръ написалъ: „сдѣлать академію, а нынѣ пріискать изъ русскихъ, кто ученъ и къ тому склонность имѣетъ“. По этому поводу появилось нѣсколько проэктовъ, и наконецъ 28 Января 1724 г. государь выслушалъ и утвердилъ уставъ новаго учрежденія, принявшій форму закона (³).

Высокая цѣль,—чтобъ „чрезъ обученіе и размноженіе наукъ польза въ народѣ впредь была“ руководила и при основаніи и высшаго учебнаго заведенія. Образцомъ для него могли бы служить подобныя заграничныя учрежденія,—академіи, университеты; но находя, что въ странѣ не имѣющей еще „прямыхъ школъ,—гимназій и семинарій“ въ отдѣльномъ существованіи академіи или университета было бы мало пользы, сочли болѣе удобнымъ, а главное выгоднымъ въ матеріальномъ отношеніи замѣнить три рода учебныхъ заведеній,—гимназію, университетъ и академію—однимъ, которое испол-

---

(¹) Веберъ говоритъ, что будто въ шведскую школу присылались сыновья русскихъ изъ Москвы и Вологды. Р. Архивъ 1872 г. 1399 стр.

(²) Шведская школа въ Тобольскѣ Ж. М. Н. П. 1857 г. томъ 3.

(³) П. С. З. №№ 3208, 4427 и 4443. Пекарск. I, 59 и слѣд. IV глава, а также у Чист. 617.

няло-бы назначеніе всѣхъ трехъ, хотя и носило названіе „академія наукъ". Петербургская академія наукъ должна была состоять изъ общества ученыхъ, обязанныхъ 1) самостоятельно разработывать науку, 2) читать лекціи молодымъ людямъ и 3) приготовлять изъ послѣднихъ учителей, которые бы могли въ свою очередь обучать другихъ первымъ основаніямъ всѣхъ наукъ, приготовляя тѣмъ будущихъ студентовъ академіи.

Въ качествѣ двигателей науки члены академіи обязаны были заботиться самостоятельно о исправленіи и приращеніи наукъ, о изобрѣтеніяхъ, слѣдить за европейской наукой и приготовлять составленные изъ прочитаннаго экстракты для печати, устраивать ежегодно раза по 3 диспуты между двумя членами, а еженедѣльно—собранія для повѣрки другъ у друга опытовъ и мнѣній, для оцѣнки изобрѣтеній.

Къ этимъ обязанностямъ членовъ академіи присоединялись еще другія, которыя лежали на нихъ какъ на профессорахъ. Они должны были приготовлять курсъ лекцій на латинскомъ языкѣ для печати, а также читать ежедневно по лекціи впродолженіи часа. Подобно университетамъ въ академіи были учреждены три факультета. Такимъ образомъ одинъ изъ членовъ академіи, разработывая „науки практики",—право натуры, публичное съ политикой и этикой, долженъ былъ еще преподавать ихъ, одинъ на цѣломъ юридическомъ факультетѣ, хотя этимъ не исключалась возможность, „аще похочется", опредѣленія на этотъ факультетъ и другаго „славнаго правамъ искуснаго человѣка". Три члена, разработывавшіе анатомію, химію и ботанику, обязаны были читать ихъ на медицинскомъ факультетѣ. Академикъ, занимавшійся ариѳметикой, алгеброй, геометріей и прочими частями теоретическими, обязанный въ случаѣ нужды отправлять еще обязанности академика физики, „можетъ профессоромъ логики и метафизики и математики генеральной быть и при томъ же физику генеральную и экспериментальную учить". Онъ вмѣстѣ съ другими тремя академиками, однимъ, разработывавшимъ астрономію, географію и навигацію, и двумя другими, занимавшимися механикой, составляли факультетъ философики, который „не можетъ въ совершенствѣ больше сего быть".—Двоимъ, упражняющимся въ гуманіорахъ, одному въ елоквенціи и студіум'ѣ-

антиквитатисъ, а другому—въ древней и нынѣшней исторіи, поручено было и преподаваніе этихъ предметовъ (¹).

Прибавивъ къ обязанностямъ академиковъ, какъ двигателей науки и какъ профессоровъ, еще обязанность приготовлять одного или двухъ адъюнктовъ, мы должны придти къ заключенію, что требованія отъ академиковъ были довольно обширны; а въ нѣкоторыхъ случаяхъ, когда на одного человѣка возлагали обязанность разработывать и преподавать по нѣскольку предметовъ, едва ли исполнимы во всей полнотѣ.

Въ студенты академіи допускались, по уставу, „угодные люди, которые гуманіора отчасти знаютъ и нѣкоторое малое искуство философіи и математики имѣютъ".

Профессорамъ дано было нѣкоторое самоуправленіе подъ непосредственнымъ покровительствомъ императора, и они должны были быть обезпечены достаточнымъ и вѣрнымъ денежнымъ содержаніемъ. Для удовлетворенія ученыхъ и учебныхъ нуждъ назначались библіотекарь, живописецъ.

Въ „уставѣ" не было высказано всѣхъ плановъ Петра относительно академіи, которые однако онъ высказывалъ при другихъ обстоятельствахъ или которые выдержались въ сдѣланныхъ имъ распоряженіяхъ, касающихся академіи наукъ.

Петръ вызывалъ ученыхъ изъ Европы въ заводимое имъ учрежденіе, сдѣлалъ президентомъ его Блументроста. Учащіеся также не замедлили бы явиться: „какъ только сдѣлалось извѣстнымъ, говоритъ Чистовичъ, что для образованія русскихъ при академіи учреждается гимназія, Ѳеофанъ обратился къ лейбъ-медику Блументросту, назначенному президентомъ академіи съ просьбой принять туда нѣсколько молодыхъ людей". На содержаніе академіи Петръ назначилъ доходъ съ 4 городовъ безъ малаго въ 25000 р. на тогдашнія деньги. Въ распоряженіе академіи отдавалось собранныя раньше библіотека и кунсткамера. Государь заботился о помѣщеніяхъ, нужныхъ для обученія студентовъ, для кунсткамеры и библіотеки, о квартирахъ для академиковъ, велѣлъ „академическій домъ домашними потребами удостачить и академиковъ недѣли съ три или съ мѣсяцъ, не взачетъ, кушаньемъ довольствовать, а потомъ подрядить за настоящую цѣну, нанявъ отъ академіи, кормить въ томъ же домѣ, дабы ходя въ

(¹) Факультетъ ѳеологіи оставленъ былъ на попеченіе синода.

трактиры и другіе мелкіе дома, съ непотребными обращаючись, не обучились ихъ непотребныхъ обычаевъ и въ другихъ забавахъ времени не теряли бездѣльно". Почти все до мелочей было уже приготовлено къ открытію и высшаго учебнаго заведенія.

Но въ то время какъ послѣ кровавой войны началась усиленная преобразовательная дѣятельность внутри государства, когда Петру было больше возможности обратить вниманіе и на умственное образованіе народа, и когда, дѣйствительно, его дѣятельность какъ учителя народа, принимала все болѣе и болѣе широкій характеръ, не стало этого человѣка.

СОДЕРЖАНІЕ.

скимъ знаніямъ (99—109), медицинѣ (109—111), юриспруденціи (111—112). Система церковнаго образованія. Направленія Яворскаго и Ѳеофана Прокоповича (112—136). Обученіе языкамъ (136—139).—Попытки ввести общеобразовательныя школы: цифирная школа, гимназія Глюка, школа въ Тобольскѣ. Учрежденіе Академіи наукъ (139—148).

ПОПРАВКИ:

Стр.	*Строка.*		*Напечатано.*	*Слѣдуетъ читать.*
8	8	снизу	Демелемъ	Делилемъ
10	22	сверху	при помѣщеніи	при посѣщеніи
12	6	снизу	табакъ,—или	табакъ. Или вотъ
14	9	сверху	для дворцовыхъ	для доставки дворцовыхъ
15	3	—	свѣта	свита
16	13	снизу	Къ нимъ	Съ ними
—	5	—	III. 77., Нартова	III т. т. и у Нартова
17	4	сверху	либете	либсте
17	9	снизу	казнь Шафирова	дѣло Шафирова
18	17	сверху	.Противникъ былъ—опасный	—противникъ, опасный
30	11	снизу	Петръ до того	Петръ дошелъ до того
31	4	—	«такъ сидящіе съ ними пласали	, такъ какъ засѣдавшіе съ ними члены плясали
33	8	—	все это	уже это одно
33	7	—	надъ этимъ	надъ многимъ
38	15	—	была	была указана
39	8	—	о государственной жизни	о государственномъ благѣ,
41	8	сверху	блоко	благо
42	5	снизу	и приводимомъ	и въ приводимомъ
49	14	—	онъ	онъ свою компанію
—	10	—	здѣсь и проявлялись	и проявлявшіеся здѣсь
52	10	—	Петръ	Петръ, съ
54	7	сверху	вылядовъ	взглядовъ
56	8	—	за незатлѣнную	за нетлѣнную
—	20	—	дѣло	зѣло
60	17	—	имѣній	мнѣній
—	28	—	стали чаще	стали дѣлаться чаще и
67	16	снизу	Пріобрѣсти	Пріобрѣтеніе
69	10	—	Каселсъ	Кассисъ
70	9	—	служивыхъ	служилыхъ
74	8	сверху	Того же метода направленія	Метода того же направленія
81	12	снизу	и возможности	и къ возможности
83	22	сверху	лѣпостно	лѣпостно
87	1	—	живутъ) уже	) живутъ уже
—	27	—	(Арбугова?)	(Арбузова?)
91	5	—	и частными	и съ частными
106	21	—	работникамъ	работникъ
109	5	—	позволялось	позволялось допускать
—	10	снизу	сообщавшіе	обязанные сообщать
129	12	—	«Первое ученіе» отрокомъ	«Первое ученіе отрокамъ»,

DK 131 .S65
Petr Velikii kak vospitatel i
Stanford University Libraries
3 6105 041 476 735

